

Предположим, что
американская невеста
обладает способностью
разделяться.
То она надменная дева,
то романтическая обаяшка...

ВИТАЛИЙ ГЛАДКИЙ

зона риска

**невеста
из USA**

ЦЕНТРОЛИТРАФ

Виталий Дмитриевич Гладкий

Невеста из USA

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157658

Невеста из USA: Центрполиграф; 2007

ISBN 978-5-9524-2592-7

Аннотация

Дженнифер, потрясающая девушка, владеющая мастерством ниндзя, приехала из Америки к жениху-бизнесмену, но в России, кроме романтической, она преследовала еще одну цель. Ее родители-американцы признались, что некогда незаконно удочерили ее в том же городе, где живет суженый Дженнифер. В поисках родных Дженнифер выходит на след торговцев детьми. Ее пытаются устранить. Жених назначает награду для того, кто найдет его невесту. Ребята из сыскажного агентства прилагают массу усилий, но странно – им начинает казаться, что в глазах просто двоится...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	44
Глава 4	64
Глава 5	77
Глава 6	94
Глава 7	111
Глава 8	130
Глава 9	151
Глава 10	173
Глава 11	189
Глава 12	206
Глава 13	225
Глава 14	243
Глава 15	261
Глава 16	277
Глава 17	296
Глава 18	314
Глава 19	333
Глава 20	354
Глава 21	371
Глава 22	382
Глава 23	395

Виталий Виталий Гладкий

Невеста из USA

Глава 1

Чем занимаются достаточно потрепанные жизнью холостяки, когда им делать нечего? Правильно – бражничают. А также обсуждают достоинства и недостатки бывших в употреблении и намеченных к укрощению потенциальных подруг. Вот такие мы, мужики, примитивные особи.

То ли дело женщины. Обычно они употребляют внутрь, что подороже (в особенности, если на халяву), а все их разговоры исключительно интеллектуального характера: о современной моде, о парфюмерных новинках, о «мыльных» операх, которые льются из «ящичков» на обалдевших от демократии обывателей как вода в общественном сортире советских времен – нескончаемым потоком...

Обсуждаются и мужчины, но гораздо реже. Может, потому, что в современном мире настоящих мужиков почти не осталось.

А всякие там «голубые», «розовые» и «микшированные» (это те, у кого сверху силиконовая женская грудь, а ниже пояса – главная мужская принадлежность, которая вскоре может стать рудиментом) недостойны женского внимания.

Они просто не могут быть темой утонченной светской беседы современных дам.

Мы собрались в нашем первом офисе, откуда выросли ноги теперь уже хорошо известного (и не только в нашем городе) детективного агентства под «оригинальным» названием О.С.А.

Увы, когда у нас родилась идея попробовать свои силы в качестве частных сыщиков, мы еще не обладали достаточно развитым литературным вкусом. А потому ничего лучшего не смогли придумать, как назвать свое детище по заглавным буквам официального наименования (Охранно-Сыскное Агентство), указанного в уставе предприятия.

Впоследствии этот самый литературный вкус привил нам один бумагомарака, который накропал опус¹ о наших не слабых криминальных похождениях, послуживший весьма эффективной и, главное, бесплатной рекламой агентству. Теперь мы являемся фанатичными поклонниками его незаурядного таланта наводить тень на плетень и врать настолько занимательно и правдоподобно, что кажется, будто он излагает на бумаге истину в последней инстанции.

Первый офис – это две небольших комнаты, кладовая, туалет и душевая на первом этаже старинного здания, отреставрированного современной конторой «Рога и копыта», которая всеми правдами и неправдами пыталась (и до сих пор пытается) оттяпать у нас нашу собственность.

¹ Имеется ввиду роман В. Гладкого «Кровь за кровь» (Прим. ред.)

К этому я должен присовокупить, что такой фортель нашим соседям не по зубам, так как нас охраняет слава совершенно отмороженных башибузуков, имеющих солидную «крышу».

А главный наш офис расположен в самом центре, на престижной улице, имеет площадь около четырехсот квадратных метров и занимает весь этаж, который мы выкупили. О нашей второй конторе я расскажу немного позже, а сейчас хочу объяснить читателю, кто такие «мы».

«Мы» – это три друга, сколотившие тесную компашку еще со школьных времен.

Главным у нас Сергей Платонов по прозвищу Плат. Серега еще тот фрукт. В его семье почти все мужчины служили ищейками: прадед – в Охранном отделении Российской империи, дед – в ЧК, батя – в МВД.

Что касается самого Плата, то служение моего друга отчизне на поприще охраны правопорядка едва не окончилось небом в крупную клетку. Но в принципе, главной причиной преждевременного ухода Сереги со службы была его бывшая жена, очень зловредное и беспардонное существо по имени Марья. Супруге Плата до смерти надоели будни оперативного работника уголовного розыска, нередко длящиеся сутками.

Для Сереги с его династическими амбициями по части сыска это был большой удар. Но с другой стороны Марья, сама того не осознавая, уберегла своего непутевого мужа от

очень больших неприятностей.

Спустя полгода после его ухода из управления во главе МВД поставили нового босса, который в очередной раз сделал попытку (наивный!) навести во вверенной ему конторе безукоризненный порядок.

Естественно, копать начали под всех. И как следствие, с органов улетели не только большие начальственные головы, но и всякая милицейская шелупонь рангом пониже, которая брала взятки и подношения не по чину.

Так что Серега просто в рубашке родился, что ему не припаяли кликуху «оборотень в погонах».

Под вторым номером в нашем содружестве числился Маркузик. Это его школьное прозвище. На самом деле имя у него было Марк, а фамилия – Кузьмин.

Маркузик не впечатлял ни мужской красотой, ни статью, но девки к нему липли как мухи на липучку. Дело в том, что Марк был очень умен и имел хорошо подвешенный язык. Он мог заболтать любого. Как известно, женщины любят ушами, на которые запросто можно намотать по килограмму лапши (знаю с собственного опыта).

А еще Маркузик здорово разбирался в электронике и компьютерах. Это его неустанными трудами мы можем время от времени валять дурака, а не бегать по городу с высунутым языком за неверными супругами, фиксируя их аморальные и антиобщественные действия на фото и видео.

Он изобрел для офисов и квартир несколько уникальных

охранных систем и с десятков хитроумных замков, к которым нельзя было (ну ладно – почти нельзя) подобрать ключи. И теперь у нас было небольшое производство по изготовлению всего этого железного и электронного хлама, приносящее нам очень даже неплохие дивиденды; бизнесмены и прочие крутые платили за свою безопасность, не скупясь.

Ну, и последнем королем в нашей крапленой колоде (ну не хочется вашему покорному слуге быть валетом, и все тут!) был я – здоровенный детина под два метра ростом с минимумом извилин в башке. Что совсем не мешало мне иногда выдавать очень даже интересные идеи.

Наверное, потому, что у меня была хорошо развита интуиция, благодаря которой мне удалось уцелеть в нескольких мелких вооруженных конфликтах и в двух весьма серьезных чеченских войнах, когда я тянул лямку контрактника-спецназовца.

Друзья, а также разные штатские, зовут меня Сильвером. Не подумайте, что это прозвище прилипло ко мне потому, что я был, как известный персонаж «Острова сокровищ» Стивенсона, без ноги. С конечностями у меня полный порядок.

А что касается характера, то он у меня точно не подарок; в средние века я непременно примкнул бы к вольному пиратскому братству, потому что ничего другого, как достаточно искусно управляться с разными видами оружия, делать не умел и не умею. (Вернее – почти не умею. Все-таки, жизнь

кое-чему учит).

Но судьба пощадила меня, и я прошел почти все «горячие» точки, образовавшиеся на развалинах некогда гордой и сильной советской империи, без особого урона для своих физических кондиций.

А Сильвером меня прозвали еще в школе, потому что моя фамилия Сильверстов. Стас Сильверстов, прошу любить и жаловать.

– ... Я когда-нибудь ее убью! – в сердцах закончил свой монолог Плат.

Речь шла о его бывшей супруге, которая доставала его даже будучи замужем за другим. У Марьи был комплекс наседки. Всех тех, кто когда-нибудь имел несчастье попасть в ее житейскую орбиту, она окучивала своими наставлениями и нравоучениями с настырностью, которая могла свести с ума даже совсем безмозглых.

– И сядешь, – философски сказал Маркузик.

– Ну и хрен с ним! – окрысился Плат. – Зато на этом свете будет меньше одной заразой.

– Зри в корень, Серега, – сказал я назидательно, решив блеснуть своими познаниями по части женской психологии. – Марья служит для тебя внешним раздражителем, катализатором твоей бурной и успешной деловой деятельности.

Сознаюсь честно, женскую психологию я изучал в основном на «толчке». Это у янки солдат не пойдет в бой, пока в его ранце не будет туалетной бумаги. А наши парни поль-

зуются для отправления естественных надобностей чем придется.

Однажды в Чечне кто-то притащил в отхожее место толстую книжку без обложки и по-варварски насадил ее на гвоздь. Кто ее написал, мне так и не довелось узнать. Наверное, какой-нибудь академик – уж больно мудрено закручен был научно-популярный сюжетец.

Но кое-что из этого монументального философического труда я все-таки выудил. И даже отложил в память – на всякий случай. Конечно, мои познания в женской психологии были не системны и обрывочны (в прямом смысле этого слова), так как трудом академика интересовался не только я один.

К тому же «чехи» нередко пуляли и по сортиру, который солдатики склотили на живую нитку с досок от какого-то забора и «бронировали» на метр от уровня земли разным железным хламом. (Какая, никакая, а все-таки защита от пуль. Лишняя дырка даже на пятой точке никому не нужна).

Поэтому приходилось бросать недочитанный книжный листок и вступать в перестрелку с бандитами со спущенными штанами. Что поделаешь, в таких ситуациях не до политесу.

И все же, несмотря на эти трудности, я подковался по части женской психологии весьма основательно и мог дискутировать на эту тему даже с большими умниками, выстреливая в них очередями книжных цитат, большей частью витиева-

тых и непонятных простому смертному. В том числе и мне.

Но красиво пустить пыль собеседнику в глаза, это ли не кайф?

Ну, а если между нами, не для прессы, то этой книге и впрямь место только в солдатском сортире. Ни хрена мне не помогали академические советы. Дочитав книгу почти до конца, я решил, что автор или старый пердун, или человек, который ни разу не переспал с женщиной.

На самом деле все гораздо проще... и гораздо сложнее. Женщина как мина с сюрпризом: тебе кажется, что все тип-топ, что ты ее уже обезвредил, приручил, а она вдруг взрывается в самый неподходящий момент и с очень трагическими последствиями для мужской психики. Потому я до сих пор и не женат.

Каждый день ходить по квартире как по минному полю – на это, знаете ли, не всякий мужик способен. Тем более с моими нервами, порядком истрепанными перестройкой, войной и безденежьем, которым я маялся после демобилизации.

– Ты бы лучше помолчал... кобель чертов, – буркнул Серега. – Женишься, вот тогда и узнаешь, что это за «катализатор» – существо с мягкими лапками, да острыми коготками.

– За ошибки молодости надо платить, – снова встрял Маркузик со своими философическими замечаниями.

– Это ты платишь... своим шалавам, – грубо ответил Плат, толком не поняв, что хотел сказать наш большой умник.

– Позволь, позволь, это когда же такое было!?! – Марк взвился, как ужаленный.

Плат невольно зацепил самую больную для Маркузика тему. Внешне наш компьютерный гений напоминал шуструю обезьяну. Он был черен, как галка, низкоросл, кривоног и лопоух. А густая курчавая шерсть у него росла не только на груди, но и на спине.

И тем не менее Марк считал себя козырным фраером. Одевался он с иголки (к тому же, носил прикиды такой цены, что за костюм можно было купить подержанный импортный автомобиль), и был постоянным клиентом дорогого косметического салона, где его на время свидания с очередной зазной каким-то образом превращали в настоящего херувима с ангельской мордуленцией.

Салонные умельцы даже уши-лопухи Маркузика ухитрялись пристегивать к башке, чтобы они не торчали словно локаторы, что вообще было выше моего понимания.

– Брэк! – вклинился я между ними как рефери на боксерском ринге, потому что мои друзья уже готовы были сцепиться не на шутку. – Все, братва, больше не пьем. Вам нужно почаще тренироваться в застольях, чтобы принимать такие дозы на грудь без последствий для себя и окружающих. – Я посмотрел на них свысока и добавил с ноткой превосходства в голосе: – Пацаны...

– Да уж, в этом деле ты дока, каких поискать, – иронично заметил Плат.

– Вместо того, чтобы работать, как следует, – подхватил Маркузик, – деньги наши по кабакам пропиваешь. «Трудоголик» хренов...

– Обижаете, гражданин начальник. Я регулярно сдаю финансовые отчеты, там все нормально. Главбух не даст соврать.

– Отчеты! – саркастически вскричал Марк. – Ха-ха!

До недавних пор он исполнял роль бухгалтера нашей фирмы, а когда мы приняли на работу дипломированного специалиста по бухучету, стал главным контролером по расходованию денежных средств.

– Он имеет наглость говорить об отчетах! Судя по расходу бензина на твою шушлайку, за день ты проезжаешь расстояние от нашего города до Москвы, что является наглой липой. А главбуху очень ловко вешаешь лапшу на уши, потому как он еще не знает, что ты за фрукт.

Я принял обиженный вид, но в душе был доволен, что мне удалось, переключив огонь на себя, прекратить пикировку между своими друзьями, которая могла вылиться в ссору и последующую за ней размолвку.

Что касается меня, то в нашей тесной компашке я был в качестве громоотвода. Меня пинали все, кому не лень – по делу и без, для слива отрицательной энергии.

Нужно сказать, что я не обижался на своих друзей. Они имели на это право. Ведь по большому счету в сыскном деле я был круглым ноле. То ли дело Плат, который получил

верхнее юридическое образование и почти десять лет проработал в городском угрозыске опером.

Что касается Марка, то он, конечно, не сыскарь, но у него голова – как Государственная дума. Он знал все; или почти все. Куда мне до него со своей одной извилиной...

Я был рабочей лошадкой. Меня гоняли как зайца, заставляя пахать сутки напролет. И удивительное дело: такой бешеный ритм мне нравился. Правда, иногда я позволял себе расслабиться, притом за счет фирмы, тут Маркузик был прав.

Но ведь и лошадь нужно время от времени кормить и поить, иначе она откинет копыта...

– Конечно, – с деланной горечью ответил я на выпад Маркузика, – просиживать штаны за компьютером, считая, сколько моя «девятка» намотала за день километров, значительно легче, чем высуну в язык, в жару и холод, в мороз и слякоть мотаться по городу за нашими «клиентами». Как я тебя понимаю...

Марк смутился и покаянно потупился. Ни для кого не было секретом, что в нашей гопкомпании он был головой, напичканной электроникой, Плат – туловищем с сердцем-мотором, а я – ногами, которым доставалось больше всего.

– Все, завязали! – скомандовал Плат, косясь на меня с сомнением; он не очень верил в то, что я сильно обижен. – Марк, свари кофе. А то и впрямь в голове сплошной кавардак.

– Почему я!? – взвился Маркузик. – Я к вам половым не нанимался!

– А потому, – миролюбиво сказал Плат, – что кофе у тебя получается – высший класс. Доверив этот важный процесс Сильверу, в итоге мы получим горькую бурду с запахом плавленого асфальта и крепостью самогона-первача.

– Кофе должен бодрить, а не навевать сонное настроение, – в приступе справедливости парировал я выпад Серegi. – Это только дамам в масть сладкий кофе с мороженым или сливками. Они от природы шибко нервные, поэтому кофий им нужен для спокойствия. А мужик пьет его, чтобы тонус поднять... и все такое прочее.

– Да пошли вы!... – Маркузик встал. – Болтуны! – Пошатываясь, он направился на «кухонную» половину нашего бывшего офиса.

– Чья бы мычала... – вполголоса буркнул Плат.

Я заржал.

– Что ты сказал? – резко обернулся Марк.

– Вода в кране, говорю, застоялась. Открой, пусть стечет.

– Открою...

Я снова ехидно хихикнул. Маркузик бросил на меня подозрительный взгляд, и хотел было что-то сказать – явно не комплимент, но я смотрел на него такими невинными глазами, что он лишь сплюнул с отвращением и принялся колдовать над электроплиткой.

Спустя десять минут мы уже наслаждались отменно сва-

ренным кофе. Марк и впрямь был в этом деле дока.

Резкий звук телефонного звонка ударил по нервам как взрыв мины-фугаса под днищем БТРа. Я даже подскочил от неожиданности, при этом пролив кофе на свои брюки.

– Мать твою!... – рявкнул я всполошено, а затем секунд пять исполнял ирландскую джигу – кофе был очень горячим. – Какая сволочь хочет оставить меня без наследства!?

Ответом мне были лишь недоуменные взгляды.

Дело в том, что телефоном старого офиса мы не пользовались уже больше года. (В отличие от дивана, на котором Маркузик устраивал вакханалии со своими многочисленными пассиями. Он потому и цеплялся за этот офис, как черт за грешную душу, чтобы ему было где предаваться любовным утехам – дома у него были чересчур строгие родители с пуританскими наклонностями).

Мало того, мы даже забыли, где находится телефон. И теперь прислушивались, откуда идет звон.

– Случайный звонок, – не без сомнения сказал Плат. – Кто-то ошибся номером.

Телефон продолжал трезвонить.

– Нет, это звонят нам, – хмурясь, возразил Марк.

– Ну и что? – сказал я беззаботно. – Пусть их. У нас сегодня день для релаксации.

– А если это звонит Фиалка? – Марк оставил мои слова без внимания.

Фиалкой мы называли нашу секретаршу Дарью. У нее и

впрямь были глазищи фиалкового цвета и фигура древнегреческой богини Афродиты.

Я сразу накинул на нее глазом (Марк, увидев ее в первый раз, вообще упал на задние лапы), но Плат абсолютно серьезно предупредил: «Тронете девочку – собственноручно урою. Даю слово».

Пришлось ему поверить – Серега всегда был верен своим обещаниям. И теперь Фиалка стала нашим младшим товарищем, от которого у нас практически не было секретов.

Девкой она оказалась очень даже смышленной и нередко давала дельные советы. А иногда мы даже подключали ее к операциям – когда нужно было взять на аркан какого-нибудь кобеля в штанах. Фиалка убивала мужиков наповал одним взглядом.

Эх, если бы не наказ Сереги!...

А телефон не умолкал. Теперь уже ни у кого не возникало сомнений, что на другом конце провода находится человек, который точно знает, что мы находимся в нашем старом офисе. Возможно, это была Фиалка.

Дело в том, что мы, уединившись для дружеского времяпровождения, отключили свои мобильные телефоны. Мобила – это такая зараза, которая не дает покоя ни днем, ни ночью. Я просто ненавижу ее.

Иногда, улажая свою очередную пассию, я забывал вырубить эту зловредную электронную игрушку, и она, естественно, начинала звонить в самый неподходящий момент.

Однажды с психу я выбросил мобилку в окно, а они возьми и приземлись на голову одному крутому, из новых, который в этот трагический момент как раз покинул кабину своего бронированного «мерса».

Вот была потом потеха...

Меня, конечно же, вычислили очень быстро. И прислали для выяснения отношений трех мордovorотов – личную охрану босса, о голову которого разбилась моя мобилка.

В общем, парни были неплохие, как потом выяснилось. С ними запросто можно было найти общий язык, тем более, что двое служили в тех же местах, где и я тянул свою лямку. Правда, немного позже. Но они сразу поперли на меня буром, не разобравшись, как следует, в ситуации. А этого я очень не люблю.

Пришлось тряхнуть стариной. Хорошо хоть бил я вполсилы, иначе до конца дней своих не простил бы себе то, что такие клеевые парнишки в расцвете своей молодой жизни вынуждены работать на больницу по милости какого-то хмыря, наворовавшего денег у народа по самое некуда.

Короче говоря, с тех пор я отношусь к мобильному телефону как к личному врагу. Хоть бы раз кто-нибудь позвонил и сказал, что меня, например, ожидает наследство в несколько миллионов американских «гринов». Ан, нет. Звонят, в основном, чтобы сообщить какое-нибудь неприятное известие; или чтобы обругать.

Это у молодых мобила – игрушка. Эдакий безобидный

болтунчик для веселого времяпровождения. Для людей постарше мобильный телефон сущее наказание. Те, кто поумней, очень быстро начинают это осознавать. Да вот беда, появляется привычка сродни наркозависимости не выпускать из рук этот мини-гавкунчик даже в сортире.

Уели блага цивилизации человека мыслящего, кранты ему близятся, ей-ей...

– Марк, подними трубку, – наконец решился Плат.

Эти слова он выдал с мученическим видом.

– Опять я!? – Маркузика словно шило в задницу воткнули. – Гребаные начальники, как вы меня достали!

– Успокойся, – сказал я примирительно. – Просто, Плат хотел сказать этим, что ты человек, легкий на подъем. Лады, отвечу я...

С этими словами я встал, откопал телефон из-под пустых коробок и манерно сказал в трубку:

– Хэллоу?...

– Вы что там, все умерли!? – раздался в трубке негодующий голос Фиалки. – Почему не отвечаете!? Полчаса звоню...

– Нет. Живы, здоровы. Чего и тебе желаем. А насчет полчаса ты ошибаешься, милочк... ик! – икнул я некстати.

– Я так и знала! Опять у вас мужские посиделки.

– А кто нам может это запретить?

– У нас работы полно, а вы прохлаждаетесь!

– Работа не конь... ик!... пардон, постоит, – брякнул я нев-

попад.

– Только не эта.

– Ты о чем, душечка? По-моему, на данный момент чего-нибудь серьезного в нашей конторе не наблюдается.

– Ошибаешься. У нас... – Тут звонкий голосок Фиалки понизился до шепота. – У нас очень денежный клиент. Готов платить бешеные бабки.

– Да ну? Неужто кого-нибудь нужно завалить? Так это он не по адресу обратился. Мы «мокрыми» делами не занимаемся. Мы оч-чень законопослушные граждане нашей великой страны, которая простирается от Балтийского моря до...

– Эти басни кому-нибудь другому будешь петь, – не очень вежливо перебила меня Фиалка. – А сейчас дай мне шефа. Пусть он решает.

– Понял. Плат, тебя к барьеру.

Я принес телефонный аппарат, который был на длинном шнуре, к столу. Выслушав Фиалку, Серега коротко сказал:

– Пусть приезжает сюда. Дашь адрес...

И положил трубку.

– Серега, на хрен нам нужны сегодня какие-то проблемы!? – спросил я недовольно. – Хорошо сидим, отдыхаем... Всех денег не заберешь. А жизнь коротка, брат. И в ней так мало светлых моментов.

– Ага, бухалово для тебя – светлый момент, – вклинился в разговор Маркузик. – Примитив... – Он негодующе фыркнул.

– Ну и что? Допустим, я и впрямь примитив. Кому до этого дело? Живу как трава-полынь, никто меня не трогает. А ты, как я понимаю, мнишь себя ромашкой умненькой, аптечной, возвышающейся над серым и чахлым разнотравьем. Согласен. Да вот беда: тех, кто высовывается, обычно косою – вжик, вжик. И нету Кука. Сожрали-с злые и несчастные люди-дикари.

– Хватит вам пикироваться! – в сердцах рявкнул Серега. – Нас дело ждет. Похоже, к нам в сети и впрямь попала крупная жирная рыбина. Есть шанс хорошо заработать.

– Эта рыба вполне может оказаться зубастой акулой... – буркнул я со злостью. – Прецеденты подобного рода, как вам хорошо известно, у нас уже были.

Мне никто не ответил. Я тяжело вздохнул, отставил чашку с кофе в сторону и налил себе стопарь. Жизнь снова дала трещину.

Глава 2

Потенциальный клиент примелся в нашу почти тайную обитель спустя пять или шесть минут.

Прикинув расстояние между двумя нашими офисами – старым и новым – я просто обалдел: у него что, крылья выросли? Похоже, менты дали ему «зеленую» улицу. Это обстоятельство уже наводило на определенные размышления...

Дверь пошел открывать я. Так было заведено с самого начала нашей детективно-трудовой деятельности.

Едва раздавался дверной звонок, как тут же Маркузик удалялся в свою лабораторию, потому что у него вдруг возникала очередная гениальная идея, а Плат быстро открывал первую попавшуюся папку и с глубокомысленным видом начинал изучать какие-нибудь никчемные и в данный момент совершенно ненужные бумаженции.

В коридоре стояли трое: два «быка» впереди – похоже, телохранители босса, если судить по выражению собачьей готовности на их мордуленциях разорвать в клочья любого, кто попытается покуситься на жизнь охраняемого объекта, и вальяжный хмырь в козырном прикиде, на правой руке которого сверкал массивный золотой перстень с большим черным бриллиантом такой цены, что за него можно было скупить половину нашего города.

– Детектив, что ли? – грубым голосом спросил один их телохранителей.

Вот те раз... А где «Здравствуйте, сэр! Не соблаговолите ли принять нас по неотложному делу?»

О, времена, о, нравы... Грубый век. Сплошное хамство. Это как раз то, что я на дух не переношу.

– Что ли, – ответил я, и с подчеркнутым нахальством ухмыльнулся.

– Посторонись! – резко скомандовал мой визави с полной уверенностью в том, что я тут же выполню его приказание, и попытался протиснуться мимо меня внутрь офиса.

Лучше бы он этого не делал. Все дальнейшее произошло в автоматическом режиме и с потрясающей быстротой. Применяв один из приемов айкидо, я развернул «быка» вокруг его оси и, немного добавив ускорения, отправил в бреющий полет.

Не скорректируй я траекторию этого полета, бедный парень точно прошиб бы своей глупой башкой стенку напротив. А так он всего лишь пропорхал несколько метров по воздуху вдоль по коридору и благополучно приземлился на новенький и скользкий линолеум пола, по которому еще и проюзил метра два-три.

Второй бык оцепенел от такого неожиданного поворота событий. Похоже, соображалка у него срабатывала с задержкой.

А когда он, наконец, понял, что случилось, и уже готов

был исполнить свой долг, я остановил телохранителя тихой и обыденной фразой, весьма котирующейся в его среде:

– Дернешься – замочу.

Я сказал это лениво, процедив слова сквозь зубы, таким образом выразив свое полное превосходство над ним.

Парень мгновенно понял, что я принадлежу к более высокой бойцовской категории, чем он. Судя по всему, телохранитель прошел хорошую школу и в принципе был неплохим спецом своего дела.

А в среде профессионалов схватки нередко заканчиваются уже после борьбы взглядами.

Слабый сразу узнает более сильного и во избежание трагического исхода сдается на милость победителя. (Конечно, если это всего лишь противник, а не враг. С врагом настоящие профи идут в драке до конца).

Я не был ему врагом.

– Остановитесь! – подал голос наш будущий клиент, который до этого наблюдал за развитием событий с ошеломленным видом. – Вы что, в самом деле!?

Мне было понятно его состояние. Парни работали, как должно и как он уже привык: один из телохранителей остается с боссом, а второй должен обследовать помещение на предмет обнаружения вражеских происков. И я бы не стал кочевряжиться, попроси они о таком одолжении тихо и вежливо – порядок есть порядок.

Но хамить-то зачем?

– Извиняюсь, – сказал я в ответ. – Маленький инцидент. Будем считать, что он исчерпан. Вы проходите, – сделал я приглашающий жест в сторону босса. – А вы, соколики, посторожите возле двери, – обратился я к телохранителям с жесткими нотками в голосе.

– Ты нам не указ, – угрюмо буркнул Предусмотрительный – тот, что не испытал не себе мое «гостеприимство».

Второй, которому я присвоил прозвище Дурик, тем временем уже поднялся на ноги и приближался к нам с очень нехорошим выражением на бледном от злобы лице.

Мне был знаком такой тип людей. Жизнь их ничему не учит. Они привыкли наступать на одни и те же грабли по пять раз на день.

Но посвирепствовать ему не разрешил босс. Он сделал предупреждающий жест и приказал:

– Оставайтесь здесь.

Я надел на себя строгую официальную маску и большим удовольствием закрыл входную дверь перед самым носом Дурика. Теперь к нам можно было ворваться лишь с помощью взрывчатки – дверь старого офиса была сейфового типа и с таким наворотами, что и в солидном банке не часто встретишь. Дело рук и творческого гения Маркузика...

– Прошу, – вежливо сказал Плат, указывая клиенту на кресло для посетителей у своего стола.

Он держался с таким видом, словно инцидент возле двери его совершенно не касался. И Серега, и Марк уже не удив-

лялись моим выходкам. Маркузик вообще считал меня держимордой и пьяницей, а Плат относился ко мне как к большому неразумному ребенку; что с него взять?

– Спасибо, – поблагодарил клиент, и грузно плюхнулся в скрипучее, выдавшее виды кресло. – Плесните чуток, – попросил он, указывая под стол. – Душа горит...

Я в недоумении нагнулся и увидел там начатую бутылку водки. Харчи со стола Марк успел куда-то убрать, а спиртное получше спрятать не догадался.

Желание клиента – закон. Я ополоснул под краном приличный с виду стакан и, наблюдая за нашим гостем, начал наливать в него водку. Я ждал отмашку.

И дождался ее, когда стакан наполнился почти доверху.

«Ни фиги себе! – подумал я, глядя, как наш богаченький Буратино отправил в свое горло содержимое стакана одним могучим глотком. – Ну и хайло...»

Но в принципе меня удивляло другое: почему этот человек держится с нами так запросто, словно мы с ним сто лет знакомы? Нам приходилось вести дела богатых и влиятельных людей, но обычно они держались несколько скованно и практически всегда вежливо.

Во-первых, потому, что за нами тянулся шлейф славы (пусть не очень длинный, и не ахти какой, но все же, все же...), а во-вторых, вверяя детективам самое сокровенное, нужно спрятать свой скверный характер и наполеоновские замашки куда подальше, так как с хамами, даже за большие

деньги, никто добросовестно работать не будет.

Поставив пустой стакан на стол, и занюхав водочный дух хлебной коркой (это уже Маркузик подсуетился, поставил перед клиентом тарелку с бутербродами), наш гость спросил:

– Не узнаете?

– Пардон – увы... – осторожно ответил за всех Серега.

– Ну надо же... – Клиент кисло улыбнулся. – Даже ты, Сильвер, меня забыл. Неужто я так сильно изменился? Что делают годы с человеком...

Опа! Оказывается, мы с ним где-то встречались. Где и когда? Я вытаращился на него, как баран на новые ворота, но в голове все равно царил сумбур.

– Помнишь Рыжего? – продолжал наш гость.

Рыжий! Нет, не может быть!

Где же его огненно-рыжая, почти красная, буйная шевелюра? Передо мной сидел усталый донельзя мужик как минимум пятидесяти лет (хотя на самом деле, если это и впрямь Рыжий, ему было чуть больше тридцати пяти) с короткими, посеребренными сединой волосами какого-то неопределенного цвета.

Нет, точно, это Рыжий – Костя Крапивин. Теперь я узнал. В свое время мы с ним немало попили кровушки у наших преподавателей.

Он учился со мной до шестого класса (хотя был старше на два или три года), потом ударился в бега. Уж не знаю, по какой причине. Скорее всего, Костю манили приключения и

свобода, чего ему так не хватало дома.

Отец Кости за каждую его провинность – даже мелкую – охаживал сына солдатским ремнем, а после запирали в холодный чулан до самого утра. Так что Рыжий начал осваивать СИЗО еще в детском возрасте.

Костю ловили, возвращали в семью, драли, как сидорову козу, потом он снова давал деру, и опять все повторялось с точностью до запятой... Так продолжалось года три или четыре, пока Рыжий не влип в какую-то серьезную криминальную историю.

Его посадили, кажется, на пять лет, и с той поры я ничего о нем не слышал.

– Костя!? – Я все еще не верил своим глазам.

– А то кто же... Ну ты вымахал, Сильвер... – Он смерил меня оценивающим взглядом с ног до головы. – И как в детстве, бьешь первым, долго не задумываясь.

– Смени своих дуболомов, – ответил я раздраженно. – Времена дикого капитализма уже давно позади, а ты все еще держишь при себе тупоумных горилл. Научи их быть повежливей.

– Можно подумать, что умные на дороге валяются... – проворчал Крапивин. – Те, у кого мозги в порядке, создают детективные агентства.

– Спасибо за комплимент.

– А это, как я понимаю, Серега и Марк, – обернулся он к моим друзьям, которые глядели на него как на привидение.

– Правильно понимаешь, – ответил я за Плата, который открыл рот, чтобы сказать Рыжему пару теплых слов, но тут же и захлопнул его.

Наверное, мыслительный импульс не успел активизировать речевой аппарат Сереги, и он выдал лишь какой-то неопределенный звук типа «э-э...»

– Хорошо устроились, – сказал Рыжий. – Два козырных офиса, и оба в центре. А секретарша у вас – супер.

При этих словах его лицо вдруг приобрело трагические черты.

– Красивая девка... – Костя неожиданно с горечью всхлипнул, словно собрался расплакаться.

Мы тактично помалкивали.

– Моя такая же... была... – Рыжий сокрушенно покачал головой. – Где теперь ее искать!?

Блин! Мы с Платом быстро переглянулись, и на лице Сереги появилась кислая мина. Мы мгновенно поняли, по какой причине Рыжий вспомнил о нашем существовании и явился к нам с неожиданным визитом.

Что касается лично меня, то мне вдруг захотелось немедленно свалить в отпуск, несмотря на то, что на дворе стоял конец мая, и погода не баловала народ теплыми деньками – даже на югах.

Самая паршивая работа для частного детектива – искать пропавших людей. Практически это дохлый номер.

Об этом мало кто знает, но граждане исчезают почти каж-

дый божий день. Я имею ввиду не только наш город, но и страну.

Все случается просто до примитивности и по одному сценарию: человек вышел, например, погулять – и исчез. Притом с концами. Никаких свидетелей происшествия, никаких следов, никаких мотивов. Тупик.

Создается впечатление, что человек вместе со своей одеждой просто распался на атомы. Притом в каком-нибудь укромном уголке, где никто не мог его видеть.

Короче говоря, мистика, и все тут.

Нам уже приходилось расследовать подобные происшествия. Конечно, несколько раз мы находили объект, но наши скромные успехи относились к той самой пресловутой статистической погрешности, о которой так любят рассуждать различные высоколобые умники. Это когда появляются исключения из правила.

Как ни удивительно, но такие ситуации случаются не только на бумаге.

Однако в большинстве случаев мы упирались в глухую стену. Бегаешь дни напролет (а нередко и ночи), вынюхиваешь, суетишься – и все бестолку. В конце концов ты начинаешь понимать, что клиент палит бабки зря, но как скажешь ему, что все его траты бессмысленны?

Человек живет надеждой, и самое паршивое занятие – отнимать у него этот последний приют, где ему тепло даже в самый лютый мороз, где его любят и ждут...

– У меня исчезла невеста, – заявил Костя. – Плесни еще чуток, – обратился он ко мне, указав на бутылку.

Я налил ему всего лишь полстакана. Так сказать, во избежание. Пьяный клиент – это как мина замедленного действия. Он сам не знает, что может сотворить в следующую минуту, тем более в возбужденном состоянии, когда эмоции перехлестывают через край.

Оприходовав очередную дозу, Рыжий как-то буднично продолжил:

– Вы должны ее найти.

Ответом ему было молчание.

Марк с заторможенным видом смотрел куда-то в сторону – словно не слышал, что сказал Костя, Плат задумчиво рисовал на листке бумажки отвратительных уродцев, а я просто сидел, тупо хлопая ресницами и глядя на Рыжего ничего не выражающими глазами.

– Какого хрена молчите!?! – истерически взорвался (чего и следовало ждать) Крапивин. – Я люблю ее, понимаете, люблю! Она для меня как...

Рыжий не смог выразить словами свои чувства, лишь широко, с чувством, развел руками.

Понятно – как огромный чувал с баксами. Его я тоже любил бы без памяти. Ну есть у меня такая чисто человеческая слабость...

Но что касается чистой и большой любви к женскому полу, то сия болезнь до сих пор благополучно обходила меня

стороной. Может, потому, что я был свидетелем страданий Плата, когда его разлюбезная супруга сначала наставила ему рога, а затем помахала на прощанье ручкой.

– Когда она пропала? – наконец нарушил обет молчания Плат.

Этот вопрос он задал с обреченным видом. Потому что в его мыслях в этот момент гремело барабанным боем одно единственное слово – опять!?

Мы всего лишь неделю назад слили подобный заказ в канализацию и теперь лечили мозоли, которые набили в бесплодных мотаниях по городу и его окрестностям. В общем, получилась артель «Напрасный труд».

Куш, конечно, мы сорвали неплохой, но он не мог вылечить наше болезненное профессиональное самолюбие.

– Два дня назад, – ответил Рыжий.

– В милицию обращался?

– Я что, похож на дурака!?

– Нет. – Плат смотрел на него с сочувствием. – Но у ментов побольше сил и возможностей для такого расследования. Мы всего лишь частная шарашка, не более того. Это ежели как на духу, по-дружески.

– Не надо нам ля-ля. Я о вас много слышан. В городе вы – лучшие. Факт. Иначе здесь ноги моей бы не было. По крайней мере, по делу, – поспешил добавить Рыжий – чтобы сгладить впечатление от последней фразы.

Мы не обиделись. Это раньше советские граждане ходили

друг к другу в гости по поводу и без, по приглашению и без одного – просто для нормального человеческого общения.

Нынче в этом гребаном капитализме все забились в свои шикарно обставленные норки с евроремонтом и дверями сейфового типа и по вечерам на улицу даже носа не кажут. Теперь исповедуется пещерный принцип «мой дом – моя крепость».

Доходит до смешного: люди годами живут на одной лестничной площадке, но даже имен своих соседей не знают. Дожились, добрались наконец в светлое капиталистическое будущее... мать его!...

– Не знаю, что тебе сказать... – тянул свою волынку Плат; похоже, его душа сопротивлялась новой напасти в виде очередной дырки от бублика со страшной силой.

Я понимал Серегу: хуже нет работать на близких, друзей или хороших знакомых. В этом случае ты как бы принимаешь на себя дополнительные обязательства, что, по идее, предполагает стопроцентный успех в расследовании.

Увы, это отнюдь не так. Потому хирурги, даже самые гениальные, обычно избегают оперировать своих родных. Чересчур большая ответственность способна сыграть со спецом дурную шутку, что может привести к трагическому исходу.

– Если вопрос упирается в деньги... – С этими словами Рыжий достал из внутреннего кармана пиджака две пачки сотенных «зеленю» и бросил их на стол. – Это задаток – двадцать «штук». Он ваш при любом исходе поисков. Если

найдете мою невесту, получите столько же. Все ваши расходы тоже за мой счет... – Теперь он полез в другой карман, откуда выудил еще одну пачку. – Здесь сто тысяч рублей. Хватит на первое время?

Сорок тысяч «гринов»! Ладно, пусть двадцать. Это если нас снова ждет фиаско. Плюс сто тысяч наших деревянных на кабак. А на что еще можно потратить такую сумму за несколько дней?

Да за такие бабки я готов пахать как вол!

Я бросил взгляд на Маркузика. Он буквально пожирал глазами лежащие на столе пачки с деньгами.

Жлобяра... Куда он их деваает? Меня всегда этот вопрос занимал.

Плат всю свою получку тратил на строительство дачи (его маман на старости лет захотела жить в тесном единении с природой), я заработанные бабки пропивал и прогуливал, а Марк даже своих многочисленных «возлюбленных» поил дешевым сухим вином (правда, с красивыми этикетками) и кормил овощами; обычно он ради экономии средств представлялся абстинентом и вегетарианцем, чем сильно интриговал слабый пол (женщины, как оказалось, просто обожают нестандартных мужчин).

Плат глядел на деньги задумчиво, грустно и даже где-то обречено. Так смотрит на человека пес, которого заманили в клетку при помощи приманки. Он понимает, что его обманули, но вернись все назад, он снова с жадностью подбирал

бы с тропинки, ведущей в западню, жареную печень, у которой такой восхитительный вкус и аромат.

Я понял, что Плат уже принял решение. (Что касается Маркузика, так тот при виде этих двух пачек американской «капусты» готов был залаять и вставь в стойку). И обрадовался, правда, с некоторым опасением.

Конечно, Рыжий когда-то считался моим корешем, но это было так давно, что почти неправда. Поэтому меня совершенно не будут мучить угрызения совести, если с расследованием у нас выйдет пшик. А что так оно и будет, я был почти уверен.

– Хватит, – ответил Плат; и тут же поторопился добавить: – На первое время. Однако должен тебе сказать, что за этот задаток мы будем работать только неделю. Извини, Константин, но мы стоим гораздо дороже.

Ни фига себе аппетит у Сереги прорезался! Вот это заявочка... Ай да Плат. Умно, ничего не скажешь. Серега сразу забросил удочку с наживкой на крупную рыбу.

Если Костя и впрямь заинтересован в возвращении своей единственной и неповторимой невесты, то он заплатит хоть миллион; а бабла у него, судя по всему, куры не клюют.

Но ежели он сейчас устраивает спектакль – для отмазки перед настоящим расследованием с привлечением правоохранительных органов, то тогда начнет спорить, торговаться, и в конце концов свалит с обиженным видом, сказав на прощанье: «А я думал, мы друзья...»

Дело в том, что наши крутые (и не только; вообще почти все мужики) очень не любят, когда их жены, а тем более, невесты, наставляют им рога. И случается, что в гневе они отправляют своих подруг резвиться на серых равнинах, откуда нет возврата.

А после, естественно, начинают путать следы: бьются у всех на виду в истерике, моют полы слезами, нанимают частных детективов, доплачивают ментам, объявляют награду за сведения о потерянной душе...

– Договорились, – решительно сказал Крапивин. – Сколько скажете, столько и заплачу. Не в деньгах дело.

Плат тяжело вздохнул – мысленно; это я понял по его затуманившимся глазам – и буркнул:

– Что ж, коли так...

– Позавчера она поехала в финтнес-клуб... где-то около пяти вечера, – торопливо начал Костя – словно боялся, что мы передумаем. – И с той поры ее никто не видел.

– Не спеши, – перебил его Плат. – Нам нужно знать все. Понимаешь? – Рыжий с некоторым сомнением кивнул в знак согласия. – Марк!

– Чего?

– Давай аппаратуру.

– А где она тут?

– Тебе лучше знать.

– Я не могу ее родить! – огрызнулся Маркузик, но все-таки оторвал зад от стула и потопал в свою бывшую мастер-

скую.

Я был почти уверен, что в этом офисе нет ни одного магнитофона (а именно его подразумевал Серега под аппаратурой), но, зная Маркузика, можно было не сомневаться, что он что-нибудь придумает.

И оказался прав.

Спустя пять-шесть минут, которые мы провели практически в полном молчании, углубившись в свои мысли, наш Казанова появился с тяжеленным ящиком в руках. При ближайшем рассмотрении ящик оказался катушечным магнитофоном советской поры.

Интересно, где он его откопал? Этого звукозаписывающего монстра я видел впервые. На нем не было даже таблички с названием. Похоже, Марк когда-то сварганил магнитофон для своих потаенных нужд, при этом использовав детали всего ассортиментного ряда советской радиопромышленности.

Маркузик водрузил это «чудо» звукозаписывающей техники на стол, подключил, пощелкал переключателями, сказал в микрофон «раз, раз! прием, прием...», послушал воспроизведение, и сказал, обращаясь к Рыжему:

– Готово. Можно начинать.

– То есть?... – У Рыжего глаза полезли на лоб, когда ему подсунули под нос балду микрофона, который был размером с бейсбольную биту.

– Расскажи с самого начала, – объяснил Плат. – Где и ко-

гда ты с нею познакомился, в какой местности живут ее родители, кто они, есть ли у нее друзья-приятели, их адреса и телефоны, имеются ли у твоей жены братья или сестры, с кем она встречалась до тебя (если, конечно, это тебе известно), в чем была одета в день исчезновения, какая у нее машина (марка, цвет, номера)... ну и так далее. По ходу разговора будет еще много разных вопросов. Некоторые тебе могут не понравиться, сразу предупреждаю. Уж не взыщи. Так надо для пользы дела.

– Это в принципе понятно, – ответил Рыжий. – А магнитофон зачем?

– В нашем деле главную роль нередко играют мелкие детали, несущественные для непосвященных. Их так сразу и не уловишь. Потом мы еще несколько раз прослушаем запись нашего разговора, может, что-то и нарисуетя. Дошло?

– М-м... – недоверчиво пожевал губами Крапивин. – Ну, если так...

Мы приготовились внимательно слушать.

– Полгода назад, – начал Рыжий, – по своим бизнесовым делам я летал в Америку. Там у меня есть приятели. У них я и познакомился с Дженнифер...

– Так она... американка!? – У Плата глаза полезли на лоб.

Я тоже был удивлен до крайности. Во времена настали! Раньше всякие американские придурки, не востребоваанные у себя на родине, приезжали в Россию за невестами, а теперь, оказывается, американские девушки уже к нам стремятся.

До чего довела свобода личности! Оно понятно – если американские парни стадами идут под венец друг с другом, то куда деваться бедным женщинам?

Остается одно: пойти с горя посмотреть фильм «Горбатая гора», где герои американских вестернов, лихие ковбои, как оказывается, сплошь были педерастами, а затем, собрав пожитки, лиять за море, к русским мужикам, готовым в очередной раз спасти мир от еще одной вселенской напасти.

– Да, – ответил Рыжий. – А что тут удивительного?

Действительно – о чем базар? Ведь теперь многие наши соотечественники являются воплощением американской мечты: бабок у них – море, яхты по цене и размерам сопоставимы с «Титаником», виллы в Ницце и еще черт знает где, а также личные острова на Мальдивах, обустроенные словно мифическая Атлантида до погружения в морскую пучину, у которой даже мостовые были вымощены брусками золота.

– Это я... кгм! Извини... – смутился Серега.

– Ничего... В общем, пошла у нас любовь. Можно сказать, с первого взгляда. Приглянулся я Дженнифер. А мне она так просто в душе переворот сделала. Я уже был женат... но не сложилось. Такая стерва попалась... А тут – свежий цветочек, бутон нераскрывшийся, роза благоухающая...

Эк, его понесло! Не хватало еще, чтобы он заговорил любовными стихами: «Я встретил вас, и все бывшее в отжившем сердце оживило...» Похоже, Рыжий действительно влюблен в эту американку по самые уши.

Наверное, телка и впрямь клеевая...

– Привез я Дженн домой, свадьбу наметили через пару месяцев. Это чтобы она осмотрелась, привыкла к новой обстановке... Да и ее родители просили не спешить. Чтобы, значит, ошибки не вышло. А какая может быть ошибка, если я к ней с дорогой душой? Я все Дженн позволял. Купил ей клеевую тачку, «альфа-ромео», свадебный наряд заказал в самом Париже у известного модельера... у этого, как его? ... – Крапивин прищелкнул пальцами и наморщил лоб. – Забыл. Ладно, не суть важно. Замок во Франции арендовал для свадебного торжества, уже и задаток внес. Чтобы все было по-взрослому, как у людей. А тут такое... У-у-у! – Рыжий обхватил голову руками и застонал от переизбытка чувств.

– В общем, понятно, – сказал Плат. – А теперь несколько вопросов.

– Давай... – вяло кивнул Крапивин и быстро смахнул ладонью набежавшую слезу.

– Кто ее родители?

– Отец работает в госдепе, а мать – в юридической контроле.

– Круто...

Мы с Платом быстро переглянулись. Если Рыжий говорит правду, то с этой невестой что-то не так.

Несомненно, что столь состоятельные родители (сотрудники американского госдепартамента, и тем более, юристы, зарабатывают очень даже прилично) могли найти для своей

дочери женишка и получше, я бы даже сказал, породистой, среди американского истеблишмента.

Но связь с зарубежным бизнесменом, тем более русским, богатство которого может быть весьма сомнительного свойства... Нет, история точно с душком. Нутром чую.

Похоже, Серега такого же мнения.

– На каком языке вы общались? – вдруг спросил Плат.

– На английском, – не без удивления ответил Рыжий. – А на каком же еще? По-русски она ни бельмеса. Обещала выучить.

Что сделал с бывшим советскими уголовником капитализм! Надо же – Костя Рыжий даже английский язык выучил, хотя, насколько мне помнится, в школе звезд с неба он не хватал.

– Тогда вопрос, нет ли у нее здесь родственников, отпадает сам собой.

– Конечно.

– А как насчет подруг?

– Она просто не успела их завести. Хотя... – Костя заколебался. – Может, в спортзале?

– Ты имеешь ввиду фитнес-клуб?

– Да. Дженн как приехала, так сразу попросила найти ей приличный спортзал. Они там, в Америке, помешаны на спорте...

Плат крутил Крапивина еще полчаса. Тот от многочисленных вопросов даже взмок. «Ну вы, блин, как ментура, –

пожаловался он, когда Серега наконец выключил магнитофон. – Только пальцы в двери не закладываете...»

Знаток... Похоже, наш школьный приятель прошел серьезные тюремные «университеты». Но когда Плат задал ему вопрос, а не могли, случаем, его несравненную Дженнифер умыкнуть бывшие кореша – в отместку или чтобы добиться каких-нибудь преференций, Крапивин жестко ответил: «Нет! В городе врагов у меня уже нет».

Уже... Весьма симптоматичное и самоуверенное заявление.

Враги (или недоброжелатели) есть практически у всех. Даже у святых отшельников. Только у них враг покруче – сам нечистый.

Глава 3

Мы ехали к Рыжему. Плат возымел намерение провести осмотр комнаты Дженнифер. Костя сначала возмутился – кто смеет вторгаться в святая святых его возлюбленной!? – но мы убедили его, что это необходимо. Если, конечно, он хочет, чтобы наши поиски увенчались успехом.

«Гнездышко» Крапивина впечатляло. Это было даже не гнездо, а берлога, огороженная трехметровой высоты каменным забором, по периметру которого торчали видеокамеры. Что касается ворот, то, по-моему, Рыжий спер их у какого-то храма. Они были дубовыми, резными и окованными чеканной медью. Мы с Платом лишь молча переглянулись...

Загородная усадьба Крапивина находилась в самом престижном месте, которое называлось Залив. Для нашего города это то же, что Рублевка для Москвы.

Здесь жили только тузы, притом козырные. Простой народ сюда не пускали даже милостыню попросить, так как на въезде в Залив находился пост вооруженной охраны, а улицы патрулировала конная милиция.

Когда-то в этом месте река была пошире, поглубже и текла быстрее, потому и вымыла на излучине глубокую ямину. Со временем водная артерия истончилась, превратившись в тихую и спокойную речушку, а ее русло поменяло расположение, сдвинулось на самое дно речной долины, оставив на

краю соснового бора достаточно обширное и глубокое водное пространство, названное местными аборигенами Заливом.

Вода в Заливе пополнялась за счет весенних паводков и многочисленных ключей, поэтому была прозрачна и холодной. Даже в жаркий летний полдень в такой воде можно было выдержать не более десяти минут. Сам проверял.

В этом была какая-то загадка: и в начале, и в конце лета температура воды в Заливе была постоянной – около двадцати градусов. Казалось, что на дне залива работает вечная энергетическая установка, которая летом воду охлаждает, а зимой – согревает. В зимнее время Залив замерзал лишь под Новый год, и не более чем на пару месяцев.

Поэтому в Заливе нередко зимовали гуси, утки и даже лебеди, что только добавляло очарования местной, весьма живописной, природе. Что касается рыбы, то здесь она была в изобилии, притом вырастала до фантастических размеров. По идее, в Заливе был рай для рыбаков.

Увы, это не так. Рыба в Заливе не ловилась ни на какую приманку. А попытки добыть ее с помощью невода всегда заканчивались фиаско – сеть цеплялась за подводные камни (интересно, как они попали на песчаное дно Залива?) и рвалась в клочья.

Похоже, речной бог сохранял рыбу для многочисленных пернатых, которые не успели или не смогли по какой-то причине улететь в теплые края...

Дом Рыжего впечатлял. По своему посконному скудоумию, я всегда недоумевал: зачем семье из двух-трех человек вилла в три или четыре этажа, площадью полторы-две тысячи квадратных метров?

А Крапивин именно такую домину и отгрохал.

Меня утешает и примиряет с нашими богатыми придурками и их строительным безумием только одно обстоятельство: когда наступит время раскулачивания, эти особняки отдадут несчастным бездомным детям, которые сейчас ютятся в канализационных люках, на чердаках и в подвалах городских многоэтажек.

Надеюсь, в двадцать первом веке мои сограждане будут умнее и практичнее, нежели в двадцатом, и не станут разрушать до основания усадьбы новоявленных «аристократов» и нуворишей, как это было в 1917 году...

Внутри все сверкало. Даже ручки на дверях были позолоченными (а может, золотыми? когда мне пришла в голову такая мысль, я сильно пожалел, что не взял с собой отвертку).

Я едва не попросил Рыжего, чтобы он дал мне войлочные музейные тапочки. Но, видя, как наш бывший кореш бесцеремонно топает своими башмаками по зеркальному паркетному полу, я не без внутреннего колебания последовал его примеру, при этом стараясь идти едва не на цыпочках.

Что касается Плата, так он даже вспотел, оказавшись среди такого великолепия. Серега всегда был равнодушен к богатству.

Когда он еще был женат, то тащил в свою норку все подряд, начиная от телевизора новой модели и навороченной по самое некуда стеросистемы, до разных там слоников и ярких фигурок на магнитах, которые лепятся на холодильники и кухонные плиты; и все это якобы для улаживания злокозненной Марьи.

Но меня не обманешь, я знал, что Плат – мещанин до мозга костей.

Между прочим, не вижу ничего предосудительного в этом слове. Каждый должен жить по своему уразумению, а не по идеологическим догмам. Но желательно – скромно. Ведь что ни говори, а скромность украшает человека...

Поймав себя на мысли, что начинаю впадать в ханжество, я выдал своему второму «я» несколько непечатных эпитетов и метафор. И как-то незаметно очутился в будуаре несравненной Дженнифер.

Именно в будуаре, потому что апартаменты размером со спортивный зал никак не тянули на привычную в моем понимании спальню.

– Может, она где-то в доме потерялась? – не удержавшись, высказал я не очень тактичную мысль, папахивающую сарказмом.

Занятый своими мыслями, Рыжий на мой выпад, как должно, не отреагировал. Он лишь сумрачно ответил:

– Не-а... Обыскали...

Даже так! Ни фиги себе квартирка...

Наверное, в этом «замке» есть еще и парочка подземных этажей, а также тайники, чтобы прятать сокровища и бабки, нажитые непосильным капиталистическим трудом. А возможно, имеется и секретный тоннель – чтобы Рыжий, в случае чего, мог рвануть когти.

Плат шарил по будуару как настоящая ищейка. Я даже начал опасаться, что он и впрямь начнет обнюхивать постельное белье Дженннифер и ее интимные вещи в платяевом шкафу.

Что касается меня, то я бесцельно бродил туда-сюда, полагаясь на авось.

Мне подфартило и на этот раз. Устав от бессмысленных шатаний и решив, что шмон лучше полностью переложить на плечи Сереги, истинного профессионала сыскного дела, я распахнул окно, чтобы впустить побольше свежего воздуха (похоже, будуар не проветривался с момента исчезновения его хозяйки), закурил, и выглянул во двор.

Какой-то блестящий металлический предмет под окном (будуар Дженннифер находился на втором этаже) сразу привлек мое внимание. Присмотревшись, я невольно присвистнул от изумления.

– Плат! – позвал я Серегу, который как раз ворошил постель Дженннифер. – Поди сюда.

– Отстань, – отмахнулся Серега. – Я занят.

Наверное, он думал, что я приглашаю его на перекур.

– Ты будешь еще больше занят, когда подойдешь ко мне.

– Да? – Плат смотрел на меня с недоверием. – Что ты на этот раз выдумал?

Вот так всегда...

Его идеи и замыслы Марка – это гениально и востребовано. А мои предложения и рассуждения (которые в итоге почти всегда были верными) поначалу обычно подвергались обструкции.

– Посмотришь, – отрезал я, начиная заводиться.

Тоже мне бугор!

Плат подошел к окну и, повинуясь моему указующему персту, посмотрел вниз. Металлическая, хорошо полированная вещьца по-прежнему сияла зеркальным блеском, отражая солнечные лучи.

– Интересно... – пробормотал себе под нос Плат, напрягаясь всем телом.

Я знал это его состояние. Сейчас мысли бывшего опера заработали, словно шаровая мельница, которая в мгновение ока перемалывает кубы горной породы.

– Что вы там увидели? – заинтересованно спросил Рыжий, вклиниваясь между нами.

– Выйдем во двор, – ответил Плат. – Там все узнаешь...

Под окнами спальни Дженнифер лежал самый настоящий сюрикен² в виде звезды с шестью фигурными лучами.

² Сюрикены – метательное оружие в виде металлических стрелок и тонких пластин разнообразных форм; С. обычно носили за пазухой в обойме по девять штук в кожаном футляре (яп.)

Настоящий, значит, не бутафорский, коих полно на прилавках специализированных магазинов Америки.

Бутафория обычно штамповалась из паршивой, чаще всего не закаленной стали, а этот был кованным, отливал синевой, и его лучи были остры словно лезвие бритвы.

– Шикарная штучка, – сказал я с восхищением, пробуя пальцем концы лучей на остроту.

Я умел обращаться с сюрикенами. Научился в армии, от нечего делать. Поэтому мог оценить найденный экземпляр по достоинству.

– Что это? – Крапивин с удивлением воззрился на сюрикен.

– Я думал, ты ответишь на этот вопрос... – сказал Плат.

– Да я эту железку впервые вижу!

– На всякий случай снимем с нее отпечатки пальцев... – Серега аккуратно засунул находку в полиэтиленовый пакетик. – Позже... Но я практически не сомневаюсь, что сия вещь принадлежала твоей невесте. Это сюрикен, очень опасное метательное оружие из арсенала японских ночных «оборотней» ниндзя. Твоя невеста что, занимается восточными единоборствами?

– О чем ты говоришь!? – воскликнул обескураженный Крапивин. – Она домашняя девочка. Дженн только бегает кроссы и упражняется на спортивных снарядах для поддержания хорошего тонуса.

– И это все?

– Все.

– А где она бегают?

– Ну ты, в натуре... – Рыжий хмуро осклабился. – Вон, видишь, гаревая дорожка. Она идет вдоль всего забора и длинной как на стадионе. А там, дальше, бассейн с подогревом. Для себя делал.

– Это ясно... – Плат присел на корточки. – И когда твоя Дженнифер выходит из дому, ее обязательно сопровождает вооруженная охрана...

– Понятное дело.

– То есть, сама она куда-нибудь ни-ни?...

– Ни в коем случае. Только с двумя телохранителями.

Я лишь хихикнул в платочек. Тоже мне, хранители тела, мать их так...

Судя по рассказу Рыжего, Дженнифер вошла в здание фитнес-клуба – и исчезла. Испарилась. Притом, бесследно. Никто ничего не видел и не слышал. Просто мистика какая-то.

А эти два идиота из охраны, вместо того, чтобы глаз со своего объекта не спускать и держать его на коротком поводке (вплоть до двери женской раздевалки и душевой), благополучно ковырялись в носу и ворон считали, сидя в машине, которая стояла в полусотне метров от фитнес-клуба.

– Мне кажется, ты здорово ошибаешься, – с деланным спокойствием заявил Плат нашему женишку.

Я насторожился. Если Плат становится чересчур спокой-

ным, значит, он нащупал какой-то след.

– То есть?... – Рыжий глядел на Серегу с тупым недоумением.

– Твоя невеста часто использовала вместо входной двери в дом окно своей спальни, – ответил Плат.

– Слушай, ты о чем базаришь!?! – взвился Костя. – Такого не может быть!

– Еще как может. Смотри сюда. Газон возле стены ярко-зеленый и везде ровно подстрижен. А под окном его цвет меняется. Здесь он с желтизной. И примят изрядно. Такое может быть только в том случае, если сигать на него сверху, притом достаточно регулярно. Я так понимаю, газон не тутошний?

– Да, – ответил Рыжий, совсем сбитый с толку. – Мне привезли его из-за бугра скатанным в рулоны.

– Понятно. Основа у такого газона слабоватая, и если его сильно напрягать, то он требует постоянной поддержки при помощи разных агротехнических ухищрений. Вот потому здесь трава и пожухла. Этот дерн предназначен именно для дач и вилл, в отличие от того, что применяется для покрытия футбольных полей. Там травка покрепче, пожестче и повыносливей.

– Ну не могла она сигать через окно, не могла! Подумай сам – второй этаж... А как обратно?

– Очень просто – по стене. Вот видишь, следы от кроссовок, – показал Плат. – Если не присматриваться, то их труд-

но заметить.

– Но ведь Дженн не муха, чтобы шагать по вертикальной стене!

– Кто спорит... Мы сейчас возвратимся в спальню, и я думаю, что там где-то лежит веревка с крюком...

Это была не веревка, а тонкий, но очень прочный шнур. На одном его конце и впрямь находился обрезиненный стальной крюк, а на втором была прицеплена гирька. Очень функциональное приспособление, и тоже из арсенала ниндзя. С его помощью можно и по отвесным стенам карабкаться, и в случае опасности оглушить противника гирькой.

А еще мы нашли две заколки для волос в виде стальных стилетов длиной не менее двадцати сантиметров, при виде которых я удивленно крикнул. А затем ответил на безмолвный вопрос Рыжего, который вообще перестал что-либо соображать:

– Это метательные ножи. У твоей подруги длинные волосы?

– Да. Длинные и густые.

– И она иногда носит не просто стрижку, а козырную прическу...

– Ну...

– Такими заколками японки из кланов ниндзя во время любовных игрищ отправляли своих партнеров на небеса. Воткнула в горло – и привет. А предсмертные хрипы можно принять за выражение экстаза. Это если кто-нибудь – напри-

мер, телохранитель – стоит на ступе под дверью и прислушивается. Извини за нескромный вопрос: ты жил с ней, как с женой?

– Что ты! Она девочка скромная и чистая. Дженн сказала, что будет моей только после свадебного обряда.

М-да, подумал я, мысленно ухмыляясь, чудеса. Это же надо – американка-девственница. Да еще и скромница. В ее-то двадцать семь годков... Это все равно, что мясник-вегетарианец. В Америке нетронутая до восемнадцати лет девушка считается неполноценной и никому не нужной. Идиотизм...

«О, времена, о, нравы!» – воскликнул я мысленно, как первостатейный ханжа.

– Повезло тебе, Костя, что ты не стал к ней приставать раньше времени, – сказал я, взвешивая на руке одну из заколок.

И неожиданно метнул ее в дубовую дверь спальни. Рыжий резко отпрянул в сторону.

– Т-ты... Ты чего!?! – каркнул он внезапно охрипшим голосом.

– Демонстрирую эффективность этого женского оружия. Пойди, посмотри.

Крапивин подошел к двери и попытался вытащить заколку-нож. Но его потуги были тщетными.

– Как видишь, сталь на заколке – высший класс, – сказал я снисходительно, стараясь не замечать гневного взгляда Серги.

– Ты опять за свои штучки... – прошипел он, пользуясь тем, что Рыжий все еще пыхтел над заколкой.

– Дак, это... – я с виноватым выражением развел руками.

– Дать бы тебе по твоей хитрой морде...

Плат знал, почему я продемонстрировал, на что способна невинная с виду заколка для волос. Меня всегда раздражала помпезность наших новоявленных богатеев, и я не преминул воспользоваться возможностью нанести Рыжему хоть какой-то урон (так сказать, на память), испортив шикарную полировку эксклюзивной двери.

– Мужики, я не понимаю... Ничего не понимаю! – Костя схватился за голову. – Вы пытаетесь мне доказать, что моя Дженн – настоящая фурия. Но я не верю этому, не верю!

– Никто из нас ничего такого и в мыслях не держит, – сухо сказал Плат. – Мы лишь собираем факты. А они весьма нетривиальны.

Костя умолк. Его переклинило. Уж не знаю, какие мысли бродили в его голове, но то, что в ней царил вселенский бардак, я совершенно не сомневался.

Оно понятно: вводишь в свой дом козырную цыпочку, красотку, и вообще безобидное и целомудренное во всех отношениях существо, страстно ее любишь и хочешь на ней жениться, но тут неожиданно оказывается, что ты пригрел на груди смертельно опасную змею, готовую запустить в шею свои ядовитые зубки при первой же возможности.

Не хилая перспектива... Неужто эта американская неве-

ста нацелилась на богатое наследство в случае наглой смерти будущего муженька?

А что, вполне возможно. Американцы народ прагматичный. Это они выдумали любовь по брачному контракту. Большую профанацию в отношениях между женщиной и женщиной трудно придумать.

Куда там патриархальной индийской «Камасутре» с ее сотнями немислимых любовных поз, которые могут быть исполнены только йогами...

К тому же в Америке нынче с женихами-миллионерами напряженка, а у нас их – пруд пруди. Каждый день появляются новые. Журнал «Форбс», публикующий списки мультимиллионеров всего мира, забодался их считать. У него для этих дел уже сотрудников не хватает.

Наверное, такова судьба России – всегда быть впереди планеты всей. Если не по балету, так по миллионерам...

Скорее всего, Дженнифер тайно покидала свою комнату ранним утром или по ночам. Зачем? Этот вопрос был вполне закономерен.

– Может, она с кем-то тайком встречалась? – подумал Серега вслух.

– С кем? – простонал несчастный жених. – И где?

– Ну, ясное дело, не на территории твоих владений.

– О чем ты говоришь!? Периметр под сигнализацией, везде видеорекамеры, наружное освещение... Мышь незамеченной не проскочит.

Я лишь скептически ухмыльнулся. Обыватель, что с него возьмешь...

Если бы он прошел ту же школу, что и я, то так не говорил бы. Хорошо обученный спец может проникнуть незамеченным куда угодно. А после выполнения задания исчезнуть, раствориться в воздухе, как дым.

– Значит, тогда Дженнифер имела связь с кем-то из твоих парней, – безжалостно сказал Плат.

– Да ты... ты в своем уме!? Они предупреждены и хорошо знают, чем для них могут закончиться подобные штуки, – свирепо оскалившись, ответил Рыжий.

Маска была сброшена, и перед нами вдруг появился совершенно незнакомый человек. От прежнего Рыжего, который только что маялся и страдал, остался только костюм.

Костя вдруг превратился в жестокого и властного бизнесмена, который завоевал себе место под солнцем не только благодаря своим выдающимся умственным способностям и который готов притоптать, стереть в дорожную пыль любого, кто встанет у него на пути. Мне вдруг захотелось стать перед ним навытяжку и рявкнуть: «Здра... жла!...»

– Вы не хотите погулять по окрестностям? – брякнул я, чтобы разрядить обстановку.

– А это еще зачем? – удивился Плат.

– Есть мнение... – уклонился я от прямого ответа, выдав на гора фразу бывших советских партайгеноссе высокого ранга.

Обычно они пользовались ею, чтобы испортить кому-нибудь биографию. Но в моем случае она была очень даже кстати. На меня, можно сказать, снизошло вдохновение...

Я нашел то, что искал, очень быстро. Рыжий и Серега, которые неприкаянно плелись следом за мной, не успели набрать даже с десяток нехороших слов в мой адрес.

Они так и не поняли, зачем я устроил им экскурсию по сосновому бору, который рос позади усадьбы Крапивина, хотя Плат, глядя, как я ищу на земле какие-то следы, постепенно начал кое-что соображать. И не потому, что он такой умный, а из-за того, что Серега чересчур хорошо меня знал.

– Вот моя деревня, – сказал я торжествуя, – вот мой дом родной! Полюбуйтесь...

С этими словами я подвел свою команду к вывороченному пню, который был воткнут в развилку дерева примерно в полутора метрах от земли. Весь срез пня был испещрен следами от каких-то острых предметов.

Впрочем, я точно знал, каких именно.

– Что это? – недоуменно спросил Рыжий.

– Пенек, – ответил я снисходительно.

Плат таких дурацких вопросов не задавал. Он, если говорить высоким штилем, мигом прозрел.

– Здесь твоя Дженнифер тренировалась в работе с ножами и сюрикенами, – объяснил он Косте. – Теперь понятно, куда она бегала по утрам. Да, да, скорее всего, именно в утренние часы. По темноте упражняться в метании ножей

бессмысленно. Похоже, твоя американская невеста «жаворонок», рано встает...

– И «клювиком» своим милая Дженн работает – будь здоров, – подхватил я мысль Сереги. – Посмотрите: почти все насечки расположены по центру пня. Да-а, сильна девка... Я бы не рискнул выйти против нее на дуэль, имея в качестве оружия только метательные ножи.

– Почему вы решили, что здесь тренировалась именно Дженн!? – с возмущением воскликнул Рыжий.

– Да как тебе сказать... – Я выдержал эффектную паузу. – В нашем сыщицком деле есть такая наука – следы читать.

Плат едва сдержался, чтобы не заржать в полный голос. Он потихоньку, на цыпочках, отступил за спину нашему женишку.

Серега знал, что сейчас я заливаюсь соловьем ради рекламы нашей «фирмы». Так артистично вешать нашим клиентам лапшу на уши, как я, не могли ни Марк, ни сам Плат, несмотря на свое верхнее образование. В этом вопросе я, можно сказать, самородок, гений из народных низов.

– Не буду утомлять тебя изложением дедуктивного метода, коим мы обычно пользуемся в наших расследованиях, притом весьма эффективно. Я дам тебе факт, который сразу отметет все твои сомнения...

С этими словами я решительно подошел к неглубокой яме, образовавшейся после того, как оттуда выдернули пень (к слову, старый, с трухлявыми корнями; иначе его можно

было вытащить на свет ясный только трактором). Она была присыпана прошлогодними палыми листьями.

Небрежно расшвыряв их ногами в стороны, я нагнулся и поднял аккуратно свернутый тонкий, но чрезвычайно прочный, аркан из конского волоса, которому не страшна влага.

На одном его конце был закреплен кинжал с двумя лезвиями, из которых одно было прямым, а другое – изогнутым, в виде крюка или клюва. А на другом конце аркана была привязана трехлапая «кошка» – примерно в два раза меньше тех, которыми крестьяне достают из колодцев утопленные ведра.

Теперь я уже точно был уверен, что Дженнифер – самая настоящая лазутчица-ниндзя. Хитроумное приспособление, которое я держал в руках, можно было использовать и как обычный нож, и как метательное оружие, и как абордажный крюк, если возникает нужда заарканить и связать противника, забраться на стену или на дерево. По-японски оно называется, если мне не изменяет память, кёкэцу-сёга.

Вращая эту штуковину над головой, можно держать на почтительном расстоянии от себя человек десять. Любое соприкосновение с летящими на большой скорости кинжалами несет смерть или тяжкие увечья.

Все это верно. Но верно и еще одно: с кёкэцу-сёга может управляться только настоящий мастер боевых искусств.

– Как?... – хрипло выдохнул пораженный до глубины души Плат и осекся.

Я понял, что хотел спросить мой друг и компаньон: «Как ты догадался?» Он ведь думал, что я просто треплюсь по своему обыкновению.

А все очень просто. Когда я в «поле» – то есть, на задании – все мои чувства обостряются до предела. Даже теперь, на гражданке, стоит мне очутиться в лесу, как тут же включаются какие-то биологические сенсоры, скрытые внутри, и я становлюсь зверем со всеми его реакциями на внешние раздражители.

Это уже неизбежно. Нас так учили...

Я увидел кусочек аркана, который выглядывал из-под листвы. Наверное, ее сдуло ветром – где-то два или три дня назад по этим местам прошлась буря. Сначала я подумал, что это сухая ветка, но, присмотревшись, понял, что ошибаюсь.

– Что это? – спросил Рыжий, тоже потрясенный моим «дедуктивным» методом.

– Приданое твоей невесты, – ответил я довольно легкомысленным тоном.

Крапивин посмотрел на меня, как рублем одарил, и сказал:

– Сомневаюсь.

– И я бы сомневался, – поспешил я «утешить» школьного приятеля. – Такая красотка, добрая душа, почти фея – и грубое орудие убийства. Не вяжется. Но тогда ответь мне на такой вопрос: много ли в здешних лесах шатаются мастеров боевых искусств, которые пользуются изготовленными в

США приспособлениями? Смотрите – на крюке фабричное клеймо, написано по-аглицки. И ниже прииска – «Made in USA».

– Тут вообще таких нет, – угрюмо буркнул Рыжий.

– Вот и я об этом. А если к этой находке присовокупить крюк с гирькой, что мы нашли в спальне Дженнифер, то картина вырисовывается очень даже интересная.

– Но зачем ей все это, зачем!?! – в отчаянии воскликнул Костя.

– М-да... тайны мадридского двора... – Плат уже пришел в себя от изумления и теперь усиленно размышлял.

– А казачок-то был засланный, – сказал я многозначительно. – Вам не кажется, господа?

– Перестань! – окрысился Серега. – Тебе повсюду чудятся шпионы и диверсанты. Никак не избавишься от своих армейских привычек. А пора бы. Давно пора.

– Ага, вот такой я стукнутый по башке, – согласился я весело. – Контузия, братцы, дело серьезное. К тому же наркоз во время операции... Говорят, что он сильно влияет на умственные способности.

– Это относится к тем, у кого мозги в голове имеются, – сердито сказал Плат. – Лучше скажи, чего ты так веселишься? Или что-то еще нашел?

Угадал, бес! Вот ментовская натура... Что значит гены.

– Нашел, – ответил я с вызовом. – Не сумлевайся. Это ты у нас бумажный червь, все документики в папочки подши-

ваешь и дальше потолка офиса ничего не видишь. А в «поле» я мастер.

С этими словами я подпрыгнул, ухватился за ветку дуба, который рос на краю поляны, где упражнялась Дженнифер, быстро вскарабкался наверх и так же шустро спустился вниз, сделав лихой парашютный прыжок с трехметровой высоты – для разминки.

– Узнаешь материю? – спросил я Рыжего, ткнув ему под нос клочок ткани, явно выданный из спортивного костюма.

Видимо, Дженнифер, лазая по деревьям для укрепления мышц, не вписалась между веток и оставила этот клочок на остром суку.

Я заметил его не случайно. Едва мне попался на глаза аркан, присыпанный листьями, и как только я понял, что это такое, мой взгляд тут же побежал по кронам деревьев. И конечно же, я сразу заметил отметины от крюка-кинжала на ветках, а затем увидел и тряпицу, болтающуюся на суку. Она застряла в расщепе.

– Да... – ответил на выдохе Костя и вдруг грузно сел на землю.

Похоже, ему отказали ноги.

Глава 4

Мы – то есть, я и Плат – оккупировали фитнес-клуб. Нам нужно было выяснить обстоятельства исчезновения Дженнифер. Рассказ Рыжего – это одно, а реконструкция событий на месте, где они произошли, – совсем другое.

Наша малочисленная «опергруппа» приехала сюда после звонка Крапивина, поэтому нас встречали как президента России. Правда, цветов и хлеба с солью не было, но шеф этого козырного заведения выстроил для встречи почетный караул из таких классных телок, одетых в коротенькие снежно-белые халатики, что мне показалось, будто мы попали на конкурс красоты.

Да-а, есть еще на Руси женщины... А ведь все это будущие мамки. Представляю, каких они богатырей родят. Куда там до нас в этом деле гнилому Западу с его гребаной политкорректностью и венчаниями по католическому обряду геев и лесбиянок.

Хвала всевышнему, что наш народ все еще не сдался на милость цивилизации европейского типа, которая ведет человечество в тупик.

– ... Оделась и ушла, – закончила свой рассказ статная волоокая девица с крепкими мускулистыми руками.

Это была массажистка. Ее звали Ксана.

– Лапушка, ты о чем-нибудь с нею разговаривала? – спро-

сил я фамильярно.

Ксана состроила мне глазки, – ишь ты, чуёт голодного мужика за версту! – от чего мое сердце вдруг заколотилось в груди, словно бычий хвост, и ответила не без жеманства:

– Что вы... Она по-нашему ни бельмеса.

– И как же тогда вы объяснялись?

– Что тут объясняться? Она мне «хай!», я ей «здравствуйте!», затем пять секунд любезных улыбок, после чего сняла одежду – и на кушетку. А дальше мне уже не до разговоров, пахать надо. Тело у нее сухое, мускулистое, ни капли лишнего жира, так что любому массажисту нужно здорово попотеть, чтобы отработать каждую мышцу.

– А ежели пофилонить?...

– Нет, с этой дамочкой такой номер не пройдет.

– Почему?

– Она здорово разбирается в искусстве массажа. Как раз на этом Лизка и погорела. (Это моя сменщица). Лизка думала, что иностранку можно запросто обвести вокруг пальца. Она такая юная, наивная... Как бы не так! На третий раз американочка такой кипиш подняла, что Лизку едва с работы не выперли.

– Наверное, ты заступилась.

Ксана многозначительно улыбнулась.

– У Лизки много влиятельных клиентов, – ответила она с затаенной завистью.

– Не горюй, – ответил я, по-свойски похлопав ее по лито-

му плечу. – Какие твои годы. К пенсии обростешь связями, как дно судна ракушками.

Ксана сделала робкий шаг вперед и, глядя прямо мне в глаза (для этого ей пришлось запрокинуть голову; все-таки росточек у меня ой-ей...), зовущее приоткрыла свои полные чувственные губы.

Эх! Если бы я сейчас был не при делах... Ведь в кабинете, кроме нас двоих, никого не было.

Я сразу просек, что понравился девушке, едва переступил порог массажного кабинета; опыт – великое дело... Наверное, ей редко встречались такие крупные и самоуверенные экземпляры мужской породы, как я. И то верно – с мужиками нонче полный пердомонокль.

Стоящих парней шустрые девицы расхватывают на взлете, когда им под двадцать и в башке еще царит розовый вакуум. А те, что миновали сети Гименя в юном возрасте, потом или вообще жениться не хотят, или наркоту употребляют да горькую пьют на последние гроши, или у них с главной мужской принадлежностью проблемы.

Вот и живы, как хочешь. Жалко баб. Я вот, например, помогаю им, как могу, но ведь силы мои не безграничны...

– Неужто она ни с кем не общалась... накоротке? – спросил я уже официальным тоном, спрятав поощряющую улыбку.

Как ни крути, а дело есть дело. О личном можно и позже поговорить.

– Ну, не знаю... – не очень охотно и даже где-то с обидой ответила Ксана.

Похоже, я не оправдал ее надежд. А это значило, что теперь она замкнется, и нужные факты из нее можно будет вытаскивать только под пыткой. Нужно было срочно исправлять положение.

– Кстати, что мы делаем сегодня вечером? – спросил я, снова напяливая на свою физиономию слащавую до омерзения улыбку.

Эту похотливую улыбающуюся маску я позаимствовал у одного дружка в глубокой молодости. Он был самым настоящим жиголом. Все его ужимки и улыбки, если глядеть на них с расстояния в два-три метра, были насквозь фальшивыми.

И тем не менее девки западали на этого фраера, который, в общем-то, не блистал ни умом, ни статью, как глупые рыбины на удочку с фонарем в ночное время.

Мой подходец оправдал себя в очередной раз.

– Вы – не знаю, а я сегодня свободна, – сразу оживившись, ответила Ксана.

– Есть предложение скрасить наше серое существование походом в какой-нибудь приличный кабаk. У дамы есть возражения?

– У дамы нет возражений, – бодро откликнулась обрадованная девушка. – Надеюсь, мы проведем вечер не в баре «Рука удачи»?

– Что ты, милая! Как можно! Мы пойдем в «Бруклин».

– О-о!...

Мадам в экстазе... Ресторан «Бруклин» считался самым козырным в городе. Кухня в «Бруклине» была потрясающей. Как и цены. Но деньги у меня были, так что я особо не волновался на сей счет.

Что касается бара «Рука удачи», который завсегда и переименовали в бар «Шаловливые ручки», то это было мое самое любимое питейное заведение. Меня там знала каждая собака. И я даже обиделся где-то в глубине души на то пренебрежение, которое прозвучало в словах Ксаны.

– Так все-таки, вернемся к нашим баранам... – начал я фразу классическим выражением – чтобы блеснуть эрудицией и этим окончательно сразить будущий объект моих вздыханий.

Увы, мои потуги пропали втуне.

– Честно, я больше ничего не знаю, – совершенно искренне сказала Ксана (это я видел по ее глазам).

Конечно, женщины – еще те штучки. Врать они могут так натурально, что куда там Станиславскому с его системой обучения актерскому мастерству. Не хочешь, а поверишь.

– Хотя... – Ксана вдруг запнулась и наморщила лоб, что-то вспоминая.

– Ну-ну! – От нетерпения я готов был немедля выскочить из штанов.

– Насколько мне помнится, в клуб ее привела Зинка Клычкова, – не очень уверенно молвила Ксана. – Да, точно! –

воскликнула она. – Как раз в тот момент я брала ключ от массажного кабинета. Ключи от комнат у нас висят на стенде в фойе, возле стола охранника, – объяснила девушка.

– Кто такая, эта Зинка Клычкова?

– Мамзель, – презрительно оттопырив нижнюю губу, ответила Ксана. – Вообще-то ее девичья фамилия Сударкина. Она замуж вышла за Клычкова.

Эту фамилию Ксана произнесла с таким видом, будто жевившийся на неизвестной мне Зинке господин Клычков был фигурой, по меньшей мере, государственной значимости. Увы, мы с ним не служили-с, как говаривали в старину.

– Пардон, дорогая, а что за рыба этот Клычков?

– Ты... не знаешь!?! – Похоже, Ксана была сражена наповал моей ограниченностью.

– Как тебе сказать... Маркса знаю, читал, пусть и по принуждению, Ленина даже видел – в мавзолее лежит, с нашим президентом Путиным мы почти кореша – каждый день вижу его на телеэкране, а вот фамилия Клычков для меня пустой звук. Он что, мыслитель мирового масштаба вроде Спинозы?

– Ну ты ваще... Это же директор Центрального рынка!

– А... Понятно. Серьезная личность. По нынешним меркам он будет покруче Маркса вместе с Энгельсом. И денег у него, понятное дело, навалом. Да что там отцы-основатели коммунизма! Сам царь Крез по сравнению с ним почти нищий. Подумаешь, ел и пил на золоте. Эка невидаль... По-

везло твоей Зинке.

– Еще как повезло, – с завистью сказала Ксана. – А была кем? Можно сказать, уборщицей. Принеси – подай – убери... Это благодаря мне Зинка стала массажисткой, я почти год ее учила, пожалела девку... а затем она познакомилась с Клычковым.

– Неужто он писанный красавец, что ты за ним так убиваешься? – спросил я неожиданно грубо и зло.

Ксана смутилась.

– Да, в общем, я бы не сказала... Мужик, как мужик. И не убиваюсь я по нему вовсе. Честно!

– Понял. Метр с кепкой на коньках, брюхо как у беременной коровы и портмоне размером с подушку. Теперь таких «орлов» – пруд пруди. Все козырные места позанимали. Только вот беда: среди директоров рынков большая текучесть кадров. Больно много кандидатов на столь теплые и доходные местечка.

Ксана поняла мой намек и улыбнулась:

– Нет, Кирик сидит прочно, – сказала она. – У него охрана как у президента.

– Кирик?...

– Это мы его так кличем. Клычкова зовут Кирилл Леонидович.

– Понял. А что касается охраны... – Я не без самодовольства ухмыльнулся, вспомнив свои армейские похождения. – Если надумают замочить твоего Кирика, то не спасут его ни-

какие ухищрения.

– Он не мой! – сухо отрезала Ксана.

– Прости... – Я подошел к девушке вплотную и положил ей руки на плечи. – Прости, милая. Это я к слову. Значит, сегодня вечером?...

– Да...

– Сама подрулишь к «Бруклину» или за тобой заехать?

– Не надо. Я живу неподалеку.

– Тогда в девять. Время устраивает?

– Вполне.

– Все, я попылил. Дела...

Плат встретил меня довольной ухмылкой.

– Чему радуешься? – спросил я с невольной ревностью.

Я уже был практически уверен, что в деле об исчезновении американской невесты наконец появился след – Зинка Клычкова – и мне хотелось утереть нос нашему главному сыщику. Мол, и мы не лыком шиты. Поэтому довольная физиономия Сереги меня неприятно поразила.

– Я вычислил, как эта Дженн отсюда смайнала, – ответил Плат. – Думаю, что никакого похищения не было. Пойдем, я кое-что тебе покажу.

Спустившись на первый этаж по лестнице запасного выхода, мы зашли в небольшую комнатку, где хранились ведра, швабры, веники, тряпки и тому подобное; то есть, все аксессуары уборщицы. Наверное, это был ее «кабинет».

– Видишь окно? – показал Плат.

– Ну.

– Баранки гну! Что ты о нем скажешь?

– Окно как окно. Немного меньше метра в ширину, а высота... высота примерно тридцать пять – сорок сантиметров. Расположено почти под потолком. Вылезть через него можно, но непросто. Узковато. Для этого нужно быть ребенком. Или гимнастом.

– Именно. Как ты уже знаешь, Дженнифер хорошо тренирована и не обладает большими габаритами.

– Почему ты уверен, что она ушла из фитнес-клуба именно этим путем?

– Пацан... – Плат снисходительно ухмыльнулся. – Учись, пока я живой...

– Вот именно, пока, – буркнул я, довольно невежливо перебив назидательную речь своего друга.

Серегу хлебом не корми, а дай поучить кого-нибудь ума-разуму. Педагог хренов...

– Чтобы вылезть наружу, нужно открыть окно, – невозмутимо продолжил свою лекцию Плат, словно и не слышал моего замечания.

«Как оригинально! – подумал я саркастически. – Никогда бы не догадался, что из здания можно выбраться через окно». Подумал, но на этот раз промолчал. Мели, Емеля...

– Окно открывается вверх и фиксируется защелкой, – менторским тоном вещал Серега. – Но вот беда – когда его ставили, забыли прикрепить ручку. Есть, знаешь ли,

среди наших рабочих несознательные элементы... Поэтому Дженнифер, открывая окно, оставила на пыльном стекле отпечатки своих пальцев. Вот они, хорошо просматриваются.

– Допустим, это так. Ее пальчики или нет, установить несложно. Но почему этот факт не заметили парни Рыжего, которые, по его словам, поставили весь фитнес-клуб на уши? Не думаю, что они законченные идиоты. Уверен, что искали тщательно.

– Я тоже в этом не сомневаюсь. Но окно было закрыто щитом.

– Как это возможно? – опешил я. – Выходит, у Дженнифер был сообщник (или сообщница) внутри здания? Это если следовать твоей версии, что она упорхнула от нашего жешика по собственной воле.

– Не обязательно. Она баба сильная, могла и сама сдвинуть щит на прежнее место. А уборщица потом еще и придавила его лестницей, на которой поразвесила сушить половые тряпки.

– Может, уборщица и есть та самая темная лошадка, что помогла американке сбежать? Естественно, за хорошие бабки.

– Нет. Проверено. Уборщица здесь, я уже ее опросил. Притом в жестком варианте. Сказал, что ежели она темнит, то отвезу ее в СИЗО. Тетка едва не выпала в аут. Поэтому, я уверен, что она не врет; эта женщина наивна и простодуш-

на. В тот день уборщица ушла рано, сразу после обеда. Есть свидетели, в том числе охранник. А лестницу тетка приспособила под сушилку, в аккурат, на следующее утро после исчезновения Дженнифер. Вот такой компот.

– Понятно... что ничего непонятно. Зачем этой американской телке драпать через окно? Она могла это сделать более простым способом. Ну, например, когда бегала в лес упражняться. И главное – зачем? Мрак...

– Думаю, что ей припекло. И как раз в тот момент, когда она приехала в фитнес-клуб. Ее побег вышел спонтанным.

– Все-таки думаешь, что эту девицу не похитили, а она сама дала деру?

– Скорее всего. Хотя... кто его знает. На все сто процентов я не уверен.

– Но зачем, с какой стати?

– Это и есть тайна, которую нам предстоит разгадать. История очень мутная. Притом ее замутили с самого начала.

– Кто?

– Американцы.

– А, ну да... Действительно, чересчур много непоняток. Может, она шпионка?

Плат коротко хохотнул.

– Какой ты догадливый, – сказал он едко. – Агент два нуля «Ж». Американский вариант Джеймса Бонда, только в юбке. Ты что-нибудь как ляпнешь...

– У царя было три сына – два шибко умные, а третий –

дурак, – парировал я выпад Плата. – Но именно ему и досталась Жар-птица. Поживем – увидим, кто оказался ближе к истине.

– Увидим, – высокомерно глянул на меня Плат, хотя для этого ему пришлось смотреть снизу вверх.

– И что ты дальше будешь делать, умник?

– Искать, – не очень уверенно ответил Серега.

– Ага. Дырку от бублика, след от мужика на бабе. Где искать?

– Что ты пристал ко мне, как репейник к собачьему хвосту! – рассердился Плат. – Пока не знаю. Соберемся в офисе, покумекаем... Гляди, что-нибудь и образуется.

– Прежде, чем ехать в офис, мы должны посетить одного клиента, – рисуясь, сказал я с многозначительным видом.

Плат встрепенулся и пристально посмотрел мне в глаза.

– Так-так... – сказал он предосудительно. – Опять твои шуточки?

– Никаких шуток. Просто хочу передать тебе привет от Иванушки-дурачка.

– Кончай трепаться! Ты не на базаре. Говори, что распал.

Сделав вид, что колеблюсь, – делиться новостью или нет – чем привел Серегу в состояние тихого бешенства, я наконец рассказал ему о бывшей сотруднице фитнес-клуба Зинке, ее благоверном Кирике, и о том, что именно она привела взбалмошную американку в это элитное заведение.

– Сукин ты сын, Сильвер! – с чувством сказал воспрянувший духом Плат. – Почему не доложил об этом сразу?

– Хотел посмотреть, как ты будешь выпендриваться и строить из себя Шерлока Холмса.

– Да ну тебя!...

Адрес Клычкова мы узнали спустя десять минут – Серега воспользовался своими знакомствами в милицейской среде. А еще спустя полчаса наша «девятка» уже въезжала в лесной массив, где находился загородный дом Кирика и Зинки-массажистки.

На работе его не было (по крайней мере, так нам ответила по телефону секретарша директора рынка), поэтому мы решили, что Кирилл Леонидович, скорее всего, релаксирует среди молодой зелени своего дачного садика, удобно устроившись в шезлонге.

Глава 5

В своих предположениях мы не ошиблись. Клычков и впрямь релаксировал. Прямо в вечность. Он лежал на аккуратно подстриженном газоне во дворе своей дачи в позе пловца, готового броситься в воду, – с вытянутыми вперед руками и лишней дыркой в голове.

Едва наша машина затормозила у ворот дачного участка Клычкова, как у меня под сердцем вдруг образовалась неприятная заноза. Плат тоже что-то почувал, потому что не торопился покидать салон «девятки», а сидел, нахохлившись, как сыч, и с подозрением пялился на калитку в высоких воротах.

Она была приоткрыта. Что, судя по капитальному забору и дубовым воротам с коваными элементами, было просто невозможно. Это раньше советскому дачнику воротами служила хлипкая дощатая калитка, подвешенная на полосках транспортерной ленты, которая закрывалась на гвоздь или щеколду.

Нынче все баррикадируются, и в наших, отнюдь не восточных, палестинах легче встретить верблюда, нежели доброжелательного обывателя, готового напоить жаждущего или подать милостыню страждущему. Народ, запуганный разгулом псевдодемократии, боится всего, даже собственной тени.

А тут – не запертая калитка.

– Что ты об этом думаешь? – кивком головы указав на калитку, спросил Плат, даже не попытавшись скрыть тревожные нотки, прозвучавшие в его голосе.

– Надо бы отсюда когти рвануть... мне так кажется, – ответил я сдержанно. – Ты же знаешь наше «везение»... Но с другой стороны, вдруг мы ошибаемся и Кирик – гостеприимный хозяин, мужик, душа нараспашку.

– Ага, директор рынка – лох. Не смейся.

– Решай. Ты начальник, тебе и главное слово. Но если мы упустим этот кончик ниточки, то зеленого клубочка с американскими баксами нам не видать, как собственных ушей. Это как пить дать. Ведь у нас пока нет других вариантов.

Плат тяжело вздохнул и сказал:

– Ладно, пойдем... Вдруг мы ошибаемся.

Я с кислым видом кивнул. Блажен, кто верует...

Увы, к сожалению, интуиция нас не подвела. Мы снова вступили в то самое... Я представил, сколько теперь будет вони, и невольно поежился.

Перед нами лежал труп хозяина дачи. А чуть поодаль – еще два. Судя по «упряжи», это были телохранители Кирика. Убийцы на их оружие не позарились; пистолеты парней так и остались покоиться в наплечных кобурах.

– Застали врасплох, – напряженным голосом прокомментировал Плат кровавую бойню на дачном участке директора Центрального рынка.

– Почти что так, – ответил я, осматривая убитых.

Я старался не следить, а потому подошел к ним не по траве, а по вымощенной плитками дорожке.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Плат.

Он даже не повернулся в мою сторону, так как не спускал глаз с дачи Кирика, которая больше напоминала загородную виллу – и размерами, и богатой отделкой фасада. Серега был благоразумен и осторожен. Он не исключал, что убийцы все еще находятся на территории дачного участка, а возможно, и в самом доме.

Я поторопился развеять это заблуждение.

– Все они были убиты еще утром. Притом со снайперской винтовки, если судить по калибру пули.

Я указал на Кирика. Он лежал с повернутой набок головой – словно прислушивался к процессам, происходящим в земном ядре, – и входное отверстие пули просматривалось достаточно хорошо. Оно было практически посреди лба.

«Классно бьет, собака... – с невольным уважением ветерана подумал я о неизвестном снайпере. – Похоже, профи...»

– Утром? – Плат, не отрывая взгляд от окон дачи, по-рачьи, бочком, приблизился к незадачливому Кириллу Леонидовичу и опустился возле него на корточки. – Да, похоже, ты прав, – сказал он спустя некоторое время.

– Что будем делать? – спросил я уныло.

– То, что должно. Вызывать дежурную опергруппу.

– А может, того?... – Я изобразил на пальцах размаши-

стый заячий скок. – Нас никто не видел... Зачем нам лишние неприятности?

– Ты наблюдал за улицей, по которой мы ехали?

– В какой-то мере... – ответил я осторожно.

– Ну и как? Заметил что-нибудь интересное?

– Кроме трехметровой высоты заборов – ничего.

– Эх, ты, сыщик... Горе луковое. Да тут на каждом столбе установлены видеокамеры. Наши физиономии и номер машины срисованы десятки раз. Как тебе такой коверкот?

– Хреново...

– Еще как хреново...

– Поэтому, коль терять нам уже все равно нечего, давай-ка, дружище, звякнем, как решили, твои ментам, а потом, пока суть, да дело, заглянем в здание, – продолжил я без паузы. – Семь бед, один ответ.

– Ты в своем уме!? – взвился Плат. – Нам только и не хватало наследить в доме.

– А мы аккуратненько. На одной ножке поскачем, как балерины. Гляди, что и сыщется. К тому же, меня волнует судьба Зинки-массажистки. Не исключено, что и ее... А вдруг она всего лишь ранена? Надо оказать помощь. Вот тебе и отмазка перед ментами есть...

– Сильвер, ты безнадежный болван, – устало ответил Плат. – Ну почему, почему я всегда клюю на твои бредовые предложения!?

– Потому что я почти всегда прав. А если и случаются

проколы, то это уже вступает в дело теория вероятностей.

– Ты хоть знаешь, что такое теория вероятностей?

– Знаю, проходил. Это когда после боя из взвода остается только один. И этим счастливымчиком оказываешься ты. Потом идешь в церковь и ставишь боженке свечку – за оказанное доверие, а Эйнштейну за теорию вероятностей – в кабаке бутылку.

– А какое отношение к теории вероятностей имеет Эйнштейн?

– Так ведь среди ученых он считается самым большим бугром. Ему и главные почести.

– Вот что ты и впрямь умеешь, так это извратить стоящую идею и довести ее до абсурда.

– Кто бы спорил, а я не буду. Что ты прилип к дорожке? Пойдем...

Шмон дачи Кирика мы закончили в аккурат к прибытию гопкомпании из ментовской конторы. По окончании наших трудов я мог констатировать лишь одно – что избрал себе неправильную гражданскую профессию. Надо было открыть ООО «Рога и копыта-2» и за столбить за собой какой-нибудь рынок.

Этот Кирик жил как арабский шейх, ни в чем себе не отказывая. Его дача-вилла поразила мое воображение очень дорогой отделкой, эксклюзивной мебелью и главное – шикарным баром. В нем были представлены спиртные напитки со всего мира. О некоторых из них мне доводилось лишь слы-

шать или читать.

Я едва сдержал спонтанный порыв прикарманить одну из бутылок. Кирику она все равно уже ни к чему. В тех местах, куда его отправил снайпер, таким, как он, наливают коктейли из расплавленной серы и смолы.

Впрочем, возможно, я ошибаюсь. Не исключено, что Кирилл Леонидович был кладезью добродетелей. Как тут не вспомнить жестокого и беспринципного сборщика налогов, который оставил свое гнусное ремесло под влиянием проповедей Иисуса Христа...

Дом был пуст. Ни единого трупа не наблюдалось. Когда мы с Платом в этом убедились, то оба дружно и с облегчением вздохнули.

Все-таки, жалко незнакомую нам Зинку...

Из всех комнат меня больше всего заинтересовала одна. Она находилась в башенке, на уровне третьего этажа, и ее окна были расположены как бойницы – вкруговую. Это была спальня, похожая на монашескую келью, что совсем не вписывалось в козырную планировку жилища Кирика.

Одно из окон, выходящее на задворки, было распахнуто.

– Что ты на это скажешь? – спросил Плат, который своим ментовским нюхом тоже кое-что почуял.

– Нет комментариев, – ответил я сухой официальной фразой и встал на колени, чтобы заглянуть под кровать.

Это была самая настоящая солдатская койка с жестким матрасом, застеленная грубошерстным одеялом. Как она сю-

да попала? И кто здесь жил? Вернее, прятался.

Тайный вход в башенку мы обнаружили сразу, но только потому, что кто-то до нас нашел кнопку, запускающую электромотор, который сдвигал массивный шкаф, прикрывающий входную дверь. Вверх вела металлическая винтовая лестница.

– И что ты там нашел?

– М-м... – злобно промычал я в ответ сквозь стиснутые зубы, потому что как раз в этот момент исполнял цирковой этюд под названием «Человек-змея».

Часть кровати – противоположная изголовью – находилась в нише, и теперь я пытался заползти туда, что при моих габаритах было задачей архисложной. Когда я наконец дал задний ход и принял вертикальное положение, вид у меня был как у тряпки, которую жевала корова.

– Дай я тебя отряхну, – поморщился Плат.

– Потом, – отмахнулся я и показал ему то, из-за чего мне пришлось пожертвовать своим и так не очень обширным гардеробом.

Это был небольшой стальной штырек, заостренный с двух концов.

– Что это? – Брови Плата изогнулись вопросительными знаками.

– Не догадываешься?

Я снисходительно ухмыльнулся.

– Нет, – сердито ответил Серега.

– Между прочим, кто-то недавно проезжался насчет моих сыщицких талантов... Требую сатисфакции.

– Кончай выпендриваться! Говори.

– Это одна из разновидностей сюрикенов.

– То есть, ты хочешь сказать, что...

– Ага. Подтверждение моей версии, я думаю, мы найдем в туалетной комнате.

Туалетная комната – умывальник, душ и унитаз – была просто крохотной. Наверное, ее оборудовали для Дюймовочки. Над умывальником висело зеркало с полочкой, а на полочке стоял пластмассовый стаканчик с зубной щеткой и тюбиком пасты. Судя по внешнему виду тюбика, зубной пастой пользовались не более двух-трех раз.

– Вот! – сказал я торжествуяще, поднимая с пола длинный женский волос. – Все сходится. Для полной уверенности можно отдать экспертам, пусть сравнят. Но я уверен, что здесь побывала наша клиентка.

– Она что, специально разбрасывает свои сюрикены где ни попадя?

– А что, это мысль. Но если в первом случае она, скорее всего, просто его обронила – случайно, то здесь сюрикен оставили, по-моему, с какой-то целью. Впрочем, почему с какой-то? Не исключено, что Дженнифер оставила этот знак тем, кто ее будет искать.

– Она что, провидица? Откуда эта американская невеста могла знать, что мы выйдем именно на этот след? И что мы

«прочитаем» его, как должно?

– Откуда, откуда... От верблюда. Я все больше убеждаюсь, что эта девка далеко не дура. И что ее исчезновение может трактоваться совсем не так, как мы предполагаем. Похоже, она что-то спланировала и ведет какую-то опасную игру. Знаешь, Серега, мне все больше и больше хочется с ней пообщаться. Совершенно козырная баба.

– Козырная, но чужая.

– Господи, какие условности? Живем в двадцать первом веке, осмелюсь тебе напомнить. Вдруг мы с Дженнифер поправимся друг другу с первого взгляда. Хочется мне в Америке пожить... А Рыжий заарканит себе другую.

– Кобелино... – с осуждением буркнул Плат, переходя на итальянский.

– Чья бы корова мычала...

– Выходит, ее захватили с собой те, что замочили Кирика? Постель не застелена, смята, значит, если следовать твоей версии, она была здесь во время нападения.

– Была. Но захватить ее не так просто, дружище. Дженн ушла через окно.

– Она что, летать умеет? Посмотри, какая высота. И окно очень узкое.

– Советую тебе прочитать про японских ниндзя. Просветись. Они могли пробраться куда угодно. И выбраться хоть из преисподней. А девку, похоже, обучали японцы. Если ты забыл, на том сюрикене, что мы нашли под окном ее спаль-

ни, вытравлен иероглиф. Смотри сюда...

Я подвел Плата к окну и показал несколько темных пятнышек на выкрашенном в белый цвет оконном проеме.

– Это кровь. Выбираясь наружу, она сильно оцарапалась. Ты прав, даже для нее окошко узковато, – сказал я и не без труда просунул голову наружу. – Опа! А что это у нас там?

– Где?

– За забором, под кустиком.

Из окна башенки хорошо просматривалась опушка леса, который подходил почти к самому забору. Метрах в десяти от забора, в гуще молодой древесной поросли, темнело бесформенное нечто, отдаленно напоминающее лежащего на земле человека. Неужто это Дженн?

Мысль была настолько неприятной, что я невольно выразил ее длинным непечатным выражением.

– Думаешь?... – Плат нахмурился.

– Ничего я не думаю! Пойдем, посмотрим...

На зады мы вышли через вмурованную в забор металлическую калитку. Она закрывалась на засов, но в данный момент была не заперта. Похоже, именно через нее и сбежала Дженнифер. Да, кажись, не очень далеко...

Я не ошибся. В кустарнике лежал еще один мертвец. Но, к большому нашему облегчению, это был молодой парень.

– Узнаешь? – спросил я Плата, указав на металлическую стрелку, которая торчала из горла парня; именно она и оборвала его жизнь.

– Сюрикен...

– Точно. У нашей подружки не оставалось выбора... – Носком ботинка я подковырнул – «узи», который валялся рядом с телом неизвестного. – Он не успел. Она не дала ему ни малейшего шанса. Да-а, девка – супер... С такой бы я пошел не только в постель, но и в разведку.

– Извращенец...

– У каждого человека есть свои недостатки. Я, например, большой любитель стиля «милитари», даже в сексе. Наверное, это у меня в крови.

Плат промолчал, лишь досадливо поморщился. Иногда мой треп был для него как соль на свежую рану. Все зависло от настроения, которое менялось у него через каждые полчаса.

Сергея сначала сфотографировал мертвеца несколько раз (с фотоаппаратом он никогда не расставался), а затем опустился возле него на корточки и с профессиональной сноровкой обыскал с головы до ног.

«Улов» оказался более чем скромным: носовой платок, расческа, перочинный нож, немного денег в потертом кошельке, запасной магазин к «узи» – и никаких документов. Из бумажек Плат нашел лишь изрядно потертую и мятую квитанцию, которую он выудил из внутреннего кармана куртки.

Но что на ней было написано, разобрать мы не смогли.

– Ничего, это дело поправимое, – утешил меня Серега,

пряча квитанцию в полиэтиленовый пакетик. – Попрошу знакомого эксперта, он «проявит» ее в два счета.

У Плата был бзик – он постоянно таскал с собой эти пакетики, чтобы хранить в них вероятные вещдоки. Даже если мы шли на какой-нибудь междусобойчик, вполне дружескую пьянку (даже без мордобития), можно было не сомневаться, что в карманах его выходного костюма обязательно найдутся два-три пакетика – на всякий случай.

Что касается меня, то я, в отличие от Сереги, всегда брал с собой только плоскую фляжку с коньяком. Даже после самой крутой попойки как-то так получается, что до полной кондиции не хватает именно этих двести пятидесяти грамм огненной жидкости. В особенности если тебе на хвост упадет какая-нибудь краля.

Не побежишь же в два часа ночи искать дежурный магазин, когда у тебя под бочком млеет от избытка чувств кладезь райских наслаждений...

– Спецы поработали, – сказал я, когда Плат управился с квитанцией. – Профи. Обложили Кирика по всем правилам. Этот клиент сидел вон на том дереве. Видишь, там сломана ветка. Заметив, как Дженнифер дает деру, он решил ее перехватить и спустился вниз. Наверное, крикнул, наставив автомат: «Стоять! Руки вверх!». Думал, что она напустит от страха в штаны. И получил... Что ж, и на старуху бывает проруха, как говорили классики литературы. Но девка быстрая. Реакция – будь здоров. Не хотелось бы мне нечаянно

оказаться у нее на пути...

– Неужели дрейфишь? Это что-то новое...

– Я потому и выжил в Чечне, что боялся. Всего на свете. И никому не верил. Даже нашим отцам-командирам. Это я сам для себя личность, большая ценность, а для них безликая боевая единица, пешка, которой запросто можно пожертвовать.

– Ой, врешь... Знаю я тебя. Прешь буром, как бык.

– Это я рисуюсь. Подавляю таким образом инстинкт самосохранения, который запросто может трансформироваться в трусость. Иначе меня просто перестали бы уважать. И кстати, ты первый.

– Ладно, поговорили на отвлеченные темы – и будя. Возвращаемся. По-моему, соколики на подлете...

Оперативников возглавлял наш давний знакомый майор Жердин (очередное звание ему присвоили полгода назад), бывший сослуживец Плата. Он почему-то не питал к нам добрых чувств; скорее, наоборот. Жердин считал, что наша «О.С.А.» – нарыв на здоровом теле государственного сыска.

Будь его воля, он уже давно отправили бы нас в те места, где даже Макар телят не пасет.

– Опять вы!? – с трагическими нотками в голосе воскликнул он, завидев наши постные – то есть, приличествующие моменту – физиономии.

– Здравствуйте, гражданин начальник, – сделал я реверанс. – Как я рад вас лицезреть, уж как рад... Давно не ви-

делись.

– Привет, Валера, – фамильярно поздоровался Плат. – Что тебя так удивило?

– Да, в общем, почти ничего такого. Но встреча с вами, да еще возле трупов, лично для меня дурная примета.

– Брось... – поморщился Плат. – В «убойном» отделе жмурики всплывают почти каждый день.

– Да, все это так. Но когда они каким-то образом связаны с вашей сыскной деятельностью, то можно с уверенностью сказать, что это только начало. Мертвецов будет так много, что, боюсь, придется просить подмогу.

– Ничего, ты справишься, – утешил его Плат. – Уверен. Опыта тебе не занимать. Говорят, на повышение идешь? – быстро сменил он тему.

– Думаю, что теперь повышение мне не светит, – угрюмо ответил Жердин и понуро пошел на зов эксперта.

– Сейчас он настроит свою нервную систему и начнет нас прокачивать, – прошептал Плат. – Вопьется, как клещ, хрен отцепишься. При всем том, спец он классный. Только не вздумай под дурика косить! Иначе запихнут нас в СИЗО, и будем мы торчать там до новых веников, пока не найдут убийц. Или какого-нибудь хмыря, который возьмет на себя всю эту «мокруху». Впридачу к другим своим «подвигам».

– Договорились. Буду изображать из себя возвышенно-интеллектуальную личность. Хочешь, начну стихами говорить? Например, гекзаметром.

– Только не проболтайся о деле, которым мы занимаемся! Рыжий предупредил, чтобы никаких контактов с ментами. Иначе наши денежки помашут нам крылышками.

– Да знаю, я знаю. Хозяин-барин...

– Лишний раз напомнить не помешает.

– Если честно, я уже хочу спрыгнуть с телеги. Жаба, конечно, давит, но думаю, что нам вполне хватит тех бабок, которые мы уже получили от Рыжего. Еще немного поизображаем активные поиски, а потом скажем: «Извини, кореш, пропала твоя американская Маруся бесследно. Все что могли, мы сделали, обращайся в милицию». Не нравится мне вся эта трахимудень. Боюсь, что мент может оказаться провидцем: трупов будет – хоть отбавляй. Кирика с его парнями замочили, словно мороженое съели. Походя. А это значит, что им все по барабану. Чтобы добиться своего, город на хрен взорвут.

– Может, это чеченцы?

– Сомневаюсь. Не та выучка. Нюхом чую, что здесь работали такие козыри, что нам впору быстренько лечь рядом с Кириком и притвориться мертвыми – чтобы нас не искали.

– Это мы их ищем.

– Плат, до чего ты наивен... – Я скорбно ухмыльнулся. – Если убийцы и впрямь профи, то можешь не сомневаться – где-то неподалеку сидит их наблюдатель и все сечет через бинокль.

– Ты это серьезно?

– Вполне.

– Значит, они видели...

– Скорее всего. И срисовали наши физиономии. А затем у их старшего возникнут само собой разумеющиеся вопросы: что за люди? почему прибыли первыми они, а не милиция, что они искали в доме и что там нашли? И вообще – что им известно об этом деле?

– Нет, это все твои дурацкие фантазии! – Плат нервно закурил. – Если они такие ушлые, то почему не забрали своего товарища?

– Объясняю. Он – пешка из оцепления. Почему пешка? А потому, что у него не было даже средств индивидуальной связи. Выполни свою задачу, получи визуальную отмашку, садись на мотоцикл и уезжай. Так обычно поступают, чтобы участники операции не знали друг друга в лицо и не могли опознать по голосу, если кто-то расколется. Умно, ничего не скажешь. Кстати, я уверен, что его железный конь спрятан где-то неподалеку. Можно будет потом поискать. Если, конечно, его менты не найдут.

– Думаешь, они охотятся за Дженнифер?... – едва шевеля губами, очень тихо спросил Плат.

– Не уверен. Возможно, Кирик не так себя повел, а братва, сам знаешь, скоро на расправу. Но если нас засекли, то нам от этого все равно не легче.

– Не легче... – эхом откликнулся Серега.

В это время нас позвали. Быстро переглянувшись, мы

дружно вздохнули и поплелись к майору Жердину, который уже ждал нас с невозмутимым, каменным выражением лица; ну просто тебе египетский сфинкс.

Так и хотелось упасть перед ним на колени и жалобно, со слезой, зануть: «Дяденька, отпустите меня Христа ради-и! Я больше никогда не буду-у...»

Глава 6

Жердин поизгалялся над нами как насильник-садист над юной профурсеткой. Если бы не наказ Сереги держать себя в руках, я бы такое ему сказал... А после этого хоть трава не расти.

Но мне все же удалось взять себя в руки, и я, глупо хлопая ресницами, почти час лепил горбатого, притом настолько искусно, что Жердин, который был хорошо знаком с моими штучками, так и не смог укусить меня пусть даже за заднее место.

Когда наше randevу было окончено, майор пыхтел от злости, словно паровоз, а на его лице выступил нездоровый румянец – предвестник апоплексического удара.

Он нутром чуял, что я вру безбожно, однако доказать, что это именно так, не мог. Та же история случилась и с Платом. За одной разницей – Серега, в отличие от меня, мог себе позволить во время общения с Жердиным фамильярный тон.

Если честно, то майор не запер нас в каталажку только по одной причине – он знал, что у нас есть хорошие покровители из высоких милицейских чинов, бывшие сослуживцы и ученики Серегиного отца. А ссориться с генералами простому оперу как-то не по масти.

Мы не стали дожидаться, когда закончатся все следственные действия. Впрочем, нас никто и не удерживал, даже эле-

ментарное любопытство, присущее роду человеческому. Мы и так уже узнали все, что нам было нужно. И даже немного больше.

Теперь следовало всю эту мешанину из фактов и домыслов переварить.

Усевшись на нашего верного Росинанта «девятой» модели, рожденного в городе Тольятти, мы медленно покатали вдоль улицы престижного дачного поселка.

Это, конечно, был не Залив, здесь селились людишки по-плоше, – то есть, победней – те, у кого все же не хватало до десяти миллионов «зеленю» нескольких центов. Этот дачный рай даже не имел нормального названия. Он так и назывался – Дачи.

– Добавь газу! – прикрикнул на меня Плат, который нервно курил и плевался через окно как верблюд. – Что ты ползешь, как навозный жук!?

– Хочешь сказать – скарабей? Я польщен. У древних египтян этот жучок был священным.

– Ты как моя бывшая, – сердито сказал Серега. – Скажешь ей одно слово, а она тебе в ответ десять. Нужно побыстрее сваливать отсюда, пока Жердин не передумал, и нас не догнали. Уж очень он тобою недоволен.

– У нас с ним взаимные чувства. Единственный мент (да и тот в отставке), которого я могу терпеть, это ты, Плат. Не дуйся, шучу... Ну не люблю я легавых и все тут. И не только их, но и всех начальников. У меня другой менталитет. Мое

кредо – полная свобода личности.

– Ты анархист, – буркнул Плат. – Махновец.

– Возможно. Не спорю. А что касается медленной езды, то сейчас мы вообще остановимся. Вот здесь. Очень даже уютный уголок. И машина спрятана от любопытных глаз, и дача Кирика отсюда видна как на ладони.

– Зачем она тебе? Что ты там хочешь увидеть?

– Тех, кто грохнул Кирика.

– ?...

– Похоже, Жердин совсем тебя затупил. Кто мне недавно говорил, что тут кругом видеокамер, как грязи? То-то. У тебя бабки есть?

– Да.

– Сколько?

– Рублями примерно пару тыщ...

– Рубли оставь, – сказал я нетерпеливо. – Я имею ввиду «капусту».

– Долларов триста-четыреста...

– Давай их сюда. Надеюсь, хватит.

– Что ты задумал?

– Видишь, вон видеокамера торчит? Большая.

– Ну, вижу.

– Она нацелена прямо на дачу Клычкова. Там как раз поворот дороги и хорошо видны все проезжающие машины. Уверен, что эта камера не только подглядывает, но и записывает увиденное. И устройства для записи, скорее всего, нахо-

дятся на пульте охраны этой виллы. – Я похлопал ладонью по кирпичному забору, возле которого припарковал свою «девятку».

– Намереваешься уболтать охранников? – сообразил Плат.

– Возьму их если не мытьем, то катаньем, – сказал я, зловеще ухмыляясь.

– И не думай! – подскочил, как ужаленный, Серега, хорошо знакомый с моими «методами» улаживания споров и конфликтов. – Иначе точно загремишь под фанфары.

– Да ладно тебе, я пошутил. Постараюсь обстригать все в лучшем виде. А ты сиди здесь и бди. За рулем. Машину держи под парами, чтобы сразу с места в карьер, ежели что.

– Стас, я тебя очень прошу...

– Да понял я, понял. Согласен – нам лишний шум ни к чему. Все, отчаливаю...

С этими словами я покинул салон «девятки» и пошагал вдоль забора к воротам. В отличие от остальных, они были кованы – как в Зимнем дворце. Может, потому, что дача была расположена в глубине территории, и от нескромных глаз ее закрывал строй голубых елей.

Красота...

Я подошел к воротам и крикнул:

– Ау, люди! Впустите бедного пилигрима, который идет в Иерусалим поклониться гробу Господню.

– Чего? Какой такой пилигрим?

Детина возник передо мной по другую сторону толстенных кованых прутьев словно сказочная Вещая Каурка перед Иваном-дураком.

Мне был хорошо знаком такой тип людей. Они обладают бычьим упрямством – до поры, до времени, а когда припекает по-настоящему, то мгновенно становятся похожими на маленьких детей, готовых спрятаться от опасности под мамкину юбку. Их нельзя назвать дебилами, хотя многие из них отстают в развитии. Просто они НЕ ТАКИЕ, как все.

– Есть разговор, парниша, – сказал я, приветливо улыбаясь.

– Проваливай отсюда... пока трамваи ходят, – неприветливо ответил детина. – Иначе собак спущу.

Он был вооружен помповым ружьем, но держал его неумело. Наверное, в охрану парня приняли недавно, и он мало упражнялся с огнестрельным оружием. И то верно – зачем оно ему? Разве что ворон пугать.

Обычно такую, с позволения сказать, охрану держат от воров. На что-то серьезное штатские охранники не способны. Поэтому им и платят по минимуму – только для поддержки штанов.

На этом я и построил свой расчет.

– Хочу сделать с тобой ченч, – продолжил я невозмутимо, будто и не слышал, что сказал мне парень. – То есть, обмен, – спохватился я, вовремя вспомнив, что детина, скорее всего, языкам не обучен.

Я достал из брюк стодолларовую купюру и многозначительно помахал ею в воздухе, как флажком.

– Чего менять-то? – В маленьких глазках парня вдруг вспыхнул жгучий интерес.

– Мне нужна кассета камеры слежения за последние сутки.

– Низзя! – отрезал детина.

– Так бы ты и сказал, что мало, – благодушно ухмыльнулся я в ответ, и вынул из кармана второго «зеленого» Франклина. – Но это финишное предложение. Двести баксов – и ни цента больше. Думай, Федя, думай... Сам знаешь, эта «капуста» в огороде не растет.

Парень быстро-быстро замигал рыжими ресницами. Наверное, это у него так совершался усиленный мыслительный процесс.

– Ты это серьезно? – наконец спросил он, облизав пересохшие губы. – А зачем тебе?

– Надо, – ответил я кратко.

– Понял, – ответил охранник. – Обожди, счас принесу.

– Кота в мешке, – сказал я резко. – Мне нужно точно знать, что это именно та кассета.

– Ну тогда, это, заходи, – решился охранник, не спуская глаз с двух зеленых бумажек, которые я держал перед собой как верующий свечку. – Тока смотри!... – Он потряс ружьем, вовремя вспомнив, зачем его приставили к воротам.

– Заметано, – изобразил я потрясающую искренность. –

Никаких глупостей. Мне требуется только кассета.

Видеокамер было четыре. И все в рабочем состоянии, судя по светящимся экранам мониторов.

Помещение охраны оказалось небольшим, но уютным – новая офисная мебель, мягкие креслица, на стене две картины – литографии. В углу – сейф для оружия и доска с ключами.

– Ты, это, давай быстрее, – сказал детина, с тревогой поглядывая на окно, откуда открывался вид на дорожку, ведущую к даче. – Тебя какая камера интересует?

Жлоб, подумал я благодушно, догадавшись, что волнует парня. Видимо, его напарник куда-то отлучился, и он ждал его с минуты на минуту. Делиться не хочет, понял я страдания охранника. Это и к лучшему. Что знают двое, то знает и свинья...

– Ента, Федя, – ткнул я пальцем в экран одного из мониторов.

– Я не Федя, – надул губы мой визави.

– Извини, это к слову...

Нужную кассету детина нашел практически мгновенно; ее недавно сменили и она лежала на виду. Быстро поставив кассету на воспроизведения, я убедился по дате и времени записи, что это именно та, которую я жаждал заполучить.

– Держи, – ткнул я в потную ладонь парня доллары, и поторопился покинуть помещение охраны. – Спасибо, дружище, – сказал я, очутившись за воротами. – И прими мой со-

вет: мы друг с другом не знакомы. Усек?

– А то, – весело ответил детина.

Он стоял, засунув руку с баксами в карман. Наверное, боялся, что они улетучатся, упорхнут вслед за мной.

– И еще одно... – Я приблизился к воротам и многозначительно продолжил почти шепотом: – Если вдруг тебя начнут спрашивать насчет этой кассеты разные людишки, в том числе и менты, прикинься валенком. Ничего не знаю, никого не видел, не помню, и вообще эта камера почему-то не работала.

Мне вдруг стало его жалко. Несмотря на внушительные габариты, парень был, в общем-то, пацаном несмышленным. Если то, что мы с Платом предполагали, записано на этой кассете, то детинушку запросто могут отправить на дно раков кормить – чтобы не наболтал лишнего.

Скорее всего, у тех, кто штурмовал дачу Кирика, не было времени сделать «зачистку» по всей форме. А может, просто не додумали.

Но я был уверен, что к этому вопросу они обязательно вернуться. Если, конечно, начальник у них с головой.

– Запомни накрепко – хочешь жить, держи язык за зубами, – предупредил я напоследок.

И быстренько отвалил. Потому что мне не хотелось наблюдать за метаморфозами, которые начали происходить с толстощекой физиономией охранника. До него только сейчас начало доходить, в какое дерьмо он вляпался, и как де-

шево проданся.

Но если мои предупреждения прозвучали для него пока лишь звоночком, а не набатом, то по части денежного вопроса детина понял, что здорово продешевил.

– Ну!?! – Плата от волнения бил мандраж.

– Все вэри гуд, майн либер кореш, – ответил я весело. – Упакуй добычу, как надо. – Я передал ему кассету и нажал на газ.

«Девятка» задрезжала всеми своими изношенными костями – и впрямь как Росинант незабвенного Дон Кихота – и выкатилась на проезжую часть улицы дачного поселка.

– А теперь – ходу! – крикнул я в веселом азарте, весь переполненный бесшабашной удалей, и вдавил педаль газа до самого днища.

Я был уверен, что потерянный след нарисовался снова. И теперь все зависит только от нас. И от малой толики удачи – без нее в любом деле никуда.

Увы, недолго музыка играла, недолго фраер танцевал...

В жизни всегда так бывает (по крайней мере, в моей): вчера ты смеялся в полной уверенности, что поймал синюю птицу за хвост, а сегодня уже мечешь икру, потому что у тебя ничего не складывается, все твои потуги тщетны, а Госпожа Удача проехала вдалеке, лишь шелкнув кнутом для сотрясения воздуха.

Наше с Платом «сегодня» наступили чересчур быстро. Едва мы выехали из дачного поселка и углубились в неболь-

шой лесок, как сзади показался «джип», который стал приближаться к нам чересчур быстро.

– Серега, мне кажется, нас пасут, – сказал я с тревогой.

А как не тревожится, если из оружия у нас была только монтировка, да и та одна на двоих.

Плат оглянулся, изменился в лице, и глухим голосом посоветовал:

– Прибавь скорость...

– Твоими бы устами да мед пить, – зло процедил я сквозь сжатые зубы. – Сколько раз говорил: надо купить мощную импортную тачку для таких вот случаев. Да разве кто меня слушает? Все денег жалко...

Плат промолчал. Он наблюдал за «джипом», который сокращал расстояние между нами уверенно и споро – словно хорошая гончая. Вот зараза!

Я старался выжать из нашей потрепанной жизнью «девятки» все, что только можно. Временами мне казалось, что она вот-вот рассыплется на запасные части. Асфальтовое покрытие дороги было скверным, в колдобинах, и я, как ни крутил рулем, все равно не успевал объезжать их, потому что гнал машину словно сумасшедший.

Но «джип» все равно не отставал. Может, в нем сидит просто какой-то лихач, мелькнула в голове спасительная мыслишка. Сейчас много таких придурков. Гоняют как сумасшедшие. Они просто не терпят, если какая-нибудь машина маячит впереди.

Мысль почему-то не успокаивала. Я нутром чуял, что внутри «джипа» находятся нехорошие люди.

А своей интуиции я доверял всецело.

Однажды в Чечне меня едва не отдали под трибунал – за то, что я тормознул колонну машин с десантниками на марше. Когда БМП начали втягиваться в ущелье, мне вдруг стало так нехорошо, что я едва не отключился. И все по одной причине – каким-то непонятным чутьем я определил, что через несколько минут моя душа вознесется на небеса.

Я буквально лег под гусеницы передовой машины, умоляя командиров поверить моей интуиции и послать вперед разведку. Хорошо, что штабной полкан³, который ехал вместе с нами инспектировать пограничников, прошел Афганистан и еще несколько «горячих» точек где-то в районе «черного» континента.

Он заглянул мне в глаза, в смятении покачал головой, и сказал: «Это говорит не он. С нами беседует сама судьба...»

Я оказался прав: дорога была заминирована, а по ее сторонам сидели чеченские бандиты и арабские наемники. Никогда до этого и после я не дрался с таким упоением... Мы раздолбали их, как Бог черепаху, застав врасплох.

После этого приключение меня зауважали и стали носить со мной, как с писаной торбой. На какое-то время я превратился в ходячий талисман. Но так уж устроена человеческая натура, что добрые дела забываются очень быстро, и че-

³ Полкан – полковник (воен. жарг.)

рез пару месяцев моя лафа закончилась...

Финал наступил раньше, чем я предполагал. Наверное, устав висеть у нас хвосте, – из-за рытвин и «джип» не мог разогнаться, как следует – пассажиры приступили к активной фазе операции.

Мне показалось, что по машине застучал град. Мать твою! ... Да они палят по нам со шмайсера⁴! Бля-а...

– Пригнись! – рявкнул я на Плата, которой удивленно хлопал ресницами, пытаясь понять, что это за звуки.

Увы, ему не довелось пройти те «университеты», которые забрали у меня почти десять лет жизни...

Я понимал, что на узкой лесной дороге они расстреляют нас как глупых куропаток. У меня не было маневра, чтобы, лавируя, сбивать им прицел.

Что делать, что делать!?

Впереди был крутой поворот. Я хорошо его запомнил, потому что в этом месте дорога шла над обрывом, а внизу, среди лесных зарослей, неспешно текла небольшая речушка. Решение пришло как наитие – у меня в голове словно взорвалась петарда.

Да, так и не иначе! В противном случае нам кырдык.

– За поворотом прыгай из машины! – приказал я Сереге.

Он даже не подумал возразить – понял все и сразу, без лишних объяснений.

Войдя в поворот, я слегка притормозил; Плат ухнул вниз,

⁴ Шмайсер – автомат (жарг.)

ломаюя деревца и кустарник. Выставив ровно руль, – чтобы наша старушка проехала ровно хотя бы метров сто – я уда-рил по газам, а когда машина набрала скорость, последовал примеру Сереги.

Вниз я скатился словно колобок, даже не пытаясь за что-нибудь зацепиться. Меня настигал шум мотора «джипа», по-этому я хотел как можно быстрее спрятаться среди деревьев, густо растущих внизу, у подножья крутого склона.

Едва я успел залезть в кусты (нужно сказать, что от роли колобка моя башка была немного не на месте), как показался «джип». Завидев нашу «девятку» совсем рядом – теперь она шла медленно – заморское чудище сердито рывкнуло, и со всей прытью ринулось вдогонку.

И снова раздался характерный треск «калашникова»; би-ли короткими очередями.

Ну, давай же, давай! – молил я страстно, впившись глаза-ми в обреченного Росинанта. Выручай своего Дон Кихота! «Служил ты хозяину много, последний разок послужи...» – всплыли в памяти стихи о лошади, уж забыл какого поэта.

Наш верный конь не подвел и на сей раз. Он вдруг резко взял вправо – наверное, колесо попало в колдобину – и благополучно ухнул с обрыва, да так, что скатился по склону в самую чащобу, которая представляла собой топкую при-брежную низменность, поросшую высоким кустарником и деревцами.

Все это происходило метрах в двухстах от того места, где

мы с Платом покинули машину.

Я не стал дожидаться дальнейшего развития трагикомедии, которая разворачивалась на моих глазах. Я знал почти наверняка, что сейчас пассажиры «джипа» станут возле обрыва и начнут совещаться, что им делать дальше: живы мы, или они нас порешили? лезть им в болото или оставить все, как есть?

Это обычный базар-вокзал в таких случаях. Дело сделано, чего ноги зазря бить? С обрыва вниз сигать – еще ладно, а вот как назад выбираться...

Но поскольку они профи, – а профессионалы никогда не оставляют работу недоделанной – то кому-то из них все равно придется закатать штанины и немного помесить грязь, чтобы добраться до «девятки», которая врезалась в дерево.

А там он увидит, что скорлупка пуста, и птенчики неизвестно где. Упорхнули.

И тогда начнется очередной сабантуй. Но к этому моменту мы с Платом должны быть далеко от этого места...

Не выбирая дороги, я почапал по бочажкам и кочкам вглубь болотистого леска, который обрамлял речушку. При этом я забирал немного вправо – где-то там должен был находиться Серега.

– Сильвер?...

– Я...

– Блин! – Плат возник передо мной как леший – весь мокрый, в тине и с выпученными от переживаний глазами. – Я

думал это они...

– Потому и в грязь зарылся? – Я коротко хохотнул. – Ничего, сейчас отмоешься. Давай, давай, ходу! Потом побазарим. Кассета цела?

– Спрашиваешь...

Сергея был прав – я мог бы на эту тему и не распространяться. У нас было железное правило – все вещдоки (тем более, такие) укладывать в полиэтиленовый пакет и герметизировать клейкой лентой.

Иногда, так сказать, по ходу пьесы, нам приходилось прятать добытые улики в самых неожиданных местах и нередко спонтанно – или от бандитов, или от милиции – и надежная упаковка в таких случаях играла не последнюю роль.

Что ж, и на этот раз мы оказались на высоте...

Мы добрались до речушки взмыленные, как скаковые лошади. Плат, не привычный к большим физическим нагрузкам, даже схватился за правый бок.

– Болит? – спросил я участливо.

– Пройдет... – процедил он сквозь зубы.

– Здесь метров пятьдесят, – оценил я ширину речки. –

Ныряем?

– Ныряем...

– Ну смотри, студент! Соберись. Нужно додержаться. Берем курс вон на ту заводь. Там кусты нависают над водой, и нас хрен кто увидит.

Я боялся, что нас могут заметить. Деревья росли тут густо,

но они были невысокими. Поэтому (я это сразу определил) противоположный берег речки с дороги был виден как на ладони.

Мы нырнули.

Нужно сказать, что в юности мы плавали и ныряли как выдры. Но то было тогда, а сейчас на какие-то несчастные пятьдесят метров мне пришлось потратить весь запас воздуха, который был в легких.

Говорила мне мама, не кури, сынок...

Спрятавшись за ширму из ивовых плетей, мы с Платом минуты три дышали как две большие рыбины, выброшенные на берег сильным штормом.

– Хух... Мать твою... – Серега потер ладонью грудь в районе сердца.

– Что, сердчишко пошаливает? – спросил я участливо.

– Не так, чтобы очень...

– Рановато.

– Угу. Это от нервов. А ведь нас могли и убить... – Плат побледнел еще больше и вздрогнул.

– Запросто. Целились плохо.

– Почему они за нами увязались?

– А это уже вопрос. Ответ, конечно, лежит на поверхности, однако его еще нужно очистить от шелухи. Но я припомню им эти водные процедуры, которые нам пришлось принять по их милости, можешь не сомневаться. Гад буду. Рано или поздно, но припомню.

Меня переполняла злость.

– Куда теперь? – спросил Плат.

– Домой.

– А как мы туда доберемся? Ведь эти, – Серега кивком головы указал на противоположный берег, – могут нас перехватить.

– Хрен им вместо морковки. Мы пойдем другим путем, как говаривал в свое время вождь мирового пролетариата, имя которого не хочется вспоминать всуе (он плохо кончил).

– Каким путем?

– Увидишь. А сейчас давай на берег. Хватит нам изображать бобров. Я уже продрог...

Вскоре мы выбрались на сухое место и пошагали среди редколесья в направлении города, до которого было примерно десять километров.

Глава 7

Товарняк, который шел в сторону центрального вокзала, нам пришлось дожидаться часа два.

Вместо того, чтобы топтать прямо к городу, мы сделали небольшой крюк и вышли к товарной станции, где формировались составы. Я был уверен: наши преследователи вряд ли додумаются, что мы выкинем такой фортель. Скорее всего, они перекроют все дороги, ведущие в город.

А что такая возможность у них имеется, в этом мы почти не сомневались...

Запрыгнув на заднюю площадку последнего вагона – состав уже тронулся, поэтому наша боевая команда в составе двух человек штурмовала его на ходу (правда, медленном) – мы с облегчением вздохнули.

Но наши вздохи отличались друг от друга как земля от неба: Плат с радостью узника, приговоренного к «вышке» и затем помилованного, думал, что мы окончательно оторвались от наших преследователей. А я блаженствовал по той причине, что нам не придется топтать черт те сколько, да еще по пересеченной местности.

В своей армейской жизни я наелся таких походов по самое некуда...

Как я и предполагал, на вокзале состав притормозил на пару минут, – наверное, машинист получал какие-то ценные

указания от начальства – поэтому наше десантирование обошлось без ушибов и ссадин, что могло быть, если бы мы сгали с поезда на ходу.

Конечно, вид у нас был еще тот. Глядя со стороны, можно было подумать, что нас сначала ограбили, а затем дали вместо приличной одежды лохмотья бомжей.

Мало того, что мы были грязными, так еще и оборванными. Ведь нам пришлось пробираться лесом, где, как это ни удивительно, практически не гулял топор лесоруба. Может потому, что местность была болотистая, и деревья выросли не выше пяти метров. Но чего-чего, а острых сучьев и коварных коряг в этом лесу хватало.

– Поехали, – сказал я, ввалившись на заднее сидение такси; Плат сел рядом, чтобы не травмировать своим видом водителя.

– Куда? – спросил таксист, посмотрев на нас с подозрением.

Я назвал адрес. В ответ таксист объявил такую стоимость проезда, что на эти бабки можно было доехать до ближайшего города. Наверное, он таким образом хотел избавиться от странных, чтобы не сказать больше, клиентов.

– Заметано, – сказал я, нахально ослабившись. – Рули, космонавт.

Немного поколебавшись, таксист все-таки завел движок и дал газ. Похоже, предполагаемый солидный навар напрочь вымел из его башки благоразумие.

За такие деньги он готов был везти не только подозрительных оборванцев без багажа (что было весьма странно, так как дело происходило на вокзале), но даже воров с награбленным имуществом.

Вот так обычно и бывает – жадность фраера губит...

Когда ловят за руку чиновника, а затем сажают, я всегда ставлю себя на его место. И думаю, что тоже не устоял бы перед соблазном получить кругленькую сумму за здорово живешь. Что может быть привлекательней халявы?

Увы, человек слаб. И глуп, потому что не в деньгах счастье. В чем вскоре и убедился наш жлобистый водила.

Ткнув ему в руки все еще влажные сто рублей – то есть, ровно пятую часть того, что он просил – я покинул салон и до хруста в костях потянулся. Спешить было некуда, так как мне предстоял разговор с обалдевшим от такой наглости таксистом.

Что касается Плата, то он поторопился исчезнуть в здании, где находился наш старый офис – боялся, что его увидят в таком непрезентабельном виде знакомые или бывшие сослуживцы. Образно выражаясь, мы решили провести совещание – или мозговой штурм, как величал такие посиделки Марк – вдали от мирской суеты.

– Вы это чего!?! – возопил таксист, тоже покинув салон машины. – А договор!?

– Договор дороже денег, – сказал я назидательно. – Приходи завтра. Все тебе будет – и кофа, и какава с чаем.

– Как это – завтра!?! Вы шутите?

– Ну да, я большой шутник. Но все равно, приходи завтра. Главное, чтобы дождя не было... – Я с озабоченным видом посмотрел на небо.

– Платите, или!...

– Ой, дяденька, не бейте меня! – вскричал я с деланным ужасом, увидев, что он достал из кабины монтировку; и тут же изменил тон: – Мужик, ты лучше глянь, кто перед тобой. Рост мой около двух метров, вес – под сто кэгэ, и бью я обычно всего два раза, притом второй раз – по крышке гроба. Подумай хорошенько, стоит ли заводить свару. Объясняю для тех, кто еще не понял: я местный, расстояние от вокзала до этого здания знаю с детства, и заплатил я тебе аж на двадцать рубликов больше. Но мне сдачи не надо. Оставь детишкам на молочишко, и не будь таким корыстолюбцем. Этот порок сильно сказывается на продолжительности жизни. А ты ведь хочешь дожить до пенсии, не так ли?

Казалось, что таксист проглотил большую грушу, потому что он резко заткнулся и его начало раздувать. Я уже начал беспокоиться, – не вызвать ли «Скорую»? – но тут водила судорожно сглотнул и сказал:

– Ну ты и наглый...

– Что да, то да, – согласился с легкомысленной улыбкой. – Но главная моя особенность – я просто ненавижу тех, кто пытается нажиться на ближнем. Ты зарабатывай деньги, желательно честным трудом, но не занимайся обдирательством

простых людей. Это я говорю потому, что предполагаю у тебя наличие остатков совести. Все, покада, пехота. Привет близким родственникам.

С этими словами я помахал ему рукой и последовал за Платом. Остолбеневший таксист с обалделым видом смотрел мне вслед, широко открыв рот – как пескарь на мелководье.

Учись, парень, пока не поздно, и пока есть такие учителя, как Стас Сильверстов...

Спустя полчаса примчался Маркузик, которого мы вызвали телефонным звонком. Он, как всегда, был встрепан и опять чем-то очень недоволен.

– Ты снова угробил машину!?! – яростно накинулся на меня Марк, когда мы рассказали о славной кончине нашего Росинанта. – Ну знаешь... Это ни в какие ворота не лезет! Мы пашем, пашем, копытим денежку, а он ее транжирит. То пропьет, то в карты проиграет, то машину разгрохает, да так, что ее даже Левша не соберет. Это уже третья!

– Третья! – фыркнул я обиженно. – Два первых «жигуля» вы нашли мне на свалке металлолома. И между прочим, я восстановил их за свои кровные.

– Они у тебя когда-нибудь были, свои кровные!?! Ты присосался как растение-паразит к живому дереву, то есть, к общей кассе, и швыряешься НАШИМИ деньгами направо и налево.

– Плат, ты слышишь, как меня оскорбляют!?! Не молчи, ты

же начальник. Мы пахали... А я что, в резерве отсиживаюсь? Надо было взять с собой этого коцаного жлоба, а затем усадить его на заднее сидение, дабы он послужил нам в качестве бронированного щита. Может, тогда, получив пулю в свою расплюснутую от долгого балдежа в мягком кресле задницу, он понял бы, что такое работа в «поле». Критик хренов.

– Все, баста! – Плат резко хлопнул ладонью по столу. – Марк, закройся. Ты не прав. Мы остались живы только благодаря Сильверу. И вообще – хрен с ней, с этой «девяткой». Барахло... Марк, тащи сюда водку. У меня все нутро горит...

Я и сам был очень даже не прочь подкрепить свою нервную систему хорошей дозой допинга. Да все некогда было. В ожидании Маркузика мы приняли душ, постирали свои шмотки и повесили их сушить над электрокамином, поэтому теперь сидели за столом в одних трусах.

Марк что-то злобно буркнул себе под нос и пошел в наш загашник – выгребать все, что там осталось.

Слегка подкрепившись и с сожалением констатировав, что для полученной нами большой моральной травмы слишком мало осталось «лекарства», мы сварили кофе и принялись гуторить.

Если честно, то даже я, человек опытный и не раз побывавший в смертельно опасных переделках, был несколько растерян и подавлен. Что я и выразил в заявлении своим «отцам-командирам», прозвучавшем как крик души:

– Мужики, надо от этого дела отказаться. Иначе нас точно

уроют. По-моему, каша заварилась очень серьезная. И мы, как та пшеничка, нечаянно попали в жернова. Я даже не исключаю, что это Рыжий нас подставил.

– Зачем? – тупо спросил Марк, который после всех наших перипетий был несколько заторможен.

– А фиг его знает. У богатых свои причуды. Не исключено, что Рыжего нам подсунули в качестве наживки, троянского коня. Ведь абы кто такие бабки не предложит, будет подозрительно. Возможно, с нами решили таким оригинальным способом рассчитаться за наши прежние расследования. Ведь благодаря нам несколько местных бугров благополучно переселились с мягких кресел на тюремные нары.

– А не проще ли было «заказать» нас паре молодцов со снайперской винтовкой? – с мрачной иронией спросил Плат.

– Не проще, – ответил я. – В этом случае всегда найдется след. Рано или поздно. К тому же, многие знают, что и меня, и тебя застать врасплох трудно. Нет, этот вариант не катит. Скорее всего, нас «встроили» в какую-то крупную аферу, имеющую очень солидное прикрытие. Мы выступаем в роли болванчиков, случайных попутчиков. Что-то вроде камешка в армейском сапоге. Выбросил его – и топай спокойно дальше. Впрочем, это всего лишь одна из версий.

– Нет, но каков гад, этот Рыжий! – злобно оскалился Маркузик. – Своими руками удавил бы! Зачем мы ввязались в это дело!?

– А ты забыл? – спросил я насмешливо.

– Забыл! – окрысился Марк, который всегда заводился с полуборота.

– Напоминаю для некоторых штатских – потому что от жадности тебя жаба задавила. Когда дело касается денег, то у тебя крыша едет, и ты перестаешь что-либо соображать – как глухарь на токовище.

– Какая же ты сволочь, Стас! – с чувством воскликнул Маркузик.

– Что, правда глаза колет?

– Перестаньте! – вмешался Плат. – Нашли время...

– Все, подчиняюсь приказу, – сказал я, поднимая руки. – Но все равно, как человек честный и принципиальный, молчать не могу. Вас поймали на живца, други мои.

– Что значит – вас!?! – На этот раз взбеленился Серега. – А ты где был?

– В отпуске. У меня уже билет на руках, – сбрехал я, не моргнув глазом. – Я считал, что с этим делом вы сами разберетесь, потому и не вмешался. Отпускное настроение, знаете ли, мозги отключаются...

– Не понял... – Плат смотрел на меня так, словно увидел первый раз в жизни. – Это когда же я разрешил тебя уйти в отпуск?

– А ты не помнишь?

– Нет. Напомни.

– Вот так всегда... – Я изобразил обиду. – Что ж, напоминаю – две недели назад. Когда мы гужевали в «Бруклине»,

обмывая очередное наше дельце.

Я мог сейчас преспокойно заявить, что во время гульвона в «Бруклине» мы договорились взорвать американскую статую Свободы, и ни Марк, ни Серега не смогли бы мне возразить.

Так уж получилось, что из нас троих только я кое-что соображал – благодаря постоянным тренировкам по части употребления спиртных напитков. Плат, в очередной раз чем-то уязвленный своей незабвенной Марьей, надрался так, что лыка не вязал, а Марк вообще поплыл и начал приставать к хорошо известному в городе трансвеститу по прозвищу Мотя.

Он уже договорился пойти с Мотей в номера, с пьяных глаз приняв его за девицу. Но тут я вовремя вмешался и восстановил статус кво, популярно объяснив Маркузику, что с Мотей лучше не связываться, так как он мужик молодой, при силе и еще неизвестно, кто из них двоих будет «актив», а кто «пассив».

– Да врет он, врет, как сивый мерин! – ввязался в наш с Платом разговор Маркузик. – Опять нам лапшу вешает на уши.

– Чтобы так утверждать, нужно хоть что-нибудь помнить из того вечера, – сказал я с вальяжным спокойствием.

– Я все помню!

– Да ну? – Я вызывающе заржал. – Что ж, извини. А я думал, ты был в отрубке. Еще раз пardon. Теперь я понимаю,

что поступил нетактично, лишив тебя возможности заняться греховными любовными утехами.

Марка неожиданно переключило. Он сделал губами «ап!», покраснел и заткнулся. Похоже, Маркузик все-таки кое-что вспомнил...

– Вот так-то лучше, – сказал я торжествуяще и обратил свой взор к Сереге, который в этот момент изображал статую мыслителя, мучительно копаясь в своих извилинах. – Так что, друзья мои, я в этой истории сбоку припека. И ввязался в нее только потому, что до отъезда у меня еще было время. Так сказать, чисто из товарищеских побуждений.

– М-м-м... – промычал Плат; похоже, у него просто не нашлось слов.

– Поэтому предлагаю прыгнуть с этого дела. И лечь на дно. В городе нас будут искать, я в этом уверен. И найдут, притом запросто, так как наши имена и адреса уже фигурируют в ментовских протоколах. А за бабки менты кого хочешь сдадут. Все дело в сумме. Надо нам всем уехать в отпуск, пока не успокоится весь этот сыр-бор. Это самый подходящий вариант.

– А Крапивин? – спросил Плат. – Как быть с ним?

– Даже если он не напускает туману и не работает в качестве болванчика, чтобы нас подставить, все равно пусть сам ищет свою гребаную невесту, – ответил я намеренно грубо. – Или передает это дело ментам. Между прочим, она сама может за себя постоять. В чем мы уже убедились. Эта невеста

– еще та рыба.

– Похоже, она резидент американской разведки, – едва не шепотом предположил Маркузик. – Господи, во что мы влипли!?

– Крик души, – прокомментировал я вопль Маркузика. – Раньше надо было кричать. Между прочим, я такого же мнения. Но у Плата есть возражения. У него эта версия не катит.

– Не знаю... У меня уже шарики за ролики заходят от всех этих перипетий. – Серега скривился, будто ему в рот попала горькая полынь, и с отвращением сплюнул.

– Что тут думать, прыгать надо, – сказал я с преувеличенной бодростью. – Как в том старом анекдоте. Рвем когти – и пусть попробуют нас найти. Мы ведь не давали Жердину подписку о невыезде. Имеем мы право на летний отпуск? Естественно, как любой российский гражданин. Поэтому наш отъезд, по идее, не должен выглядеть в глазах ментов как бегство. К тому же, начальства у нас нет и мы никому не должны отчитываться, где будем находиться. Может, нас потянуло на романтику, и мы решили сплавиться на плоту по какой-нибудь из сибирских рек.

– А деньги Рыжего? – Плат страдальчески сморщился.

– Да хрен с ними, с этими деньгами. Вернем – и все дела. Чтобы не быть должниками. Жалко, конечно, терять такой куш... но наши жизни дороже.

– Думаешь, эти... нас не будут искать? – с надеждой спросил Серега.

– Надеюсь. Если мы случайно попали в комбинацию. Им главное, чтобы никто у них под ногами не путался. Мы для них – неучтенный элемент операции, который в конечном итоге может ее сорвать. Обычно так оно и бывает. Кажется, что все рассчитано до мелочей, команда подобралась великолепная, маршрут проложен по совершенно безлюдным местам... но тут на пути попадается какой-нибудь тупой козопас, на которого даже рука не поднимается, чтобы его «зачистить». И все, операции каюк. Козопас вдруг резко и, главное, не ко времени умнеет и докладывает, куда надо, и группу ждет засада. Хорошо, если вместе с сухпайком носишь в рюкзаке еще и удачу. Тогда, может, и выживешь. Но это очень слабое утешение. В особенности если из всей твоей команды остается человека два-три.

– Ты своими военным байками уже все уши нам прожужжал, – раздраженно сказал Маркузик, наконец обретший способность говорить. – Лучше скажи, что нам сейчас делать? Собирать чемоданы?

В его голосе прозвучали истерические нотки. Похоже, Марк совсем скис. Это было плохо. Даже если отступаешь, терять голову нельзя. Иначе можно вскочить в еще большую неприятность.

Что ж, пришла пора поднимать боевой дух у своих сподвижников.

– С чемоданами разберемся позже. А сейчас будем смотреть кино, – сказал я бодро.

– Какое кино? – удивленно захлопал Марк длинными ресницами.

– Готовь аппаратуру, парниша, – сказал я, освобождая кассету, которую выцоганил у охранника, от полиэтиленовой кожуры. – Нам не мешало бы знать действующих лиц этого спектакля в лицо. Чтобы при нечаянной встрече любовно раскланяться.

Больше Марк ничего спрашивать не стал. Он был здорово напуган, а потому угнетен. Все-таки мы с Платом были практиками, и нам не раз приходилось встречаться с неприятностями подобного рода, а Маркузик в основном шарил по теории. В общем, интеллигент, что тут скажешь.

Но без него наше О.С.А. вряд ли просуществовало бы даже полгода.

Что бы там ни говорили разные низколобые злопыхатели, а интеллигенцию все же нельзя обзывать гнилой и ненужной. Именно она ум, честь и совесть нашей эпохи, а не коммунистическая партия, как когда-то в советские времена писали на лозунгах.

Увы, я не принадлежу к этому сословию, поэтому иногда страдаю, чувствуя свое ничтожество. Особенно мои страдания усугубляются после принятия на грудь двух стаканов водки. А после третьего я иногда даже пускаю слезу.

Как тяжело жить на белом свете рядовому необразованному гражданину, у которого в династии нет ни дворянина, ни академика, ни известного художника, ни маститого

поэта, как-то ухитрившегося благополучно пережить Николая II Кровавого, Сталина Первого и, надеюсь, последнего, а также почти всех остальных российских правителей...

С записью нам повезло. У меня даже создалось впечатление, что видеочамера была специально направлена на виллу Кирика.

Захват виллы произошел молниеносно. Едва Кирик и его охранники появились во дворе, и по ним отработал снайпер, как к воротам подъехала БМВ, и три человека в масках ворвались в дом.

Слаженность действий нападающих была выше всяких похвал. Мне даже показалось, что это учебный фильм, коих я немало насмотрелся в спецшколе.

Но особенно меня поразило другое. Невеста Рыжего выбралась из здания за несколько секунд до того, как уменьшенные расстоянием и экраном монитора до карликовых размеров фигурки Кирика и его парней разбросало выстрелами по двору словно кегли!

Она не спрыгнула вниз и не спустилась по веревке, как можно было предположить, – все-таки высокогато – а сползла по стене словно ящерица, цепляясь руками за практически незаметные выступы.

– Увеличить можешь? – спросил я Марка. – Нам нужно рассмотреть хотя бы номер их машины.

– На этом барахле – нет, – ответил он, кисло посмотрев на бытовой видеоманитофон фирмы «Панасоник», по которо-

му я, в отсутствие своих компаньонов, обычно смотрел порнуху и американские боевики. – В своей новой лаборатории – да, попробую.

– Ну, и что ты на это скажешь? – Плат был немного бледен.

Наверное, ему очень не понравились парни в масках, которые были вооружены автоматами. Да, с такой силой особо не повоюешь. Враз уроют. Не успеешь и «Отче наш» прочитать, как подбает в таких случаях поступать истинному христианину.

– Хотел бы для начала услышать твое мнение, – ответил я без особого энтузиазма.

– Не знаю, что и думать... Скорее всего, эту Дженнифер никто не похищал.

– Готов под этим утверждением подписаться.

– Она просто ушла к подруге, чтобы пересидеть – скажем так – лихую годину. Может, она уже расхотела выходить замуж за Рыжего. Но попробуй от него отвязаться. Охрана, любовь безбашенная, и все такое прочее. От богатого и влиятельного жениха не так просто смыться. У него под рукой и братки, и милиция, и сам черт с дьяволом. И это Дженнифер, похоже, уяснила сразу, едва приехав в Россию.

– Согласен. Версия наиболее подходящая. Если смотреть только на ее светлую сторону.

– М-да... Бойцы в камуфляже и масках в эту версию не вписываются.

– Не исключено, что искали именно ее.

– Предположение довольно зыбкое, но вполне вероятное. Хотя я больше склоняюсь к тому, что охота шла на Клычкова. Ведь ее могли забрать с виллы Кирика в его отсутствие, тихо и спокойно. А тут – «мокруха»...

– Есть еще один вариант... – Я умолк, пытаюсь организовать идею, которая в момент замусорила мне мозги.

– Ну-ну! – Плат в нетерпении заерзал в своем хлипком, выдавшем виды креслице.

– Что если это люди Рыжего? – сказал я, указывая на экран, где как раз в этот момент машина неизвестных отъезжала от виллы-дачи Клычкова.

– Думаешь, он может быть не только передаточным звеном, но и главным закоперщиком во всей этой истории?

– Примерно так.

– Тогда в нем пропадает великий артист. Я смотрел ему в глаза и не заметил там ничего такого, что позволило бы назвать его лжецом. По-моему, он и впрямь страдает.

– Да все эти строители «пирамид» и великие олигархи – гениальные артисты. Это же столько нужно сыграть пьес, притом без всякой внешней фальши, чтобы обмануть миллионы граждан и прикарманить их последние денежки или обуть такого же ушлого проходимца-конкурента в лапти и захватить его бизнес. Вот и кумекай.

– Ну, не знаю...

– Ладно, это я выдал такой вариант от безысходности. Для тренировки ума. Конечно, исключать ничего нельзя. Надо

проверять. И если в какой-то связи всплывет Крапивин, вот тогда и эту версию нужно будет отработать по полной программе. Чтобы с большим удовольствием набить ему морду и забрать все причитающиеся нам денежки.

– Но ты же говорил, что нам нужно как можно быстрее мотать из города! – как ужаленный, взвился Плат.

– Говорил. Но все это лазурные мечты, други мои. Увы и ах. Нам от этого дела уже не отвязаться. Помечтали – и будя.

– Почему!?! – хором воскликнули Марк и Серега.

– А вы не догадываетесь?

– Нет! – Опять мне ответили оба и в унисон.

– Мы здорово везде наследили. Конечно, это наша ошибка, но она простительна. С нами сыграла дурную шутку сама постановка задачи. Мы заранее знали, что найти исчезнувшего человека очень сложно, практически невозможно (примеров тому не счесть), поэтому расслабились и просто отрабатывали аванс, совершенно не надеясь на то, что нам удастся получить остальную сумму. Миссия была изначально невыполнима. И все же, все же... Здесь я дал маху.

– Что ты имеешь ввиду? – спросил Плат.

– Сюрикен. В тот момент, когда я нашел его, а затем и еще кое-что – в лесу, мне нужно было наступить на горло собственной песне и убедить тебя, Серега, немедленно дать задний ход. Но в тот момент перед моими глазами стояли «баксы» Рыжего. Да, Марк, я такая же жадная скотина, как и ты. Каюсь...

– А причем здесь сюрикены? – Серега недоуменно округлил глаза. – Ну, занималась девка в Америке в школе какого-нибудь японца, преподающего боевые приемы ниндзя, и что с того? Таких школ в США – пруд пруди. Сам читал... то ли в газете, то ли в книге, точно не помню. У янки на этой теме произошел сдвиг по фазе. Еще со времен Брюса Ли.

– Очень даже причем. Почему Дженнифер тащила все эти железки из самой Америки? Что, их нельзя было здесь изготовить? Да запросто. У нас умельцев достаточно. Что хошь сварганят. Ан, нет, приперла, притом тайно. Даже будущий муж ничего не знал. Почему она так сделала?

– Почему? – эхом откликнулся Серега.

– Потому, что она – ПРОФЕССИОНАЛ. У нее просто потрясающая подготовка. А профи предпочитают только оружие, изготовленное в индивидуальном порядке. Обычно оно хорошо подогнано по руке, как надо отцентрировано, заточено... ну и так далее. Что с этого выходит? Сюрикены, и что там еще у нее есть, нужны были милашке Дженни не просто для тренировки. Она ехала сюда РАБОТАТЬ. Конечно, не против нас, но так уж получилось, что мы попали в общий котел, где нас и сварят... если мы не превратимся в колобков и не укатимся по холодочку. Но без жесткого контакта, уверен, нам не обойтись.

– Что значит – работать? – подал голос и Маркузик.

– Убивать, Марк, убивать. Что она и продемонстрировала возле дачи Кирика. Но это была незапланированная случай-

ность.

– А что у нее запланировано? – Голос Плата был глух и невыразителен.

– Полегче вопросов у тебя нет?

Плат промолчал. Что тут скажешь? Все наши разговоры – это просто треп. Как на самом деле выглядит ситуация, не знает никто. За исключением тех, кто разработал эту операцию.

Конечно, это всего лишь мои предположения, возможно, навеянные моим армейским прошлым, но я никак не мог поверить, что все эти события – каприз ветреного Случая.

Глава 8

День клонился к вечеру (это чтобы не сказать штампом – вечерело), а мы никак не могли прийти к единому мнению. Плат постепенно обрел душевное равновесие и раздолбал мои теории в пух и прах.

Что ни говори, но Серега все-таки профессионал и в сыском деле собаку съел.

Я ведь больше фантазирую, полагаясь на интуицию, а он чешет по науке, как его учили. Выводы и версии Плата всегда отличаются стройностью и практичной достоверностью. Правда, он иногда забывает, что все гладко только на бумаге, но не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

– Э-эй, братва! – всполошился я, посмотрев на свои наручные часы. – Мне пора. Будем додумывать завтра, на свежую голову. Я погнал.

– Куда? – резко и требовательно спросил Серега, недовольный тем, что я перебил его на полуслове.

Он как раз вещал что-то очень умное, а в такие моменты его несет, и он совершенно отключается от окружающей действительности.

Нам с Марком вдохновенные порывы Плата были хорошо знакомы, а потому мы занимались каждый своим делом: Маркузик задумчиво обрабатывал пилочкой и так хорошо ухоженные ногти (чертов фраер!), а я, разложив на сто-

ле спички, пытался решить головоломку, рисунок которой недавно увидел в какой-то маразматической газетенке, в разделе «Для дома, для семьи».

Вскоре я понял, что смогу разобраться в ней только к глубокой старости и при условии каждодневных тренировок. А еще у меня возникло твердое убеждение, что такие головоломки нам подбрасывает ЦРУ. Чтобы совсем извести и так несчастную Россию.

А что, вполне возможно. Сидят российские семьи в своих тесных клетушках и изо дня в день, вместо того, чтобы заниматься общественно-полезным трудом и зарабатывать деньги, разбираются в головоломках, разгадывают дурацкие кроссворды, а в перерывах между этими очень творческими занятиями смотрят по телевизору «мыльные» оперы, густо одобренные примитивной рекламой типа «Дай, дай банан!».

Не нужно никакой пропаганды, страна сама довалится, оболваненная шустрými длинноногими «зайчиками», разными песенными «уси-пуси» и Елкиными-Палкиными, предлагающими каждому гражданину вожделенную халяву в размере миллиона тугриков.

– У меня дела, – ответил я туманно.

– Какие могут быть дела!?! – возмутился Серега. – У нас проблема и ее нужно срочно решать.

– А то ты не знаешь его дел... – Маркузик ехидно осклабился. – Пойдет в кабаk и нажрется там, как свинтус. Это он так расслабляется.

– Во-первых, я имею полное право на личную жизнь. И вы в этом деле мне не указ. А во-вторых... Я, конечно, ценю дружеские отношения, однако, как говорится «Платон мне друг, но истина дороже»...

Тут я многозначительно посмотрел на Марка. Он забеспокоился, так как чересчур хорошо знал, что я обычно отвечаю ударом на удар.

– Договаривай, – попросил Маркузик немного изменившимся голосом.

– Пожалуйста, – ответил я снисходительно. – Вы знаете, я не люблю врать. И всегда говорю все, как есть. Но ради старой дружбы иногда приходится поступаться принципами, что сильно влияет на мое моральное состояние. Так вот, запомни, гений электронного хлама, больше я прикрывать тебя не буду. Ты оскорбил меня.

Последнюю фразу я произнес с видом гордого римского патриция, который выступает перед Сенатом.

– Не понял... – Марк забеспокоился. – Когда ты меня прикрывал? Объясни.

– Намедни, дорогой мой, намедни. Я, знаешь ли, встретил в городе одну прелестную девицу, которая ищет обрюхатившего ее негодяя. Так уж получилось, что он почему-то не оставил ей ни домашнего адреса, ни номера телефона. А поскольку она видела его в моей компании, то сразу упала мне на хвост и начала умолять помочь в розысках. К сожалению, в тот момент моя совесть спала, и я соврал – сказал,

что понятия не имею, кто этот коварный оболъститель. Просто случайный собутыльник. Но я пообещал ей помочь в поисках, и она оставила мне свою визитку. Поэтому теперь я могу очистить свою душу от скверны лжи.

– Сильвер! – возопил Марк. – Ты не сделаешь этого!

– Еще как сделаю. Мне надоели твои подковырки. Честняга... – Я ослабился. – И вообще – как приятно сделать гадость товарищу.

– Баста! – Плат для большей убедительность хлопнул ладонью по столу. – Перестаньте собачиться. У меня от ваших разборок голова начинает болеть.

– Я уже перестал, – сказал я, поднимаясь. – Но этот клиент пусть извинится передо мной. Иначе я прямо сейчас достану мобилу и наберу, так сказать, заветный номерок.

– Шантажист! – взвизгнул Маркузик.

– И сделаю это не ради наживы, а токмо по велению своей совести, – сказал я выпендренно. – Проси прощения, охламон, иначе пощады не жди. Я не шучу, ты меня знаешь.

– Сукин ты сын, Стас... – Марк смотрел на меня волком.

– Вот такое я... В общем, руками трогать не рекомендуется. Ну, я жду.

– Ладно... Прости. Я не прав.

– В чем ты не прав?

– Ну, в том, что ты сейчас пойдешь, например, не в библиотеку, чтобы повысить свой общеобразовательный уровень, который ниже бордюра, а в кабак и нажрешься там, как

свинья, – с мстительными нотками в голосе и с подковыркой ответил Маркузик.

– Фи, как грубо... – Я поморщился. – А ведь в какой интеллигентной среде тебя воспитали... Что ж, на этот раз я проявлю великодушие и возьму грех на душу. Но если ты еще раз!...

Марк скривился, будто ему в рот попала лимонная долька без сахара, но благоразумно промолчал.

– Завтра собираемся здесь же? – спросил я у Плата.

– Да, – хмуро ответил мой друг, занятый своими мыслями.

– В котором часу?

– К десяти.

– Почему так поздно?

– Мне нужно с утра пораньше зайти к экспертам. Пока не пришло их начальство. Пусть посмотрят наши вещдоки.

– Понял... – Я поднялся. – Все, пока, кореша. У меня есть просьба – будьте бдительны. Домой – только на такси, в подъезд входите с кем-нибудь из соседей, берегите спину.

– Да знаем, знаем, – недовольно пробурчал Маркузик.

– Лишний раз напомнить не помешает. Особенно тебе.

– Почему, особенно мне?

– А потому, что ты как увидишь какую-нибудь клеевую деваху с выдающимися формами, так у тебя сразу мозги съезжают набекрень. И ты больше ничего не замечаешь вокруг, кроме ее большой аппетитной кормы.

– Пошел ты!...

Я хохотнул и направился к выходу. Но едва я вышел в коридор, как мне догнал Марк.

– Стас! Погоди.

– Чего тебе надобно, старче?

– Ты о ком сейчас говорил? – переходя на шепот, спросил Маркузик.

– А ты что, целый взвод девиц наполнил, так сказать, конкретным содержанием? – воззрился я на него с удивлением.

– М-м... – пожевал губами Марк. – Как тебе сказать...

– Не надо мне ничего говорить. Я все понял. Сочувствую. Но ничем помочь не могу. Разве что информацией. Ту, что я встретил, зовут Марыся. Так она, по крайней мере, мне представилась. Где-то когда-то мы с тобой были в одной компании, и она меня запомнила. Ну, ты сам понимаешь, меня не запомнить трудно...

– Да уж... – Маркузик язвительно покривился. – Марыся, Марыся... – Наморщив лоб, он начал мучительно вспоминать. – Надо же, какое странное имя...

– Ага. И я так решил. Она такая светленькая, белобрысенькая, и мне показалось, что в ее жилах течет несколько капель польской крови. А еще я подумал, что в твоём «алфавите» на букву «М» до сих пор никого не было, это первая. Все, я побежал, опаздываю. А ты думай, думай, вспоминай свои гнусные деяния... Казанова хренов.

С этими словами я рванул с места в карьер и помчал по

коридору, как застоявшийся жеребец. Мне и впрямь нужно было спешить, чтобы не опоздать на свое первое свидание с Ксаной, – шел девятый час, а я еще должен был привести себя в порядок и переодеться.

И конечно же, я опоздал. Правда, всего на пятнадцать минут.

Я выскочил из такси, как пробка из бутылки с подогретой шипучкой, и быстрым шагом направился к девушке, которая явно нервничала, часто поглядывая на наручные часики.

– Милая, прости подлеца! – воскликнул я покаянно и всучил ей букетик полевых цветов, купленный по дороге у какой-то бабули. – Дела...

– Вот, все мужчины такие, – облегченно рассмеялась Ксана. – Дела превыше всего. А нам, бедным женщинам, достаются только крохи вашего внимания и расположения.

– Даю слово, – сказал я с горячностью, – что сегодня ты получишь от меня не какие-то там крохи, а целый каравай.

– Ну-ну... – ответила она многозначительно.

В ресторане «Бруклин», несмотря на его название, практически не было ничего американского; ну разве что несколько сортов виски. Интересно, какому идиоту пришло в голову под такой вывеской замастырить русский китчевый трактир с молодцами-половыми в хромовых сапогах и косоворотках и буфетчицей-барменшей в древнерусском кокошнике и сарафане с вышивкой и кружевами!?

Наверное, поначалу была идея сделать здесь дешевый аме-

риканский фаст-фуд для простого (едва не сказал – советского) народа. Но затем, по происшествии времени, хозяева решили перепрофилировать заведение, благо в последние годы западные туристы, в том числе и заокеанские, повалили к нам косяками.

А им подавай экзотику, за которую они готовы платить хорошие деньги.

В общем, фаст-фуд превратился в ресторан, а название осталось – скорее всего, из-за бюрократических причин, потому что нужно было написать новый устав и перерегистрировать предприятие, а это стоило денег и времени.

Но как бы там ни было, а кухня в «Бруклине» была истинно русской, то есть, сытной, вкусной, и с пылу, с жару; у нас умеют готовить, если только захотят. Поэтому я не очень удивился, когда заметил среди посетителей с десятков иноземцев, узнать которых не составляет особого труда. У большинства из них взгляды удивленных дебилов.

Они удивляются всему: и вековым деревянным храмам, и древним кирпичам, и зеленой травке, и яблоку с червоточиной, и нашей главной достопримечательности – сортирам типа «Мэ» и «Жо»... Но больше всего их потрясает новая Россия.

Отправляясь в путешествие, они думают, что увидят в России полную разруху, так смачно описанную зарубежными борзописцами (и не только зарубежными; наши современные демократы западного толка и либералы тоже к это-

му руку приложили), бородатых мужиков в лаптях, тройку с пьяными олигархами, боярыню-диссидентку Морозову в кандалах и с пачкой «Беломора» в поднятой руке, нищих попрошайек на Красной площади и бродячих цыган с медведем.

И обычно испытывают огромное потрясение, оказавшись в совершенно цивилизованном городе европейского типа (чаще всего более цивилизованном и приятном, чем какой-нибудь их родной Даун-сити).

Ну, а касаясь «Бруклина» я уверен, что американцы, обрадованные знакомой вывеской (она была продублирована и на английском языке) и в предвкушении встречи с частичкой родины, заходя внутрь ресторана, просто обалдевали от увиденного.

Нужно сказать, что я тоже, забредши сюда в первый раз, почувствовал себя как карась на горячей сковородке. Особенно, когда посмотрел на цены в меню...

Но это было давно и неправда; сейчас я был и при деньгах, и при козырной женщине, на которую сразу же с вождением уставился масляными глазками молодец в картузе и малиновой рубахе.

– Э-э, дружище! – сказал я ему добродушно. – Закатай губу. На чужой кусок не разевай роток.

Молодой симпатичный официант засмутился и опустил шальной взгляд к полу. Ох, уж эта молодежь... На ходу подметки рвет. Ну, нет уж, сегодня и на моей улице будет праздник.

Мы быстренько продиктовали ему заказ и между нами начался обычный ресторанный треп – ни к чему не обязывающий, полный намеков, завуалированных посулов и выпендрежа.

Нужно сказать, что я постарался приодеться как истинный джентльмен: костюм фирменный, с иголочки, туфлята – полный отпад (четыреста баксов за них отвалил), и даже нацепил на шею дорогой итальянский галстук, чего терпеть не могу. Он напоминает мне удавку-гарроту, которая когда-то входила в мой арсенал разведчика-спецназовца.

Про Ксану и говорить нечего – она выглядела потрясающе. Ее хорошо сшитое полупрозрачное платье – кажись, шифоновое; в этих материалах я не очень разбираюсь – больше показывало, нежели скрывало.

Истинно русская красавица: полная высокая грудь, пухлые губы бантиком, крутые бедра, точеные ноги, белая, как парное молоко, бархатистая кожа... А еще, ко всему прочему, она была гибкой и сильной, словно молодая тигрица.

Может, я, наконец, нашел свою пристань? По-моему, о таком даре небес я когда-то мечтал...

Стоп, стоп! Сильвер, не дай себя охмурить и захомутать! Ты уже далеко не мальчик, и всякие там трали-вали не должны действовать на тебя как дудочка факира на беззубую дряхлую кобру.

Нужно подумать хорошо, познакомиться поближе... ну и всякое такое прочее...

– Ты о чем размышлялся?

Голос Ксаны прорвался сквозь ресторанный шум и вмиг разрушил мои сладострастные видения. Я смущенно прокашлялся и ответил:

– Извини... У меня сегодня были большие проблемы.

– То есть?...

Взгляд девушки посуровел; она вдруг стала похожа на снайпера, который увидел врага в перекрестье оптического прицела.

Я сразу понял, что у нее на уме. Она решила, что кавалер вознамерился дать задний ход, как это иногда бывает с нашим братом, особенно со старыми холостяками. И теперь ищет подходящую отмазку, чтобы красиво, без обид, несколько изменить вектор отношений, переведя их в плоскость дружеских с отдаленными намеками на интим.

Я поспешил ее успокоить:

– Это не то, что ты подумала. Тут все нормально.

– Может, расскажешь, что там у тебя за проблема? Или это тайна следствия? – Она обворожительно улыбнулась.

Вот чертовка! Нет, в ней действительно что-то есть. Что-то такое, эдакое...

– Я оказался провидцем. Сегодня грохнули Кирика.

– Что-о!?

Ксана вдруг побледнела, и ее румянец вдруг из розового стал серым. Она смотрела на меня большими круглыми глазами, которые начали постепенно наполняться влагой.

Интересно, что ее так сильно поразило? Ну умер человек, царство ему небесной... Если он, конечно, не полная скотина и не сатанист какой-нибудь.

Или Кирик был ее любовником? Это предположение было таким неприятным, что меня даже передернуло. Что поделаешь, мужики большие собственники...

– Это... правда? – спросила Ксана; наверное, она подумала, что ослышалась.

– Как на духу, – ответил я.

И тут наш траурный диалог прервал шустрый половой, который притаранил огромный поднос всяческой снеди, оформленной в лучших традициях царского застолья. Глядя на все это изобилие, я мысленно разрыдался. Блин! Этот заказик тянет как минимум на «штуку» баксами.

Нет, чтобы не говорили наши традиционалисты, а в Америке обычаи лучше. Там каждый платит сам за себя, невзирая на пол и личные отношения.

Но Ксана тоже хороша... Из еды заказала все самое дорогое и кошерное, как говорят евреи. Чего стоит одна нарезка из вяленого мяса альпийской косули.

Судя по меню, бедное животное сначала поймали, что было нелегко и весьма накладно, так как пришлось заплатить егерям бешеные бабки, а потом года два кормили исключительно шоколадом «Нестле», фруктовыми йогуртами и поили сливками, чтобы приблизить цену мяса к стоимости серебряного блюда, на котором его подали.

Наконец бравый парнишка закончил сервировать стол, бросил на Ксану взгляд из разряда «Иди на грудь мою, малютка!» – не удержался все-таки, стервец, пренебрег моим советом – и исчез.

Девушка напрочь проигнорировала его мысленный призыв. Она даже губу закусил, чтобы не начать расспросы при постороннем, глядела на меня остановившимся взором.

Я не стал ждать, пока она приступит к «интервью», а сразу взял управление ситуацией в свои руки.

– Его застрелил снайпер... сегодня утром. Вместе с телохранителями.

– Зинка... жива?

– Не знаю. На даче ее не было.

– После обеда я звонила ей, но телефон не отвечал...

Ксана крепилась, но я видел, что ей хочется разрыдаться. Не хватало еще, чтобы она устроила тут истерику, подумал я растерянно. Ну зачем, зачем нужно было говорить ей о смерти Кирика!? Идиот!

Клеевое свиданьице, ничего не скажешь...

Был ты дубиной неотесанной, Сильвер, ею и остался, несмотря на первую седину, тронувшую виски.

– Что ты о них так беспокоишься? – спросил я прямо. – Тебе Кирик кто, брат, сват?

– Ты не понимаешь...

Где уж нам... Эта фраза у женщин, насколько мне было известно из семейного опыта Плата, что-то вроде предпо-

следнего рубежа обороны. (Последний – бурные слезы). За этими словами женщины прячутся как за каменной стеной. И пробить ее невозможно.

– Да, не понимаю, – ответил я примирительно. – Но хочу понять.

– Зачем тебе?

– Ты разве забыла, чем я зарабатываю на хлеб с маслом? Кстати, наколку на Кирика я получил от тебя. Иначе я просто не знал бы о его существовании.

– Зинка была мне как сестра. Это потом... Ну, в общем, после ее замужества наши пути разошлись. А сначала мы были – не разлей вода. Нет, мы не поссорились. Но прежней дружбы уже нет и в помине. При встречах мы любезно здороваемся, можем иногда поболтать о том, о сем, но не более того. Она чересчур высоко взлетела. И то верно, кто я, а кто она...

Все ясно. Судя по всему, и Ксана, и Зинка метили в одну цель. Но приз в виде руки и пухлого портмоне Клычкова достался Зинке.

Я не хотел домысливать дальше (спала Ксана с Кириком, или нет), но смысл натянутых отношений бывших закадычных подрузек мне стал понятен.

– Добрый ты человек, Ксанка... – Повинуясь минутному порыву, я перегнулся через столик и с нежностью погладил ее по обнаженной руке. – Кто бы за мной так убивался...

– Кто-нибудь найдется...

– Хорошо бы... Слушай, чего мы сидим, как засватанные? Еда стынет, лед тает, виски вообще скоро закипит.

Я заказал Ксане дорогущее французское шампанское «Veuve Clicquot», то есть, «Вдова Клико» (знай наших!), а себе – шотландское виски, настоящий гленливет (право выбирать спиртное она предоставила мне).

По моему мнению, это был единственный спиртной напиток в «Бруклине», который оправдывал свою немалую цену.

Когда выпили по третьей (это относится ко мне), снова появился наш официант, который зажег свечи на столе и принес вазочку с водой, в которую Ксана поставили подаренные мною цветы.

И сразу стало как-то уютней, по-домашнему теплей...

– Где может быть Зина? – спросила Ксана – скорее себя, нежели меня.

– Если честно, то этот вопрос и меня тревожит. Но ее точно не было на даче во время убийства Кирилла Леонидовича.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, – уклонился я от прямого ответа.

Я едва не сказал Ксане про видеозапись нападения на дачу Клычкова, но вовремя прикусил язык. Это было совершенно лишним. Что я знаю про эту девушку? Даже меньше чем ничего.

Еще совсем недавно, минут десять-пятнадцать назад Ксана готова была зареветь белугой от горя, когда я сообщил ей о смерти Кирика, а теперь она снова посматривает на меня

с игривым выражением и на ее лице опять гуляет здоровый румянец (кстати, не макияжный, а натуральный). Вот и разбейся после всего этого в женской психологии...

– Кого я вижу! Ксаночка, рыба, пр-р-ривет!

Я даже вздрогнул от раскатистого «р» и резко обернулся. Позади меня стоял бычара с шеей как скат от КАМАЗа. От него явственно исходила беспощадная злая сила, готовая согнуть в бараний рог любого.

Похоже, местный козырь, подумал я мельком. Раньше мне как-то не приходилось с ним встречаться.

В «Бруклине» я не был завсегдатаем, но время от времени заходил сюда на ужин – примерно раз в два месяца. Естественно, с дамой. Появляться здесь чаще, увы, не позволяли финансы.

Иногда нам с Платом приходилось встречаться здесь с сановными клиентами – в основном в отдельных кабинетах. Естественно, за их счет. Такие посещения элитного «Бруклина» я любил больше всего.

Ведь на дармовщину и виски слаще, и еда вкуснее, потому что не приходится с трепетом ждать того момента, когда принесут счет.

– Как живешь-поживаешь, кисуля? – наглый хмырь, не спрашивая моего разрешения, забрал от соседнего стола кресло и сел рядом с Ксаной. – Давно не виделись...

Создавалось впечатление, что он или не замечает меня или (скорее всего) считает пустым местом. Меня начала раз-

бирать злость. В особенности, когда я увидел, как его лапища легла ей на плечи.

Ксане нужно было отдать должное. Уж не знаю, в каких она находилась отношениях с этим буйволом, но сейчас его прикосновения были ей явно неприятны. Однако Ксана мужественно терпела и его хамский тон, и объятия, и даже пыталась любезно улыбаться, хотя улыбка и выходила несколько кривоватой.

Я понял, что она все это терпит ради меня. Ксана боялась, что этот бычара сделает из бедного Стаса Сильверстова форшмак. Это было видно по умоляющим взглядам, которые она бросала в мою сторону. Ее глаза едва не кричали: «Не вмешивайся! Не надо! Я сама разберусь!»

Но вот чего я больше всего не терплю в жизни, так это хамства.

В свое время, еще в школьные годы, мы вместе с Платом часто ставили на место зарвавшихся отпрысков партийной и торговой номенклатуры (за что я однажды едва не попал в зону). Да и позже мне не раз приходилось вдалбливать в головы (в буквальном смысле этого слова) наглецам, что в обществе нужно вести себя уважительно и прилично.

А теперь еще это хамло... Со вздохом глубокого сожаления посмотрев на свой костюм – похоже, мне опять светят непредвиденные расходы – и мысленно с ним распрощавшись, я сказал:

– Молодой чемодан! Вас занесло не в ту камеру хранения.

– Чего-о!?! Это кто чемодан!?! – Он встал и навис надо мной гранитной глыбой.

Все понятно, у него сразу были намерения почесать кулаки. А все остальное, это цирк, представление.

– Исчезни, фраер, – сказал я веско, глядя прямо ему в глаза. – Не порть себе и нам вечер. Прошу тебя по-доброму и в последний раз.

– Ну ты козел...

Товарищ волк не понимает...

Что ж, нужно объяснить. Наверное, он думает, что еще немножко нахамит (шибко задираться в «Бруклине» не рекомендовалось; здешние охранники были скоры на расправу), а потом выведет меня из ресторана и раскатает по асфальту, как блин.

Наивный...

– Извини, но я тебя предупреждал...

С этими словами я резко встал и по ходу воткнул свой кулак в нависший надо мной подбородок, который просто просился на рихтовку. Эффект от удара был предсказуем: клиент пролетел по воздуху метра три и благополучно затих на паркетном полу ресторана в позе курортника, принимающего солнечные ванны.

– Стас! – вскричала испуганная Ксана. – Что ты делаешь!?

– Учю некоторых штатских этикету, – ответил я, мило улыбаясь.

А сам краем глаза наблюдал за охранниками, которые ри-

нулись ко мне, как сарычи на добычу, со всех концов достаточно просторного зала. Вот с ними мне бы не хотелось бодаться. Парни здоровые, задавят если и не умением, то числом.

– Ша, пацаны, ша! – воскликнул я, когда она подбежали к месту событий, и поднял руки вверх. – Маленькое недоразумение. Всего лишь. Просто клиент перебрал лишку, – указал я на распростертое тело хмыря, – наткнулся на забор, и теперь отдыхает.

Нужно сказать, что охранники «Бруклина» были и впрямь парни битые. Они мигом оценили ситуацию и не стали применять ко мне репрессии. Тем более, что Ксана покинула свое место и заслонила меня своей потрясающей грудью.

Она все это проделала молча, но ее молчание было красноречивее любых слов.

Подошел администратор, мужик лет пятидесяти с крепкой жилистой фигурой и глазами убийцы. Они были холодны и безразличны.

Этот узнал меня сразу. Именно у него я обычно заказывал места в ресторане. Вот только имя-отчество администратора у меня вылетели из головы.

Я знал, что он долго служил в органах, кажется, в КГБ, а затем, по выходу на пенсию, бывшие сослуживцы нашли ему теплое непыльное местечко. Раньше – во времена Ивана Грозного – это называлось «поставить опричника на кормление».

Администратору откуда-то было известно, что я воевал в частях специального назначения, поэтому он относился ко мне как к коллеге – доброжелательно и с пониманием.

Он вежливо кивнул мне – поприветствовал – и сдержанно спросил:

– Что случилось?

Я объяснил; естественно, слегка пофантазировав в свою пользу. Что касается свидетелей происшествия, то я был уверен – таковых в ресторане нельзя будет найти ни за какие шиши. К тому же начало нашей молниеносной стычки не привлекло особого внимания.

– Вам лучше уйти, – сказал администратор, многозначительно покосившись налево.

Конечно, нужно. И как можно быстрее. Тут я был с ним полностью согласен. Нужно рвать отсюда когти, пока мой противник не опомнился и не натравил на меня свою свору.

Дело в том, что вместе с квадратным буйволом в ресторан завалилась и компашка в составе трех здоровеньких парнишек и двух девиц свободной профессии, судя по их манерам. Они еще не поняли, что произошло, и в растерянности пытались привести своего приятеля в чувство.

Это им не очень удавалось. Я лишь криво ухмыльнулся: счастлив ангел-хранитель вашего кореша, что наша сшибка произошла в ресторане, на виду у многих.

В прежние времена таким ударом я ломал шейные позвонки. Правда, врагам. А этот здоровый малый был всего

лишь придурком. Но нашим придурком. Поэтому я и сдержал силу удара до приемлемой.

Я быстро расплатился и мы с Ксаной ушли. На душе у меня было архискверно. Вот такой я «счастливчик»...

Первое свидание – и полный облом. Фиаско во всех направлениях. Ладно – почти во всех. Сначала я ляпнул про Кирика, а затем устроил драку. Хорош гусь...

Что теперь подумает Ксана о своем нечаянном кавалере? – Поехали ко мне, – шепнула она, тесно прижимаясь к моему боку.

Я мысленно возликовал. Значит, есть все-таки высшая справедливость на этом свете! А также женщины, которые могут прощать мужикам все их промашки. Должен же я сегодня получить награду за все свои треволнения. Конечно, должен!

Тормознув такси, мы запрыгнули в салон, и машина покатила в ночь. Мне очень хотелось, чтобы она была ночью отдохновения и наслаждений. Наверное, я чересчур стосковался по женской ласке, потому что чувствовал себя рядом с Ксаной как на седьмом небе.

Глава 9

Квартирка Ксаны была крохотной, но уютной – всего одна комната и миниатюрная кухонька.

Правда, планировка квартиры предполагала большую, глубокую нишу, которую девушка превратила в шкаф-купе. Поэтому комната казалась гораздо просторней, чем на самом деле, так как в ней отсутствовала стандартная стенка – мечта целого поколения советских людей.

Но на поверку этот длинный громоздкий монстр из фанерованной деревостружечной плиты был сущим наказанием для простого обывателя. На стенку долго копили денежку, отказывая себе даже в скудных житейских благах развитого социализма, затем несколько лет стояли в очереди, а когда, наконец, привозили ее домой, то при установке оказывалось, что возжеленная мебель заняла треть и так небольшой площади гостиной.

К тому же, если учесть, что комнаты в домах, построенных при социализме, чаще всего были длинными, как кишки (их называли «трамвайчиками»), то между мебелью и стенкой был такой узкий проход, что человек габаритный проходил едва не бочком.

Всего этого в квартире Ксаны не было. Из мебелировки в комнате находился просторный импортный диван, журнальный столик, над ним несколько полок с книгами, два кресла,

несколько картин на стенах, стереосистема, а также телевизор.

И ничего лишнего.

Да, едва не забыл. В квартире имелся застекленный балкон, превращенный стараниями Ксаны в оранжерею. Там же стоял и большой аквариум, в котором плавали различные экзотические рыбки. Балкон был подсвечен зеленоватым светильником.

В общем, мне понравилось. В квартире Ксаны я вдруг почувствовал себя как дома.

– Кофе будешь? – спросила она буднично.

– Спрашиваешь...

Ксана коротко рассмеялась мягким грудным смехом и ушла на кухню. Нужно сказать, что в этот момент я вдруг ощутил себя маньяком. Мне захотелось немедленно схватить ее в объятия и изнасиловать прямо на полу. Такого бешеного желания я не испытывал уже давно...

Мы пили кофе молча и пристально разглядывали друг друга. Наш диалог проходил на уровне мыслительного процесса. Ксана загадочно улыбалась, а я блаженно щурился – как кот на завалинке в летнее время, которому приснилась крынка со сметаной.

– Как кофе? – наконец нарушила молчанку Ксана.

– Тебе соврать или промолчать?

– Лучше соври.

– Тогда я промолчу.

– Это почему?

– Соврать, значит сказать, что кофе неважнецкий. А это совсем не так. Кофе потрясающий. Давно такого не пил.

Девушка рассмеялась.

– А ты оказывается не только драчун, но еще и льстец.

– Извини... – Я покаянно опустил голову. – Испорчен такой вечер... Виноват. Так получилось... Но я не могу спокойно смотреть, когда оскорбляют мою даму. Хамство не терплю в любом виде.

– Спасибо тебе.

– За что? – спросил я удивленно.

Глаза Ксаны горели как два фонарика. Она была сильно взволнована.

– За то, что защитил меня. В наше время настоящих кавалеров днем с огнем не сыщешь. Между прочим, ты первый, кто не дал меня в обиду. Но лучше бы ты с ним не связывался...

– Он что, шибко большой бугор? – Я пренебрежительно ухмыльнулся.

– Это же Фрол!

– Да ну!?! – Я изобразил испуг. – Мамыньки, чевой-то будеть...

– Ты не шути. Фрол – бандюга. У него есть целая банда.

– Ну и знакомые у тебя... То мафиозный директор рынка, то бандитский пахан... Еще тот контингент. А ты, случаем, не Мурка? – Я доброжелательно ухмыльнулся.

– Вон как ты хорошо обо мне думаешь... – Ксана сделала вид, что обиделась.

Я рывком встал со своего кресла, подошел к девушке, и заключил ее в объятия. Наш поцелуй длился, по-моему, целую вечность. Ксана вдруг стала нежной и податливой, а от ее крепкого упругого тела начал исходить жар, который испепелил во мне остатки благоразумия.

Я подхватил ее на руки, отнес на диван и...

И тут подал голос дверной звонок. Ксана подхватилась, как ошпаренная. Я мельком бросил взгляд на часы – половина двенадцатого. Кто бы это мог быть? Неужели соседка пришла попросить соли?

– Не знаю, – шепотом ответила Ксана на мой безмолвный вопрос, который прозвучал бы примерно так: «Какая сволочь нарушила нам кайф!?!».

Звонок не унимался. Кому-то очень хотелось побыстрее зайти внутрь квартиры.

А что если это прежний бой-френд Ксаны, который вдруг вспомнил, как ему было с ней хорошо? И теперь он рвется еще раз вступить в одну и ту же реку. Наверное, перебрал маленько...

Такие моменты бывали и у меня. Ничего странного. Иногда одиночество так достает, что хоть волком вой.

– Надо открывать, – сказал я, решительно направляясь к двери. – Позволь послужить тебе в качестве швейцара.

– Нет! – Ксана схватила меня за руку. – Я сама. Побудь

в комнате.

– Лады... Только будь поосторожней.

– Буду...

Она вышла в прихожую и закрыла за собой дверь. Я окинул быстрым взглядом комнату в поисках хоть какого-нибудь оружия и схватил бронзовую статуэтку древней гречанки (наверное, какой-то богини) в окружении разных зверушек. Она стояла на высокой подставке в углу комнаты, у входа. Поначалу я как-то не заметил ее.

Я насторожил уши. Сначала в прихожей было тихо, а затем послышался удивленный возглас Ксаны. Звякнула цепочка, щелкнул в пазах засов, и я услышал взволнованные женские голоса. Похоже, я не ошибся – к нам пожаловала соседка Ксаны.

Наверное, пришла за помощью, чтобы урезонить пьяного мужа-буяна, подумал я, расслабляясь. Ситуация стандартная и чисто российская. В Америке побитая жена уже вызвала бы наряд полиции, а у нас главная надежда на общественность.

И то верно; а ну как кормильца посадят? Где другого найдешь?

Это только в американских фильмах жена выгоняет на улицу вполне приличного, но не очень успешного по жизни мужа, не дает ему встречаться с тремя пацанами малмала-меньше, и быстренько находит отверженному замену – благородного рыцаря, который начинает любить ее детей больше, чем их отец.

Бред!

Нонче нормальные мужики исчезают быстрее, чем животные, занесенные в «Красную книгу». Даже в странах развитой демократии и сплошного капитализма. К тому же на Руси издревле бытует мнение: ежели муж бьет, значит, сильно любит.

Я водрузил статуэтку на место и быстренько шмыгнул в кресло. Судя по приближающимся голосам, Ксана решила познакомить меня со своей соседкой; наверное, чтобы я оказал ей содействие в укрощении бодливого мужичка.

Что значит репутация... Все-таки не зря я начистил хлебальник козырному Флору. Теперь точно буду у Ксаны в фаворе. И никаких соперников!

Я горделиво расправил плечи.

Дверь отворилась и в комнату вошла девушка (нет, скорее состоятельная женщина, если судить по дорогой одежде и навешанным на ней золотым цацкам) с каким-то потухшим – я бы даже сказал потусторонним – взглядом.

Я вежливо поднялся на ровные ноги в ожидании, что меня представят, и мы обменяемся обычными в таких случаях любезностями, но, на мое удивление, нежданная гостья лишь коротко кивнула, скользнув по мне пустыми глазами, и уселась на диван, продемонстрировал совершенно потрясающие бедра.

М-да, модец нынче пошел... Дамы одеваются в такие откровенные одежды, что настоящему мужику хоть в петлю

лезь. А потом еще жалуются, что их насилуют. Даже брюки женские придумали почти с декольте на причинном месте. От пупка и ниже все видно ладони на две.

– Это Зина, – почему-то сурово сказала Ксана.

Да хоть Маня, подумал я неприязненно. Что она тут забыла? Неужели сегодня мне светит полный облом? Сначала ресторан с этим придурком Фролом, затем Зинка...

Зинка... Зина, Зиночка, Зинуля... Стоп! Неужели!? Я поднял мгновенно ошалевшие глаза на Ксану.

Она едва заметно кивнула.

Зина Клычкова! Вот кто сидел передо мной, выставив на показ истинное женское сокровище.

Теперь понятно, почему Кирик втюрился в Зинку. У бывшей закадычной подружки Ксаны были просто потрясные бедра, а что касается ног, то они поражали художественной законченностью.

Создавалось впечатление, что их ваял гениальный зодчий, притом для себя.

А вот личиком Зинка подкачала, подумал я не без некоторого удовлетворения. Красивой ее можно было назвать только с большой натяжкой. Ксана все-таки гораздо краше.

«Ты сказала ей?...» – спросил я Ксану глазами. «Нет, – ответила она. – Зинка не знает. Скажи сам. Мне как-то не по себе...»

М-да... Ситуэйшен... Роль черного вестника одна из самых неблагодарных. В каких бы она ни была отношениях

со своим благоверным, но все равно, потерять богатого кормильца – это не фунт изюма скушать.

Начнутся вопли-сопли, причитания, возможно, катание по полу и превращение одежды в рванину... Ксана начнет утешать, отпаивать Зинку минералкой и чаем, а затем оставит ее ночевать. Что касается меня, то мне придется уйти, не солоно хлебавши.

До чего же я «везучий»!

Ну и денек выдался. Сплошные приключения. Другие за всю свою жизнь не испытают таких потрясений, некоторые уезжают за три девять земель, в джунгли или пампасы, чтобы погонять адреналин по жилам, а тут все, можно сказать, на дому, почти что не отходя от постели и теплого сортира.

И главное – куда не ткнись, везде пролет.

Я испытующе посмотрел на Зинку. Она сидела с закамневшим видом – как изваяние. Нет, мне кажется, Зинуля не должна бы сильно расклеиться, когда я скажу ей, что Кирику пришел кырдык. (Еще чего – теперь все богатства директора рынка принадлежат ей, как законной жене). Если уж я сегодня пролетел, как любовник, то, возможно, меня посетит удача в качестве частного детектива.

А Зинка, по идее, кое-что может рассказать.

– Ксана, у тебя не найдется чего-нибудь?... – спросил я не без задней мысли, выразительно почесав кадык.

Нам пришлось так быстро улепетывать из ресторана, что я просто позабыл запасть спиртным. (Увы, свою знамени-

тую фляжку с коньяком я принципиально оставил дома; не хватало еще, чтобы Ксанат приняла меня за анонимного алкоголика).

А сидя в такси я больше думал о том, как бы покрепче прижаться к девушке, и совсем не обращал внимания на ночные магазины, попадающиеся по пути.

– Момент... – понимающе кивнула девушки и ушла на кухню.

Вскоре она возвратилась с бутылкой недорогого молдавского конька. Разлив напиток по рюмкам, я сказал:

– Есть предложение выпить за знакомство.

Зинка посмотрела на меня долгим изучающим взглядом (словно только сейчас заметила), затем взяла рюмку и осушила ее, как за себя кинула – одним глотком. Круто! Должен сказать, что рюмки были отнюдь не коньячными, и каждая вмещала грамм семьдесят.

Мы с Ксаной последовали ее примеру: я тоже выпил до дна, а девушка сделала пару глоточков.

Выпив, Зинка начала шарить в своей миниатюрной сумочке – похоже, в поисках сигарет. Достала оттуда пачку, заглянула в нее и нервным движением смяла.

Все понятно – курево закончилось. Дурной знак. По себе знаю. Это как предупреждение свыше: будь начеку, потому что это начало неприятностей.

Зинка беспомощно посмотрела на Ксану, и огорченно вздохнула. Я знал, почему – Ксана не курила, поэтому искать

в ее квартире сигареты было бессмысленно. Тогда Зинка перевела взгляд на меня – и невольно подалась назад: я уже протягивал ей одной рукой пачку «Мальборо», а в другой держал зажигалку.

– Спасибо, – сказала она коротко, прикурила и сделала глубокую затяжку.

– Чем богаты... – ответил я, вежливо улыбаясь.

Снова воцарилось молчание. Ксана выжидательно поглядывала на меня, догадываясь, что у меня на уме, а я тщательно готовил атаку, пытаюсь сообразить с какого фланга начать.

– Вы чем-то сильно огорчены? – сказал я, обращаясь к Зинке с сочувствующим видом.

Мне вдруг пришла в голову идея сыграть на том, что мы с ней незнакомы и я, по идее, не знаю, что она жена Клычкова. Если ее так сильно огорчила не его смерть, то что же? Это было бы интересно узнать.

– Есть немного, – откликнулась она короткой фразой.

– Наверное, семейные проблемы... – намекнул я осторожно.

Зинка остро взглянула в мою сторону, – возможно, хотела отбрить, как привыкла согласно своему козырному «статусу» – но тут коньяк, наверное, упал на то место, что нужно, и она нехотя ответила:

– В общем, да...

– Как это мне знакомо! – соврал я, не моргнув глазом. –

Давайте выпьем, чтобы наши неурядицы не превратились в беды... и гори оно все гаром.

От моей игры несло такой откровенной фальшью, что меня самого передернуло. Но, Зинка, занятая своими мыслями, ничего не заметила. В отличие от Ксаны, у которой от удивления даже нижняя челюсть отвисла.

Мы снова выпили. Зинка, как и до этого, хлопнула рюмашку чисто по-мужски – одним махом. Можно было подумать, что в своей семейной жизни она только тем и занималась, что шастала по кабакам и безбожно пила.

Что, конечно же, было совсем не так. Ее лицо было бледным, но свежим, не испитым.

Я исподтишка наблюдал за Зинкой, выбирая момент для атаки. Но она опередила меня. Все-таки сто сорок грамм коньяка почти без закуски – две дольки лимона с сахаром не в счет – это для человека малопьющего или привыкшего к легким сухим винам чересчур много.

– Вы развелись? – спросила она участливо.

Я бросил быстрый взгляд на Ксану (она глядела на меня, как снайпер в прицел, – с острым прищуром) и продолжил свое вранье:

– К счастью, мы не были расписаны. Она предпочла меня другому.

Судя по всему, я попал в «яблочко». Зинка вдруг вспыхнула, ее лицо пошло пятнами, и она с ненавистью сказала:

– У меня та же история. Два дня назад привел домой...

заморскую чувырлу. И спрятал ее на даче... думал, что я не узнаю. Как он мог!? Гад, гад, гад! – Она закрыла руками лицо и заплакала без слез, но с причитаниями: – За что мне такое-е... Какая я несчастная-а... Ксана, он мерзавец... негодай! Ты была права-а... Все, разведусь, разведусь к чертовой матери! А эта... американка. Все невинной прикидывалась... в душу влезла. Сука, сука! У-у-у!...

– Успокойтесь, пожалуйста! – беспомощно засуетился я возле Зинки, чувствуя себя последним негодяем.

Терпеть не могу женских стенаний и слез.

Ксана к истерике своей бывшей закадычной подружки отнеслась гораздо хладнокровней. Она сходила на кухню, принесла стакан холодной воды и заставила ее выпить. Зинка немного успокоилась.

– Сегодня утром я устроила ему сцену и ушла, – сказала она куда-то в пространство. – До города меня довезли соседи – я не стала брать машину. Пусть подавиться ею! Мне от него ничего не нужно. Ни-че-го! Целый день я бродила по городу сама не своя. Даже не помню, где... А вечером, – она наконец посмотрела на Ксану, – пришла к тебе. Мне просто некуда податься... – Она жалобно всхлипнула. – Но тебя долго не было. Я ждала, ждала... и уснула на скамейке. На той, что возле детской площадки. Проснулась, смотрю, в твоих окнах горит свет... Вы уж извините меня... я не знала...

– Зина, перестань, – строго сказала Ксана. – Ты правильно сделала, что пришла ко мне. Твой Клычков еще тот фрукт.

Между прочим, когда ты выходила за него замуж, то хорошо знала об этом. А еще скажу тебе, подружка – ты родилась в рубашке. Так что не разводи тут слякоть, все в жизни относительно.

Она с решительным видом посмотрела в мою сторону. Я кивнул: все верно, пора. Так уж и быть, приму огонь на себя.

– Ты о чем? – встрепенувшись, с тревогой спросила Зинка. – Что-то случилось!?

Ах, это знаменитое женское чутье! Хватило всего одной фразы, чтобы сработала Зинкина интуиция. Она еще не знала, о чем пойдет речь, но уже поняла, что слова Ксаны не сулят ей ничего хорошего.

– Простите, вы жена Клычкова? – спросил я с деланным удивлением.

– Да... – Зинка перевела взгляд на меня.

– Тогда мужайтесь...

Я изобразил неземную скорбь, и так в нее поверил, что едва не уронил скупую мужскую слезу. В глубине души я даже заплодировал себе – талант!

Оказывается, при определенном усилии можно стать посредственным актером даже не имея к этой профессии никаких склонностей.

Мне вдруг стало понятно, почему в наших «мыльных» операх большинство актеров (в особенности молодых), несмотря на разнообразие одежд, на одно лицо – будто матрешки. Просто их на это учили, не более того. А божью ис-

кру или забыли зажечь, или она в них и не ночевала.

– Что вы... Что, что такое!?! – Зинка вскочила. – Ну говорите же, говорите!!!

– Сегодня утром на своей даче ваш муж... был убит, – сказал я с сокрушенным видом и тяжело уронил голову на грудь.

Играть так играть...

Прошло десять секунд, затем двадцать... Никакой реакции. В квартире стояла мертвая тишина. Уж не хватила ли несчастную Зинку кондрашка? – мелькнула в моей голове боязливая мыслишка.

Я исподлобья посмотрел на Зинку.

Блин! Ничего не понимаю... Я ожидал бурных слез, рыданий, вплоть до обычного бабьего воя, и прочая, но никогда не думал, что увижу на лице внезапно овдовевшей женщины выражение злобного торжества и еще чего-то, не поддающегося расшифровке.

Оскалившись, как волчица, Зинка всем своим видом напоминала литературную ведьму, готовую отправиться на шабаш. Она вдруг стала зловеще красива, и теперь я понял, почему Клычков накинул глазом именно на нее.

Есть люди, которые в повседневной жизни не привлекают особого внимания. (Это относится и к мужчинам, и к женщинам). Но стоит им попасть в необычную обстановку, когда требуется максимальная концентрация и мобилизация всех внутренних ресурсов, они мгновенно преображаются.

Некрасивые становятся писаными красавицами, тихони – гениальными ораторами, способными увлечь за собой массы, нескладные увальни – отменными танцорами, а застенчивые домоседы – душой компании. Конечно, для таких метаморфоз очень важно наличие недюжинного ума. Тупого индивидуума нельзя зажечь даже напалмом.

Похоже, Зинка была далеко не дура. В принципе, наличие у нее незаурядных способностей можно было предполагать. Отхватить такого козырного мужа, как Клычков, при совсем не блистательной внешности и в такие годы (Зинке стукнуло никак не меньше тридцати с гаком) – это надо уметь.

– Она... кгм! – Зинка прокашлялась. – Ее тоже убили?

– Вот чего не знаю, того не знаю, – снова солгал я, не моргнув глазом. – Убиты трое – ваш муж и его охрана. Это факт, не вызывающий сомнений.

Зинка какое-то время размышляла, при этом ее лицо превратилось в холодную маску, а затем с сомнением спросила:

– Он... точно убьет?

– Точнее не бывает. Снайперская пуля. Сам видел.

Зинка вдруг встрепенулась.

– Что значит – сам видел? – спросила она, глядя на меня с подозрением. – Вы приезжали к нам на дачу?

– Да.

– У вас были какие-то дела с Кириллом?

– Не совсем так... – Спохватившись, я решил перехватить инициативу; по идее, на вопросы должна была отвечать она,

а не я. – Я искал ту самую вашу разлучницу, которую Кирилл Леонидович прятал в тайной комнате башни.

– Искали... на даче... – Зинка удивленно округлила глаза. – Вы сыщик?

– Что-то в этом роде, – ответил я уклончиво.

– Зачем вы ее разыскивали?

Ну вот, опять я в роли подследственного! Нет, так дело не пойдет.

– Не зачем, а почему, – ответил я сердито. – Насколько я знаю, вы были дружны с этой американкой.

– В некотором роде...

– У нас есть предположение, – «у нас» я сказал с нажимом, – что в смерти вашего мужа есть и ее доля вины.

– Я ему говорила... – Зинка, не спрашивая разрешения, потянула из моей пачки еще одну сигарету, прикурила и жадно затянулась несколько раз. – Я ведь ему говорила! Но он разве когда-нибудь слушал меня? Считал, что я ничего не смыслю в его делах. Может, теперь поймет... на том свете... что я была права.

– В чем вы были правы?

– Не дружила я с американкой, это она сама набилась мне в подруги. Ей было скучно в нашем городе, вот она и нашла с кем можно отвести душу и убить время. А затем я познакомила ее с Кириллом. Господи! – Зинка обхватила голову руками. – Какая я была дура! Сама, своими руками, принесла змею в дом и пригрела ее на собственной груди.

– Обычно так оно и бывает, – сказал я с сочувствием в голосе. – Не рвите теперь душу. Что было, то прошло. Так в чем вы были правы? – вернул я свой вопрос, словно целлулоидный шарик на теннисный стол.

– Он затеял какую-то аферу вместе с этой Дженнифер. Она предлагала ему большие деньги... за что именно, не знаю. Я начала его отговаривать. Но Кирилл лишь отмахнулся. Сказал, чтобы я не лезла туда, куда меня не просят. Но я ведь чувствовала, что из-за нее у него могут быть большие неприятности! Она хитрая и скользкая как угорь. Я успела ее хорошо изучить.

У меня в голове вдруг мелькнула интересная мысль, и я быстро спросил:

– Вы знаете английский?

– Нет, – не без удивления ответила Зинка. – А почему вы спрашиваете?

– Тогда как вы общались с Дженнифер?

– То есть?... – Зинка смотрела на меня с обалделым видом.

– На каком языке вы базлали... пardon, разговаривали?

О, этот неистребимый сленг! Он так и прет из меня.

Жаргонных словечек я нахватался еще до армии, так как вращался в основном среди городской босоты. Мои военные похождения лишь расширили эти специфические познания, так как в спецназе почему-то не было ни одного высокообразованного отпрыска «новых» русских или, на худой конец,

профессорского сына.

В общем, с кем поведешься...

– На русском, – ответила после небольшой паузы Зинка. – Она изучала его в колледже. Говорит почти без акцента.

Вот те, бабушка, и Юрьев день! Забавно, чтобы не сказать больше...

Я посмотрел на Ксану. У нее от удивления глаза полезли на лоб.

Ах, какая интересная штучка, эта Дженнифер! Сплошная загадка. Джеймс Бонд в юбке. Сравнение просто само напрашивается.

Нет, нет и еще раз нет! Я, конечно, не дока по части шпионских игр, но так глупо «засветиться»...

Трудно поверить, что милая Джен – сотрудник ЦРУ на задании. При всем том, разведчиков хорошо натаскивают; и у нас, и у них. У тайных агентов таких идиотских проколов не бывает.

Хотя... Как знать. Ведь не зря же в советские времена ходил почти анекдот из жизни британской контрразведки, которая будто бы успешно боролась с русскими шпионами.

Сотрудники МИ5⁵ ловили их запросто: ставили наблюдателей возле мужских общественных туалетов и брали всех тех, кто ширинку застегивал на ходу. И чаще всего попадали в «яблочко». Якобы такую непристойность не может себе позволить ни один английский джентльмен.

⁵ МИ5 – Military Intelligence; английская контрразведка.

А разве среди русских найдешь истинных джентльменов? Ну разве что в Одессе, но теперь этот город находится в Украине.

– Значит, вы не в курсе, что за аферу задумали ваш муж и Дженнифер...

– Да, это так.

– Но тогда как вы вообще узнали, что они затевают нечто, возможно, не очень законное? – спросил я; и добавил не без задней мысли: – Наверное, подслушали?

– Что вы! – с обидой воскликнула Зинка. – У меня нет такой привычки – подслушивать.

Ага, так я тебе и поверил... У большинства женщин это бзик – подслушивать чужие разговоры.

Как же – у мужа не должно быть никаких секретов от жены.

– Но все же – как?

– Однажды я случайно увидела их в загородном кафе. Они сидели за столиком и что-то горячо обсуждали.

– Ну, они могли говорить на какие-то личные темы... Вы ведь наблюдали за ними издали, как я понимаю.

– Верно, издали. Они сидели на открытой веранде, а я... я пряталась за кустами. Но личного в их разговорах точно ничего не было! Я хорошо знаю... знала Кирилла. Он даже ни разу не улыбнулся, что на него совсем не похоже.

– Тогда почему вы обвиняете Дженнифер в том, что она хотела отбить у вас мужа?

– А зачем он привез ее к нам на дачу? Да еще и спрятал от меня.

– Может, это и есть их совместная афера. Они что-то задумали, какой-то бизнес, который, как теперь понятно, имел явно криминальный характер. А вы сразу – изменщик, и все такое... Возможно, ваш муж и Дженнифер решили немного «подоить» Рыж... Крапивина, разыграв похищение с последующим крупным выкупом. Что сказал вам муж во время утренней ссоры?

– Он буквально взбесился. И послал меня... извините... на три буквы. Сказал, чтобы я закрыла рот на замок и не лезла туда, куда меня не просят. Я ему не уборщица, а жена! Еще чего – материть меня вздумал...

Удивительное дело: Зинку больше волновало непочтительное отношение со стороны мужа к своей сиятельной персоне, нежели его трагическая гибель. Она готова была рвать и метать, когда заподозрила своего Кирика в измене, но к его смерти отнеслась с неестественным спокойствием и даже облегчением, как мне показалось.

Как хорошо, что у меня за душой ни гроша! И если мне придется жениться, то моя будущая супруга пойдет со мной под венец не ради денег и не потому, что она вот-вот станет старой девой, а по любви.

Очень хочется на это надеяться...

Деньги могли у меня быть. Очень большие деньги. Я даже мечтал купить парусную яхту и надолго уплыть в моря и

океаны.

Нашей компашке – то есть, мне, Плату и Маркузику – попались в руки номера и шифры счетов в западных банках одного очень нехорошего человека, местного мафиози, который откинул копыта не без помощи О.С.А., и мы хотели по-тихому рассовать эти бабки по своим карманам.

(Конечно, это неэтично и даже противозаконно. Но у нас такая страна, что те, кто живут в согласии со своей чистой совестью и уголовным кодексом обычно влачат жалкое существование. А воры и проходимцы разных мастей заседают в думах разных уровней и покупают дорогущую недвижимость в Англии, иностранные футбольные клубы и острова в теплых южных морях).

Но видно такая уж несчастливая у нас планида. Когда мы, наконец, добрались до этих банков, на тайных номерных счетах значились одни нули. Это еще раз говорит о том, что порядочным людям не стоит зариться на чужое добро.

А мы не выдержали искуса, в чем потом и раскаялись. Даже в церковь ходили грех замолить.

(Но если честно, то мое раскаяние было немного с фальшью. Наедине с самим собой я вынужден был признаться, что случись подобный расклад в будущем, все равно эту наживку заглотну. Увы, человек слаб и грешен... прости меня, Господи!).

Я распрощался с Ксаной и «безутешной» вдовой где-то около часу ночи. Немного повздыхав на лестничной площад-

ке и потискав друг другу руки, мы условились встретиться еще раз, поцеловались на прощанье и разбежались.

Уже сидя в такси, я терялся в предположениях – к какой категории отнести прошедший день? И в конце концов решил, что по значимости встреча с Ксаной перевешивает все мои неприятности.

Что если и впрямь на меня обратил свое благосклонное внимание весьма капризный и непостоянный господин Случай?

Глава 10

Маркузик с глубокомысленным видом изрек:

– Ты вчера подрался.

Признаюсь, я был сильно удивлен.

– С чего ты взял? – спросил я, падая на свой любимый диван.

– Когда у тебя вид сонного сурка⁶, которого вытащили за шкуру на свет ясный, чтобы он определил начало весны, можно не сомневаться, что ты не только вчера напился, но еще и почесал свои кулачищи о чужие бока. Проще говоря, в таких случаях ты доволен, как слон, и все невзгоды тебе по фигу.

– Я доволен потому, что не видел твоей физиономии целых четырнадцать часов, – пробурчал я в ответ и умолк, не желая продолжать разговор.

– Опять пикируетесь! – недовольно сказал Плат, появляясь на пороге. – Представляю, что было бы, окажись вы вдвоем на необитаемом острове.

– Это было бы здорово... – Я потянулся, словно кот на

⁶ Согласно популярной в США традиции, считается, что в так называемый «День сурка» (2 февраля) зверек вылезает из норы после зимней спячки, чтобы проверить, пришла ли весна. Если сурок увидит свою тень (то есть, светит солнце), то ещё около 6 недель будет стоять плохая погода, если же тени нет (небо в облаках), значит, весна уже не за горами.

теплой лежанке в зимнее время. – Для Робинзона запас продуктов – первое дело. Если Марка выпотрошить, набить душистыми травами, насадить на вертел и хорошо прокоптить, получится отменный продукт. Ни жирный, ни сухой – в самый раз. Вот только боюсь, что мясо будет горьковато – в нем желчи много.

– Садист... – Марк брезгливо покривился. – Представляю, чем ты питался в армии, когда тебя посылали на задание...

– Могу устроить тебе мастер-класс. Надо всего лишь попросить знакомых парней-вертолетчиков, чтобы нас высадили в каком-нибудь безлюдном месте подальше от цивилизации без еды и оружия. Очень интересно будет посмотреть, поможет ли тебе выжить твоя подкованность в электронике. А также через неделю, проведенную тобою впроголодь, наблюдать за метаморфозами твоей брезгливости.

– Сильвер, закрой поддувало! – Плат уселся на свое «председательское» место. – Хватит трепаться. Прежде всего дело.

Маркузик независимо фыркнул, вскинул голову, и демонстративно поджал губы. Ну просто тебе Наполеон, только без знаменитой треуголки.

– Итак, улика номер один... – Серега положил на стол уже знакомую нам квитанцию, которую мы выудили из карманов парня, убитого Дженнифер, а вместе с ней и несколько фотографий парня, убитого американкой; одну из них я тут же сунул себе в карман – вдруг пригодится. – Это документ из

ломбарда, залоговый билет... или квитанция, что все едино. Некий гражданин Гаркавин (или Гаркавый) сдал в это заведение импортные золотые часы с браслетом и получил за них энную сумму денег. Номер залогового билета, дату его выдачи и адрес местожительства сдатчика часов восстановить не удалось.

– Адрес ломбарда?... – спросил я, немного волнуясь.

– Улица Космонавтов, дом номер двадцать семь.

– Фусик... – Я с удовлетворением потер руки. – Давно не имел чести лицезреть этого старого проходимца...

В городе Фусик был личностью уникальной. У него можно было раздобыть денег в любое время дня и ночи. Но только под залог чего-нибудь ценного. В долг он никогда и никому не дал ни копейки.

Поговаривали, что Фусик скупает и краденные ценности, но за руку его никто не поймал. Поэтому утверждать, что это именно так, я не мог.

Фусик (как ни странно, это не кликуха, а вполне официальное имя, притом, что удивительно, чисто русское) заведовал ломбардом целую вечность. Впервые я познакомился с ним еще в школьные годы, когда мы с Платом нашли в реке изрядно помятый серебряный кубок.

Уж не знаю, был ли он историческим раритетом (тогда такие мелочи меня не интересовали), но благодаря этой находке мы жили, как короли, недели две. За это время мы съели килограмм сто (как минимум) мороженого и выпили целую

батарею бутылок с самыми разнообразными прохладительными напитками.

Последняя моя встреча с Фусиком произошла несколько лет назад, когда я, завязав с военной службой, возвратился в родные пенаты – для того, чтобы окончательно сесть на мель. А в такие моменты долго выбирать работу особо не приходится – кушать почему-то хочется постоянно.

Воровать я не умел, грабить стыдился, пойти в какую-нибудь банду моя, тогда еще социалистическая, совесть не позволяла, поэтому я устроился в ЖЭУ дворником.

Однажды, орудуя без особого вдохновения метлой, я нашел порванную золотую цепочку с кулоном. В тот момент у меня в кармане как раз бегала вошь на поводке. Дожевывал последний сухарик и растягивая удовольствие как можно дольше, я мучительно припоминая своих приятелей и знакомых, кому еще не должен и у кого можно было занять денег до полочки.

Поэтому моя порядочность спала в обнимку с чувством гражданского долга, и в башке даже мысль не мелькнула вернуть утерянную драгоценность ее владелице.

Я жадно схватил свою находку и рысью помчался в берлогу Фусика на улицу Космонавтов. Он отвалил мне денежек от своих щедрот, не скупясь, что само по себе было удивительно. Я тогда думал, что Фусик просто пожалел мою бедную головушку – тяжелое ранение, после которого я демобилизовался, и постоянное недоедание превратили меня в на-

бор костей, пособие для анатомического кабинета.

Лишь потом, по происшествии времени, когда я начал кое в чем кумекать, до меня наконец дошло, почему Фусик был так «щедр».

Дело в том, что в подвеску был вмонтирован очень даже не хилый бриллиантик. О чем я тогда, конечно, не догадывался, считая его стекляшкой, а Фусик как-то «забыл» просветить меня на сей счет.

– Ты пойдешь к нему? – спросил меня Плат.

– Ну... Надо навестить старого кореша, – ответил я с мстительными нотками в голосе.

Я все еще не мог простить Фусику, что за подвеску он дал мне десятую часть ее истинной цены. А то и меньше.

– Сюрикен... – Плат попробовал пальцем острые края нашей находки – шестиконечной звезды – и быстро отдернул руку. – Блин! Как бритва... – Он слизнул капельку крови, которая выступила из пореза.

– Эт точно, – сказал я, запихивая в карман восстановленную копию квитанции. – Быстро выдави из ранки как можно больше крови и обработай ее йодом.

– Зачем? Эка невидаль – мелкий порез.

– А затем, чтобы не сыграть в ящик. Вдруг лучи сюрикена смазаны ядом кураре. Или еще какой-нибудь пакостью, от которой нет противоядия.

– Ты это серьезно!?! – всполошился Плат.

– Вполне. Делай, что тебе говорят.

Сергея вернулся к столу спустя несколько минут. Плат был немного бледен – от переживаний – и посматривал на свой забинтованный палец с опаской, словно боялся, что он вот-вот отвалится.

– Ты оказался прав, – заявил Серега, пододвигая ко мне сюрикен линейкой. – Он изготовлен методом кустарнойковки, имеет слоистую структуру, отчего очень прочен. Состав металла неизвестен. Для этого требуются дополнительные исследования, на что времени у эксперта нет.

– То есть, сюрикен ковали как японскую катану⁷ – по много раз сгибая поковку пополам, как тетрадные листы, – сказал я задумчиво. – Что предполагает наличие мастера, знакомого со старинными технологиями обработки металла. Где может быть такой умелец? Верно – в Японии. Скорее всего.

– И что нам это дает? – скептически спросил Марк, который все это время задумчиво исследовал свои ногти, будто пытался прочесть по ним судьбу.

– Ничего, – признался я не без сожаления. – Кроме еще одного подтверждения моей версии, что эта американская невеста – шкатулка с двойным дном. Очень интересная личность. А в свете того, что мне удалось узнать, вообще сплошная загадка.

– Рассказывай, – потребовал Плат.

⁷ Катана – длинный самурайский меч (90 – 120 см.) весом около 3 кг, толщиной от 5 см со стороны обуха до толщины человеческого волоса и тоньше со стороны лезвия.

– Во-первых, я нашел жену Кирика... – Я с вызовом посмотрел на Маркузика, который не выдержал моего взгляда и склонил голову. – В отличие от некоторых, почивающих на мягких перинах, вчера вечером мне пришлось здорово по-пахать... – приврал я, чтобы еще больше уязвить этого злопыхателя.

– Ну-ну! – поторопил меня сильно заинтересованный Плат.

Я не стал описывать свои ресторанные похождения и сокрушаться об испорченном вечере, а поведал самую суть. Из моего рассказа можно было сделать осторожный вывод, что я полночи бегал по городу, высунув язык, в поисках мадам Клычковой, и что мои усилия в конце концов были вознаграждены.

В общем, я подвел дело таким образом, что Марк должен выдать мне из кассы энную сумму на транспортные и иные расходы (должен же мне кто-то компенсировать хоть часть ресторанных трат).

От моих финансовых выкладок Маркузика даже перекосило. Но он смолчал, потому что на Плата снизошло вдохновение.

Он сильно обрадовался моему повествованию, и я понимал, почему – впервые в деле появился хоть какой-то след. Поэтому Серега не придал особого значения той шпаргалке с цифирью, которую я всучил Маркузику.

Плат лишь кивнул ему, что означало согласие на выплату.

– Итак, что мы имеем... – Плат начал загибать пальцы. – Первое – Дженнифер никто не умыкал. Она ушла от Рыжего по доброй воле...

– Возможно, не без помощи некоторых товарищей, – добавил я, согласно кивая. – Прыгнула в тачку Клычкова – и была такова.

– Верно. Второе – у нее на уме какая-то финансовая афера. Все-таки, я не думаю, что она сотрудник ЦРУ и находится на задании. Это было бы чересчур.

– Как сказать... – снова подал я голос.

– Ты не согласен?

– Если честно, то я готов с тобой согласиться... чтобы жизнь казалась проще. Но не нравятся мне те парни в камуфляже, что устроили нам гонки по пересеченной местности, и все тут. Понимаешь, мне кажется, что здесь пахнет чем-то большим, нежели какими-то крутыми бизнесовыми проблемами.

– Хочешь сказать, что Кирик был резидентом американской разведки? – Серега коротко хохотнул. – Брось. Он торгаш до мозга костей. И не более того.

– Ну конечно... – Я тоже осклабился. – Наши торгаши могут продать все, что угодно, только не родину. Они у нас квасные патриоты. Это общеизвестно. Не говори глупости, Серега. Все дело в цене, которую могли предложить Кирику в свое время. Вдобавок к американскому гражданству. Разве мало было подобных случаев? И не таких карасей ловил на

удочку дядя Сэм. Кирик для ЦРУ даже не жирный карась, а мелкая уклейка.

– Значит, ты все-таки уверен...

– Да ни в чем я не уверен! Просто мне очень хочется поймав эту стерву с повадками заправского киллера, надрать ей задницу и только тогда отдать ее Рыжему. Пусть она потом его хоть грохнет, мне без разницы. Нам, крестьянам, все равно, что водка, что пулемет, лишь бы с ног сшибало.

– Ладно, продолжим... – Плат снова начал загибать пальцы. – Третье – американская невеста знает русский язык. Знает, но почему-то делает из этого большую тайну.

– Это все к тому, что я говорил ранее... – Мне вдруг захотелось выпить, чтобы взболтать совсем загустевшие мозги, но я лишь сокрушенно вздохнул – наши запасы спиртного уже истощились; остался лишь чай. – А не заварить ли нам чифирь?

Мы с Платом как по команде устались на Марка. На удивление, он лишь кротко вздохнул и безропотно направился в «кухонный» уголок.

– Четвертое – наша клиентка отменно владеет боевыми искусствами. И тоже не спешит объявить об этом даже своему потенциальному муженьку. Пятое – в деле присутствует какая-то мощная организованная сила...

– Которая охотится на эту американскую красотку, – продолжил я речь Сереги.

– Тут бабка надвое гадала, то ли будет, то ли нет. Я тоже

так считаю, но сомнения все равно остаются.

Меня вдруг осенило.

– А что если все наоборот? – спросил я, волнуясь.

– То есть?...

– Что если Дженнифер охотится за этой «силой»? Которая вполне может быть каким-нибудь олигархом местного разлива, у которого охрана как у президента.

– Да, ты прав. Вполне возможно... – Плат с силой потер виски. – Версия, я бы сказал, вполне... Но зачем, с какой стати? К тому же женщина...

Я саркастически хмыкнул.

– Эта, с позволения сказать, женщина, насколько я в ней разобрался, могла запросто уделать не только того придурка, что сидел в засаде за забором, но и тех, кто угрожал Кирика.

– Почему не уделала?

– Что значит человеку не пришлось хотя бы сутки побыть в окопе на передовой... – Я снисходительно ухмыльнулся. – Не обижайся, брат, это я к слову. Дело в том, что она сразу вычислила снайпера, а потому решила не ввязываться в драку и ушла по-тихому. Снайпер в засаде – очень опасная ситуация. Я бы сказал, критическая. Когда ты в перекрестье оптического прицела, тебе не помогут никакие ухищрения из арсенала ниндзя. Тем более, если не знаешь, где находится снайпер, в какой стороне.

– Ну, в этом вопросе тебе и карты в руки, – сказал Плат и мы принялись чаевничать, так как Маркузик притаранил

к столу чайник с кипятком и чашки, продолжая нашу дискуссию.

– Кстати, – Серега остро посмотрел на Марка, – а почему ты молчишь? Или у тебя ничего не получилось?

– Получилось, – буркнул наш гений и полез в карман. – Только не очень... Большое расстояние...

Он достал из конверта несколько фотографий и подsunул их к Плату. Сверху лежали увеличенные снимки машины, на которой команда киллеров подъехала к даче Кирика.

Ее госномер просматривался вполне отчетливо.

– Отлично вышло, – с удовлетворением сказал Серега. – Молодец. Есть еще одна зацепка.

– Я не об этом, – ответил Марк. – Как вы уже знаете, все бандиты были в масках. Но их начальник остался сидеть в машине. И он был без намордника. Я хотел «вытащить» его лицо, но задачка для моей аппаратуры оказалась чересчур сложной. Вот, смотрите... – Он показал нам несколько фотографий.

На них виднелись светлые пятна, в котором лишь угадывалось человеческое лицо. И все же некоторые детали изображения можно было разглядеть более-менее отчетливо. Например, уши. У босса киллеров они были как лопухи.

– Я, конечно, еще поработаю, – немного виновато сказал Марк. – Но стопроцентный вариант не гарантирую. Тут нужно специальное оборудование, а оно стоит десятки тысяч долларов...

– Может, купим? – спросил я не без ехидства.

– Хорошая идея! – сразу же загорелся Маркузик. – Возьмем ссуду, у меня есть тяги в банке. Тогда мы враз...

– Не пыли, пехота! – бесцеремонно осадил я творческий порыв Марка. – Мы и так угрохали на твои электронные при-бамбасы тридцать «штук» зеленую. И толку от этого, так сказать, капиталовложения никакого. А ты наезжаешь на меня за то, что я угробил очередную подержанную тачку (между прочим, спасая себе и Плату жизнь), которая стоит всего лишь четыре тысячи гринов. С хорошей аппаратурой и дурак сможет управиться с этим делом. Ты сумеешь сработать на той, что у тебя есть. Это и будет настоящий класс. А то ты все больше языком...

– Ты!... – У Маркузика от бешенства не хватило слов.

– Вы еще подеритесь... соколы, – сквозь зубы мрачно процедил Плат. – Остынь, Марк. А ты, – он перевел взгляд на меня, – запихни свой ядовитый язык... сам знаешь, куда.

– Уже запихнул, – откликнулся я охотно и показал Маркузику в широкой улыбке свои зубы. – Неприкасаемый ты наш...

– Итак, что выпадает в осадок, – продолжил Серега, словно и не было небольшого инцидента между мной и Марком. – Американская дамочка с задатками ниндзя не похищена, а гуляет где-то на свободе. Не думаю, что она уехала из города. И в скором времени вряд ли уедет. Здесь ее явно держат какое-то дело. Это немного упрощает поиски. Наша

задача остается прежней – найти ее и доставить безутешно-
му жениху.

– Прорюхать бы, где ее норка... – Я стиснул кулаки. – Я почему-то не думаю, что она ночует вместе с бомжами на вокзале.

– Что ты сказал? – Погруженный в раздумья Плат вдруг резко дернул головой. – Говоришь, не может ночевать на вокзале?

– Ну. Такая козырная телка вряд ли будет шариться по помойкам. Ей нужно шелковое белье и на ночь стакан кефира с мягкой булочкой.

– Интересная мысль... – Серега не слушал меня, размышляя о чем-то своем. – В общем, давайте разбежаться. Сильвер, ты прокачиваешь Фусика, ты, Марк, подключись к базе данных ГИБДД, чтобы узнать кому принадлежит машина... Знаю, знаю, это сложно, это задача для незаурядного хакера, но ты справишься, я в этом уверен. Увы, мой хороший знакомый из автоинспекции, с которым я всегда решаю такие проблемы, в отпуске, а к другим мне не хотелось бы обращаться.

– Почему? – спросил Маркузик.

– Чтобы прежде времени не спугнуть эту банду. И главное – не «засветиться». Если они узнают, что мы вышли на их след...

– То от нас только перья полетят, – закончил я мысль Плата.

– Верно. Кто может поручиться, что тот мент из ГИБДД, к которому я обращаюсь, не находится у них на прикорме?

– Да, ты прав... – Я сокрушенно покачал головой. – Никому верить нельзя. Что за времена пошли? А ты чем будешь заниматься?

– Есть вариант... – загадочно сказал Серега и поднялся. – Марк, я забираю твою машину. Моя в ремонте.

– А я как? – спросил я с обидой. – Мне что, опять на такси кататься? Блин!

– Нет, не на такси, а на трамвае, – приказным тоном отрезал Плат.

– Это почему?

– Сам догадаешься, или подсказать?

– Уже догадался, – буркнул я с кислым видом. – Как что, так сразу Косой, Косой... – выдал я общеизвестную фразу из одной старой комедии.

Я понял мысль Сереги. Нужно было определить, не тянется ли за нами «хвост».

Это можно сделать со стопроцентной уверенностью, лишь топая на своих двоих. В потоке машин вычислить наружное наблюдение очень трудно, практически невозможно, в особенности, если этим делом занимаются профессионалы.

Возможно, Плат и перестраховывался, но я был с ним полностью согласен. Как говаривали наши пламенные чекисты времен развитого социализма, лучше перебдеть, чем недобдеть. Кто знает, на каком уровне находится служба контрраз-

ведки у киллеров, замочивших Кирика.

Конечно, по номеру моей тачки вычислить нас было очень трудно. Дело в том, что я купил ее через третьи руки.

Владелец «девятки», который ездил на ней по генеральной доверенности, сначала продал ее по такой же доверенности случайному бомжу, которого я вытащил из теплотрассы и у которого был паспорт. А затем, в тот же день, но у другого нотариуса, я переоформил машину на себя, и тоже по генеральной доверенности.

При этом бомж был пьян до изумления и вряд ли запомнил мою фамилию, а копию доверенности я, естественно, ему не оставил. Больше с ним я никогда не встречался.

Так что быстро выйти на мой след было практически невозможно. Ладно, скажем так – очень трудно.

Всегда остается фактор случайности или везения.

Повздыхав тяжело для вида и подоив Марка, который со скрипом, но все-таки выдал мне деньги, якобы потраченные мною вчера на поиски Зинки (при этом у него был вид жертвы инквизиции, которую должны водрузить на костер), я вышел на улицу и полной грудью вдохнул воздух, напоенный летней негой.

Естественно, он был с примесями выхлопных газов, гнилостных запахов помоек и потных человеческих тел, но это амбре подействовало на меня как звук кавалерийской трубы на боевого коня.

Я живо встрепенулся, мысленно сказал на лошадином

языке «и-го-го!», и рысью потрусил к трамвайной остановке, стараясь выглядеть обывателем, которому срочно припекло сбегать за бутылкой в гастроном, расположенный через два квартала.

Глава 11

В ломбарде никого не было. Это меня порадовало. Конфиденциальные разговоры не терпят присутствия посторонних.

Фусик сидел за конторкой с окошком как жирный мохнатый паук-птицеед в своей паутине. Сходство усиливалось благодаря круглым допотопным очкам в коричневой роговой оправе и коротким рукам, поросшим черным густым волосом. Эта буйная поросль не присутствовала лишь на ладонях.

Сам он был черен, как галка, и лохмат. Годы лишь слегка посеребрили ему виски, да расширили физиономию, которая стала почти квадратной и прибрела двойной подбородок.

– Я вас слушаю... кхе, кхе!... молодой человек.

Фусик снял очки и остро посмотрел на меня из-под мохнатых бровей. Они были у него точь-в-точь как у бывшего генсека КПСС Брежнева. За небольшим отличием – брови Фусика смыкались с его гусарскими бакенбардами.

– Здравствуйте, Франц Бениаминович! – сказал я, изобразив слащавую улыбку. – Не узнаете?

Фусик терпеть не мог своего имени, поэтому всем представлялся как Франц. О том, как его зовут согласно метрике, знал очень ограниченный круг людей, в основном старожилы; а если совсем уж точно, то те из них, кто постоянно

пользовались услугами ломбарда.

– М-м... Извините, что-то не припоминаю...

– Ну как же, как же... Впрочем, мы давно не виделись. Как там поживает моя подвесочка? Хотелось бы забрать ее. Память, знаете ли.

– П-простите, о ч-чем речь? – Фусик вдруг начал заикаться.

Вспомнил, жучара, подумал я торжествующе. Еще бы не вспомнить. Можно сказать, за копейки отхватил такой жирный куш.

– Подвесочка... бриллиантик, каратов на десять. – Я ослабился. – Это было... – Я назвал примерную дату. – Загляните в свой гроссбух. Там все написано.

Фусик что-то тихо пискнул, затем прокашлялся и сказал неуверенным тоном:

– Кхе, кхе!... А залоговый билет у вас есть?

– Конечно. Дома, – соврал я, не моргнув глазом.

Квитанцию я выбросил... или где-то посеял. Это не суть важно. Я не собирался выкупать у Фусика свою находку, хотя в принципе мог продать ее гораздо дороже.

Мне казалось, что таким образом я могу избавиться от укоров нечистой совести.

– Если нужно, мне недолго ее принести, – сказал я бодро. – Мигом смотаюсь, тут недалеко.

– Э-э... – Фусик пребывал в растерянности.

И я понимал, почему. Он уже давно толкнул мою находку,

наварив на этой операции кучу бабок.

– Что вы сказали? – демонстративно воткнул я свое ухо в окошко.

– Нет-нет, ничего... – Фусик начал суетливо искать толстую конторскую книгу. – Посмотрим...

Запись он нашел быстро. Прочитав свой убористый каллиграфический почерк (старая школа; я вот пишу как курица лапой; иногда даже сам не могу разобрать, что накалякал), Фусик с деланным сочувствием сказал:

– Не могу вас обрадовать, молодой человек. Да-с... Не могу.

– Это почему?

– Все сроки вышли. Согласно нашим правилам, ваша подвеска реализована... чтобы покрыть убытки ломбарда. Мы не можем вечно хранить то, что нам сдают. Таков порядок.

– Ах, как жаль! – Я сокрушенно покачал головой. – Ну да ладно, Бог с ней, с этой подвеской. Такова ее планида. Но тогда мне хотелось бы получить за свою семейную реликвию ее истинную цену, а не жалкие гроши, которые вы ссудили мне от своих больших щедрот.

– Простите, но вы получили деньги согласно оценке...

– Фус Бениаминович! – Я склонился к окошку и жестко заглянул прямо в глаза Фусику. – Не надо мне лепить горбатого. В своей «оценке» вы нечаянно – я в это верю! – ошиблись. Решили, что подвеска – имитация драгоценного камня. И заплатили только за металл. Поэтому я прошу – нет, да-

же требую! – чтобы вы немедленно исправили свою оплошность.

– А-ва-ва... – Фусик растерялся.

Причина растерянности Фусика лежала, что называется, на поверхности – я назвал его настоящим именем.

Мало того, Фусом моего визави кликали в основном деловые, с которыми заведующий ломбардом проворачивал всякие темные делишки. И теперь Фусик предположил, что я тоже принадлежу к преступному миру.

А как решает подобные проблемы босота, ему было известно не понаслышке...

– Не слышу положительного ответа. – Я добавил в голос немного жестких ноток.

– Но я же сказал, что подвески уже нет! – наконец прорвало Фусика. – Она продана.

Он произнес это с трагическим выражением на сильно побледневшем лице.

– А я ответил, что это неважно. Я согласен на денежную компенсацию. На справедливую денежную компенсацию, – добавил я с нажимом. – Притом с процентами.

– К-к... С к-какими процентами!?

– Но вы ведь пользовались моими бабками все эти годы. А денежка счет любит. Вот счетчик и натикал мне хороший навар. Да будет вам, будет играть в непонятки! За ошибки нужно платить, уважаемый. И вы заплатите, в этом у меня совершенно нет никаких сомнений. А у вас? То-то же... Берите

ваш арифмометр и начинайте крутить ручку. Да побыстрее, у меня времени в обрез.

– Это грабеж! – обречено пискнул Фусик.

– Грабеж был тогда, когда я вам сдавал подвеску. А сейчас идет всего лишь восстановление поправленной справедливости. Что касается навару, то десять процентов годовых меня вполне устроят.

– Десять!?! Что вы такое говорите!?

– Ладно, только из-за уважения к вашим сединам – семь.

И точка! Дальнейший торг неуместен.

Я подошел к входной двери и повесил табличку «Закр-
то».

– Чтобы нам никто не мешал, – объяснил я Фусику, который наблюдал за мной как лягушка за голодным удавом.

Он уже сдался, я это чувствовал. При советской власти в подобных случаях Фусик мог вызвать наряд милиции, и все проблемы решились бы очень быстро и в его пользу.

Но сейчас были другие времена. Ментовская «крыша» вполне могла оказаться дырявой. К тому же, общественный статус заведующего ломбардом не позволял заводить телохранителей. Это было бы чересчур.

А мое упоминание «счетчика» и вообще добило Фусика. Что это такое, нынешним бизнесменам объяснять не нужно...

– Может, мы договоримся как-то по-другому... – сказал он ележным голосом.

Поняв, что угроза для его жизни миновала, он осмелел и начал мыслить, как и должно хитровану, который сумел продержаться на такой хлебной должности без малого тридцать лет.

– Возможно, – не стал я упираться.

– У меня есть антики, – зашептал он доверительно. – За бугром они стоят бешеных денег. Я отдам их вам почти даром. Естественно, в пределах суммы, которую мы сейчас определим.

– Фус Бенедиктович, мне эти ваши антики до лампочки. Я готов забыть историю с подвеской, но при одном условии...

– Что за условие? – Фусика даже в пот бросило от моих слов.

Он сразу почуял, что может выйти из пикового положения с минимальными потерями. Что значит большой опыт в облапошивании ближних...

Касательно драгоценных изделий античной эпохи, коими Фусик начал увлекаться уже после развала Союза (я узнал об этом, когда мы расследовали одно небольшое дельце), когда в стране наступил полный бардак, то я поверил ему сразу. Некоторые изделия древних ремесленников и ювелиров благодаря грабителям старинных захоронений поступали и в ломбард – конечно, не вполне официально.

На этом Фусик тоже имел неплохой навар, особенно если удавалось через свои связи втюкать какой-нибудь древний раритет заезжему иностранцу. За границей антики и впрямь

были в цене, и подъем по деньгам нередко был десятикратным. Так что в этом вопросе мой визави не врал.

Я молча протянул ему восстановленный залоговый билет.

– М-м... – пожевал губами Фусик. – Понятно... Мой документ. Кхе, кхе!... Должен вам сказать, что лично мне этот человек не знаком.

– Кто бы сомневался... – ответил я любезно.

– Но я знаю, кто он и где живет.

– Даже так? – Не скрою, я был приятно удивлен. – Тогда черкните мне его адресок.

– С большим удовольствием. – Фусик взял ручку, листок бумаги, но, прежде чем заняться упражнениями в каллиграфии, с трепетом спросил: – Значит, я даю вам адрес... этого гражданина – и мы квиты?

Я хохотнул.

– Конечно, – ответил я, продолжая лучезарно скалить зубы.

– Слово?...

– Заметано. Зуб даю.

Фусик облегченно вздохнул и быстро написал на листке несколько слов.

– Вот, – сказал он, просовывая через окошко свою цидулку. – Пожалуйста.

– Дзенкуе бардзо, – поблагодарил я Фусика, щегольнув знанием польского языка.

Года два назад я сподобился изведать прелестей заезжей

польской паненки, которая между делом – то бишь, в перерывах между сеансами убления плоти – научила меня несколькими обиходными выражениями на своем родном языке.

Нужно сказать, что нам совсем не мешали натянутые отношения между Россией и Польшей. Мне довелось убедиться в очередной раз, что народная дипломатия гораздо эффективней и плодотворней официальной. Действительно, мир на Земле можно спасти только любовью.

– Итак, где живет господин Гаркавий, у которого, судя по всему, – тут я уколол Фусика, который поспешил изобразить на своей квадратной физиономии детскую невинность, беспощадным взглядом, – золотишко куры не клюют, мы знаем. Я почему-то думаю, что он ваш постоянный клиент. Не так ли? Можете промолчать, только кивните. А вот что он собой представляет, как личность, мне пока неясно. Хотелось бы получить объяснения и на сей счет.

Фусик немного помялся, но все же здраво рассудил, что надо колоться. Он обречено вздохнул и ответил:

– Гришан – бывший вор-щипач. Карманник. Он уже на пенсии.

– Ой ли?...

– Он сам мне говорил. Ему уже под восемьдесят.

– А часики откуда? Неужто он дошел до ручки, что сбегивает за копейки нажитое за долгие годы тяжелого и опасного труда? Судя по сумме, которую вы «отвалили» ему по старой дружбе, мужские золотые часы с браслетом (к тому

же, фирменные) весили не более десяти грамм, что маловероятно. Вы обули старого вора как последнего ффраера, что вызывает определенные сомнения. Уж он-то точно знал, на сколько тянет его рыжевьё.

– Он мне никакой не друг! – отгрызнулся Фусик.

– Понял. Вопрос снимается. Суду и так все ясно. Господа присяжные заседатель удовлетворены. Значит, господин Гаркавый решил тряхнуть стариной и заработать себе добавку к пенсии. Похоже, «квалификация» у него высочайшая. Тиснуть золотые часики сегодня совсем не просто. Обычно они катаются в «мерседесах» и чаще всего с охраной. Кстати, а где эти часики? Неужто до сих пор лежат в вашем сейфе?

– М-м... – Фусик старательно отводил глаза в сторону, чтобы не встретиться со мной взглядами. – Нет, не лежат...

– Так бы вы сразу и сказали. Но мне до вашего бизнеса нет никакого дела. Я прощаюсь с вами и ухожу. И прошу вас – никому о нашем разговоре ни единого слова! Особенно Гришану. Вы поняли? А то вдруг вам захочется прямо сейчас, после моего ухода, позвонить старому корешу, поболтать о том, о сем...

– Молодой человек, я не так глуп, как вам кажется, – с неожиданным достоинством ответил Фусик. – В моем деле молчание воистину золото.

– Вот и ладушки. Не растеряйте свое золото. Вам из него сделаю шикарное надгробие. Всех благ!

С этими словами я вышел на улицу. Мрачноватая атмо-

сфера ломбарда меня угнетала. Казалось, что время в нем пошло вспять, и я перенесся в семидесятые годы прошлого столетия. Наверное, у денег и ценностей плохая аура.

Видимо, по этой причине все солидные банки стараются строить в виде помпезных, мраморных дворцов, почти храмов – чтобы сгладить негативный фон, исходящий от денежной массы, красотой архитектурного замысла и изысканностью дорогого интерьера.

Я направился по указанному в бумажке адресу сразу, не откладывая встречу с Гришаном в долгий ящик. Как могла попасть принадлежащая ему квитанция в карман молодому человеку, которого оприходовала Дженнифер?

Это был интересный вопрос...

Удивительно, но Гришана я узнал сразу, словно у меня с ним было шапочное знакомство. Он сидел среди нескольких стариков-пенсионеров, которые в тени тополей забивали «козла».

Его выдал взгляд. Он был профессионально беспокойным и живым. Казалось, что у него не поблекшие от старости серые глаза, а две изрядно поседевшие шустрые мышцы. Они тревожно шныряли туда-сюда, пребывая в постоянном движении.

Гаркавый словно ждал, что вот-вот откуда-нибудь появится наряд милиции и возьмет его под микитки...

Был он худощав, невысок ростом и вообще казался каким-то неприметным. Такой тип людей теряется в толпе, как

щепка в реке во время половодья. Из таких невзрачных, обыденных мужичков куются кадры сотрудников внешней разведки и топтунов из наружного наблюдения.

Что я пришел по его душу, Гаркавый вычислил мгновенно – едва мы встретились взглядами. Он сразу поскущел, сник и понуро уставился на стол, сбитый на скорую руку из половых досок. Они были не крашены, но от долгих доминошных баталий стали как полированные.

Я подошел к нему сзади и тихо сказал:

– Привет, дядя! Отойдем в сторонку, есть разговор...

Старый вор молча кивнул и движением острого подбородка указал на беседку в глубине двора. Ее заплел дикий хмель, который запустил свои длинные плети даже через прохудившуюся крышу.

В беседке не было никого. Наверное, здесь собиралась лишь молодежь по вечерам, потому что на полу валялись жестяные банки из-под разнообразных напитков и окурки.

– Ну? – сказал Гришан, едва стена из хмеля отделила нас от нескромных взглядов.

Я молча ткнул ему в руки восстановленную квитанцию из ломбарда. Старый вор взял ее и начал неспешно изучать с таким видом, словно ему всучили берестяную грамоту со старославянскими буквами.

– Что дальше? – спросил он наконец, возвращая мне бумажный листок.

Лицо у него в этот момент было как у индейца-гурона воз-

ле столба пыток – ни единой эмоции. Маска.

– Знакомый квиток⁸? – Я холодно заглянул в его серые зенки.

– Допустим. Что с того?

– Ничего. Меня происхождение котлов⁹ не интересуют.

Это я говорю для прояснения картины.

– Ты... не мент?

– А что, похож?

– Не сказал бы...

– С этого и будем исходить.

– Так что тебе нужно, хлопец?

– Я хочу задать всего лишь один вопрос: как этот залоговый билет мог оказаться в чужом кармане?

– Не понял...

– Что тут непонятного?

– С какой стати ты решил, что я стукач?

– А, понятно... Воровская честь и все такое прочее. Дядя, ты хочешь откинуть копыта не как пес подзаборный, а как человек – под траурную музыку и поминальные речи? Хочешь, хочешь, по глазам вижу. К старости человек становится мудрее... даже если он в юности был совсем тупым. Я ведь сказал, что не мент. А значит пустые трали-вали разводить с тобой не буду. Недосуг. Если ты не расколешься сейчас, я уйду. А потом вернусь. И тогда ты мне, дядя, будешь

⁸ Квиток – квитанция (жарг.)

⁹ Котлы – часы (жарг.)

петь серенады. Словно Карузо. Просекаешь, о чем я базлаю?

– Умеешь ты убеждать...

– Кто на что учился... Так я слушаю.

– Котлы не мои. Меня попросил сдать их в ломбард...
один знакомый.

– Фамилия, адрес?...

– Он пачпорт мне не показывал. Зовут его Михаил. Просто знакомый. И... и все.

– Михаил, говоришь? Возможно... А ты, дядя, часом, не вертишь хвостом?

– Хлопец, я уже стар, и брехать мне как-то не по масти.
Михайлой его зовут.

Я видел, Гришан не врет, но в то же время что-то не договаривает.

У меня оставался последний надежда, козырь, который я не предъявлял даже Фусику – фотография парня, в кармане которого Плат нашел квитанцию. Устроить в ломбарде демонстрацию фотокарточки мне помешала вполне логичная причина – по словам Фусика, часы сдал немолодой человек.

А мертвецу было от силы двадцать пять – тридцать лет. К тому же, у меня на руках был и адрес Гаркавого.

Но теперь иное дело. Мне почему-то казалось, что старый вор знает гораздо больше, чем рассказал. Уж больно честными глазами он смотрел на меня, как бы подчеркивая кристальную прозрачность своей души.

Похоже, держит меня за лоха... В наше время – и честный

человек. Это что-то из разряда сказок про белого бычка. Тем более – честный вор-рецидивист. Мрак! Скажи кому, засмеют.

Поверить человеку, который всю свою сознательную жизнь воровал, лгал и изворачивался, может только полный идиот. Или либеральный демократ, который врет еще больше, при этом сам себе верит. Я пока к этим разновидностям человеческих особей не принадлежу.

Нет, фотку надо предъявлять.

– Ладно, дядя, – сказал я и полез в карман за фотографией. – Не буду трепать тебе душу. – И тут же добавил с нажимом: – Пока не буду. Посмотри на этого клиента. Узнаешь?

Старый вор взял в руки фотографию, долго ее разглядывал, а затем вдруг уронил, словно картонный прямоугольник неожиданно стал весить как двухпудовая гиря. Его худое морщинистое лицо побледнело, а в глазах появился влажный блеск.

– Миня... – сказал он глухо. – Это Минька. Я ж его предупреждал...

– Кто такой Миня? Фамилия? Адрес?

– Племяш... Гаркавый Михаил. Живет... жил на Заводской... – Гришан назвал номер дома и квартиры. – Это он попросил, чтобы я сдал котлы в ломбард. Говорил, что премию получил за какие-то левые дела. Только врал он... меня не проведешь.

– О чем ты его предупреждал?

Гришан посмотрел на меня мертвым взглядом, подумал чуток, затем махнул рукой и сказал:

– А, теперь все равно... Любил я Миньку. Он и похож на меня. До армии Миня был хорошим мальчиком, а как демобилизовался, так словно его подменили. Ладно бы стал деловым, но он связался с бандитами. Да, я вор! Но вор высшей квалификации. Не барахольщик, не жорик, не углан¹⁰, а щипач, король воров. Меня уважали... да, уважали! У меня бабок всегда было – завались. И Минька мог бы жить спокойно и припеваючи. Был у него талант... сам учил. Так нет же, ему понадобился шпалер в кармане. Сукин сын!

– На кого он работал?

– Точно не знаю. Говорил, что его приняли охранником в какую-то солидную фирму. Брехал... пацан!

– Как название фирмы?

– Я же сказал – не знаю!

– Может, его родителям известно?

– Сирота он... Мать умерла, когда ему было три года, а отец... Отца у него, считай, и не было. Залетный... Миньку в основном я растил. И моя сестра.

Меня снедало двойное чувство. С одной стороны я мог быть доволен, так как нащупал кончик ниточки, которая могла вывести наше расследование из лабиринта, а с другой – раздосадован: старый вор дал только намеки, которые

¹⁰ Барахольщик, жорик, углан – мелкие воришки, представители разных воровских «специальностей» (жарг.)

очень непросто перевести в факты.

Где искать фирму, в которой работал этот Минька?

Я почему-то не верил предположению, что он прирабатывал на стороне. Значит, бойцы, которые грохнули Кирика, — люди этой, пока неизвестной, фирмы. Мне обязательно нужно узнать ее название и где она находится!

Но как это сделать? Притом быстро.

— Есть предложение съездить на квартиру вашего Миньки, — сказал я тоном, не терпящим возражений. — Прямо сейчас. Думаю, у вас есть от нее ключи.

— М-м... да, есть... Но зачем?

— Чтобы поискать среди бумаг вашего племянника адрес фирмы, в которой он работал.

— И все?

— И все. Остальное будет интересно разве что ментам, которые в конце концов выяснит его личность. Ваш Миня пока не опознан.

— Никуда не нужно ехать, — мрачно заявил старый вор.

— То есть?...

— Я знаю, где находится эта фирма.

— Момент... Но, по-моему, минуту назад я слышал совсем иное.

— Я сказал, что не знаю, как она называется. Дело в том, что у нее нет вывески. Но ее адрес мне известен... — Гаркавый назвал улицу и номер дома; это был почти центр города.

— И как же ты узнал его, дядя?

Гришан сумрачно посмотрел на меня и нехотя ответил:

– Проследил, куда Минька ходит на работу.

– Доверяй, но проверяй... – Я ослабился. – Большевистский принцип в действии. Ты случаем, не состоял в КПСС?

– Не обижай старика...

– Понял. Вопрос с повестки дня снимается.

– Кто завалил Миню? Уж не ты ли? – Взгляд старого вора вдруг потяжелел, налился свинцов, и в нем появилось что-то волчье.

– Как на духу говорю – не я. Но мог бы, не скрою. Такая сейчас жизнь пошла, дядя. Или ты сверху, или тебя шпокнут.

– Она всегда была такой... – буркнул старый вор.

На том мы и расстались.

Глава 12

Я не выдержал искуса и поехал по адресу таинственной фирмы, где работал безвременно усопший Минька. Плат назначил общий сбор на шесть часов вечера в нашем главном офисе, так что время у меня еще было.

Должен сказать, что при виде здания, где располагалась фирма, я немного опешил. Когда-то в нем находился проектный институт... уж не помню, что в нем проектировали.

Но когда наступили «другие времена», как говорит ведущий одной телевизионной программы, большой демократ и любитель поизгаляться над тупыми русскими, квалифицированные инженеры и ученые оказались лишними на празднике рвачей и проходимцев.

Естественно, институт закрыли, предоставив его сотрудникам – вплоть до кандидатов наук – места на колхозном рынке, где они и торгуют до сих дешевыми зарубежными шмотками и овощами, которые привозят к нам азербайджанцы. А здание – практически новое, построенной в последние годы советской власти – по бросовой цене выкупил какой-то неизвестный «благодетель».

Теперь оно блистало мраморной отделкой фасада, окна были заменены на стеклопакеты с тонированными стеклами, а двор с гаражами позади здания ограждал высокий кованый забор с острыми копьевидными штырями поверху – чтобы

не мог проникнуть никакой супостат.

Гришан не погрешил против истины – на здании и впрямь не было вывески. Но деловая жизнь, судя по обилию легковых автомашин и микроавтобусов в обширном дворе и снующим туда-сюда сотрудиникам, кипела в нем как вода в перегретом котле.

Мне очень хотелось подойти и спросить у кого-нибудь из молодых людей, как называется их контора, но я тут же задал на корню это неразумное желание.

Я заметил, что и возле самого входа в здание, и во дворе прохаживаются крепкие парни с цепкими взглядами. Они фиксировали малейшее изменение обстановки вокруг этой таинственной конторы, и едва что-то нарушало привычный распорядок, как эти «конкретные пацаны» (судя по их наружности) немедленно стягивались к месту события.

«А ребятки-то со стволами...», – подумал я, наблюдая краем глаза за деловой атмосферой, царящей во дворе здания и перед его парадным подъездом. – Судя по всему, они вооружены не игрушками, а вполне по-взрослому...»

Кроме того, я заметил, что здание густо утыкано видеокамерами, поэтому подойти к нему поближе и остаться незамеченным мог разве что человек-невидимка. Впрочем, в этом не было ничего необычного.

Наши богатые бизнесмены – народ пугливый.

Они даже тени своей боятся, поэтому нанимают кучу телохранителей и обставляются самой современной электро-

никой, думая, что такие предосторожности помогут им выжить. Глупцы. При большом желании и соответствующей подготовке завалить можно любого.

Как по мне, так главная защита любого человека – это его порядочность по отношению к окружающим и честный труд, который предполагает скромную добродетельную жизнь. А если ты жучара и начал загребать бабки лопатой, ступая по трупам конкурентов, то можешь быть уверен на все сто процентов, что твой праздник продлится недолго.

Так что лучше сразу, не откладывая в долгий ящик, заказывать себе богатое надгробие. А то наследники могут пошкупиться и поставят на могилке всего лишь простой деревянный крест, который станет для тебя осиновым колом.

Бог очень не любит богатых грешников. Даже если они строят для него на неправедные деньги церкви и соборы...

Я сидел в небольшом уличном кафе как раз напротив здания бывшего проектного института. Здесь подавали преимущественно пиво и разнообразные напитки, но я заказал кофе и бутерброды – чтобы потянуть время наблюдения.

К тому же я сильно проголодался, что сразу понял, едва занял место за столиком. (Поначалу я намеревался обойтись пивом).

Компанию мне составляла молодая пара. Но они не обращали на меня никакого внимания; впрочем, как и на всех остальных. Для них мир сузился до двух квадратных метров, а воздух уплотнился и окружил влюбленных непрозрачной

стеной.

Парень и девушка что-то нашептывали друг другу на ухо, заразительно смеялись, затем начинали целоваться...

В общем, картина знакомая многим. Я сам был таким... когда-то. Теперь мне уже кажется, что это происходило со мной очень и очень давно.

Увы, увы...

Я просидел в кафе больше часа, выпив, кажется, семь больших чашек препаративного кофе и сжевав столько же бутербродов. Но толку от моих бдений не было ни на грош.

С таким же успехом можно было лизать сахар через стекло. Слюнки текут от вожделения, а вместо сладости – одна видимость.

Повздыхав и посокрушавшись своим невезением (а с другой стороны, что я тут хотел увидеть? мне и самому это было неизвестно), я расплатился, любезно кивнул молодым людям, продолжавшим лобызаться, – они мне уже стали как родные – и оторвал свой зад от пластмассового стула... чтобы тут же вернуться на исходную позицию.

Меня словно по башке стукнуло. С обалделым видом я наблюдал, как возле парадного подъезда здания бывшего проектного института остановился «мерс» представительского класса и из него вышла... Дженнифер!

С нею была и свита – два лба ростом как минимум метр девяносто. Судя по просторным пиджакам, они носили «упряжь» – наплечные кобуры, и, похоже, не для того, чтобы

хранить в них газовые пугачи.

Не останавливаясь, она быстро поднялась по ступенькам и исчезла внутри здания. «Мерс» тихо фыркнул и заехал через массивные ворота во двор.

Нужно сказать, что я на какое-то время совсем отупел. А все потому, что просто не поверил своим глазам.

Дженнифер! Невеста Рыжего! Здесь! И под охраной!

Мать моя женщина... К сложившейся ситуации большего всего подходило избитое литературное изречение «Все смешалось в доме Облонских».

Не знаю, как в том дворянском доме, но в моей башке точно царил кавардак. Я безуспешно пытался связать концы с концами, но все мои потуги были тщетными.

Похоже, мы влипли в какую-то смертельно опасную аферу, подумал я с отчаянием. Вернее, не влипли, а нас втянули.

Но кто и зачем? Рыжий? С какой стати? Он нам, конечно, не друг, но и не враг. Значит, кто-то другой.

Кто!?

Наверное, госдеп США, мелькнула в моей голове совершенно глупая мысль, и я с дебильным видом рассмеялся. Мой безумный смех наконец привлек внимание парня и девушки к моей персоне.

Посмотрев на меня, как на экземпляр из паноптикума, они поторопились заплатить по счету и быстренько слиняли, оглядываясь на ходу.

Я закрыл рот, звучно щелкнув зубами, и постарался изоб-

разить вполне нормального человека, озабоченного лишь состоянием пищеварительного тракта. Мне не хватало только слюни пустить, подумал я отрешено. Тогда точно заберут в психушку.

– Поди сюда! – подозвал я официанта, ленивого малого,двигающегося словно испорченный робот.

– Слушаю.

– Принеси мне сто... нет, сто пятьдесят грамм хорошего коньяка и лимон. Только не притарань бурду! Иначе за шиворот тебе вылью.

– Что вы, как можно? – Официант изобразил обиду. – Мы работаем честно.

– Знаю я вас... дети перестройки. Иди, иди. Топай. Да побыстрее поворачивайся.

На удивление, коньяк подействовал не сразу, хотя я хватил бокал одним махом, словно это была водка. Он капал на мое серое вещество скупыми каплями, которые сшивали изорванное в клочья полотно мыслей очень медленными крупными стежками.

Что все это значит? Может, я ошибся? Может, это не Дженнифер, а какая-то крутая телка, жена нового русского, которая здорово похожа на американскую невесту?

А фиг его знает...

Тряхнув головой, я окончательно привел свои мысли в порядок и встал. Идея возникла спонтанно, а поскольку я всегда был человеком действия, то пересек небольшую площадь

перед зданием бывшего проектного института и, ни мало не смущаясь, попросил у одного из охранников, который прохаживался возле ворот, закурить – для завязки разговора. Он как раз достал из кармана пачку сигарет.

В принципе, парень должен был послать меня подальше, но, на удивление, он отреагировал как я и предполагал. Похоже, место в охране он получил недавно.

Парень лишь поинтересовался с подковыркой:

– Ты всегда куришь сигареты «Дай-дай»?

– Ага... – Я широко улыбнулся. – Понимаешь, братан, два месяца назад бросил курить, пока держусь изо всех сил, но сейчас принял сто грамм на грудь, и до того захотелось засмолить чинарик, просто спасу нет. Уж извини.

– Ладно, чего там. Не обеднею. Кури на здоровье.

– Какое там здоровье...

Я жадно затянулся – будто и впрямь оголодал по части курева. Парень тоже попыхивал сигареткой, сторожко поглядывая по сторонам. Наверное, выглядывал начальство. Чтобы вовремя расшаркаться.

– Служба у тебя – класс, – сказал я с деланной завистью. – Гуляешь на свежем воздухе целый день. И не просто так, а за хорошие деньги. Не то, что я... Коптишься, коптишься в цехе, а придешь к кассе, и получишь шиш с маком. Да и тот с задержкой.

– На заводе работаешь?

– Ну...

– В армии служил? – спросил парень, окидывая меня взглядом с ног до головы.

– А как же. В десантуре. Не было бабок, чтобы откупиться...

Мы дружно улыбнулись. Откосить от армии мечтает каждый второй пацан, да не всем удается. В этом вопросе везет только тем, у кого родители при деньгах. Исполнилась мечта большевиков. Теперь у нас и впрямь рабоче-крестьянская армия.

– Видно, – спрятав улыбку, сказал мой собеседник. – Иди в охрану. Тебя точно возьмут. «Голубые береты» нонче в цене.

– Я уже пытался. Но без протекции это гиблое дело. Предлагают копейки. На заводе я в два раза больше зарабатываю.

– Надо искать.

– Надо... – Я выпустил несколько дымных колец, изображая полную расслабленность. – Буду пытаться... Слушай, что это за телка приехала на «мерсе» только что? – резко изменил я тему разговора, решив, что пора брать быка за рога. – Клеевая деваха. Твоя начальница?

Парень вдруг подобрался и посуровел.

– Это тебя не касается, – ответил он грубо. – Все, вали отсюда.

– Ну, извини. Я ж только спросил...

– Я тебе не справочное бюро. Уходи. Здесь стоять не положено.

– Понял. Спасибо за сигарету. Бывай.

Я добродушно улыбнулся и послушно потопал к остановке такси. Стоя в ожидании машины, я краем глаза продолжал наблюдать за парнем, который разговаривал по мобильному переговорному устройству.

Буквально через минуту к нему подошли два мужика в камуфляже, и охранник начал им что-то втолковывать, показывая в мою сторону.

Я не стал дожидаться, пока закончится это «собеседование». Подошла «волжанка», я забрался на заднее сидение, и таксист вырулил на проезжую часть улицы.

– Куда едем? – выдал он дежурную фразу.

– В район пятидесяти баксов.

– Хе-хе... – Водила шутку оценил и добавил газу. – Значит, прямо. Экскурсия по городу.

– Люблю догадливых...

Я обернулся и посмотрел назад. Из двора здания таинственной фирмы выехала машина – кажется, «ауди» – и начала нас догонять.

Эх, не ко времени я расшевелил осиное гнездо, не ко времени...

Нужно сказать, что во мне всегда присутствует два совершенно разных по характеру и темпераменту человека.

Первый – бесшабашный бродяга, мот, скандалист, драчун и бабник, у которого совершенно не в чести такие человеческие качества как рассудительность и скромность. Вто-

рой – мудрый ветеран невидимого фронта, который шагу не ступит, пока не убедится, что впереди нет противопехотных мин и растяжек, а позади уже протоптана дорожка, по которой можно дать деру в случае каких-либо осложнений.

Так вот, в данном случае верх взял первый, безрассудный придурок, который полез в драку так, как это обычно делает пьяный бузотер. Ему без разницы, сколько перед ним противников. Главное – хорошо, от души, помахатьсья; даже если он получит по черепушке оглоблей.

И теперь внутри меня они затеяли свару. Второй обзывал первого разными нехорошими словами, а первый лишь азартно скалился и предвкушал приличную драчку, чтобы добавить в кровь адреналину.

Вот сволочь!

«Ауди» уже была совсем близко. Конечно, сейчас по городу шибко не разгонишься. Машин стало столько, что если куда спешишь, то лучше ехать на трамвае или топать пешком. В пробке можно час простоять.

Но водитель «ауди» дело свое знал туго, и машина преследователей постепенно сокращала дистанцию.

– Слышь, шеф! – обратился я к таксисту. – Плачу сто баксов. Дай своей лошадке жару под хвост. Ползем, как сонные мухи.

– Тише едешь, дальше будешь, – философски заявил водитель. – Дай мне хоть тыщу, все равно результат будет тот же.

– Тогда давай скажем друг другу последнее прости.

– Вы что, выходите? – встревожился таксист.

И я бы на его месте начал метать икру: пятьдесят баксов помахали перед носом крылышками и вот-вот могут улететь. Ведь мы проехали всего ничего, рубчиков на пятьдесят, не более.

– Нет. Мы поедem дальше. До самого конца.

– До какого конца? – задал вполне логичный вопрос водителя.

Он уже начал тревожиться. Похоже, у мужика сработала интуиция.

– До того самого. Видишь, позади нас идет «ауди»? Во втором ряду, цвет серебристый с перламутром.

– Ну вижу.

– В ней сидят очень нехорошие людишки, бандиты. Не исключено, что они имеют садистские намерения сделать из твоей «волжанки» дуршлаг. Чтобы мы просочились сквозь дырки как вермишель. Только вместо сверлилок у них автоматы.

– В-вы... вы чего!? Вы шутите?

– Я похож на шутника?

– Н-не очень...

– Вот и я об этом. Короче говоря, шеф, плачу тебе двести баксов – за риск. Нужно отрываться. Любой ценой. Надеюсь, город ты знаешь хорошо. А если нет, я подскажу, куда свернуть. Да ты сильно не переживай. Может, они и не думают

стрелять. Но перестраховаться не грех. По рукам?

– Может, лучше будет, если вы выйдете... на перекрестке?

– Не получится.

– Почему?

– Мне край нужно уйти в отрыв. Без машины это никак невозможно. Сам видишь: проспект новый, деревья только посадили, проходных дворов нет, так что я буду как на ладони. Поэтому у тебя есть два варианта: или ты со мной и получаешь две зеленые бумажки за каких-то пять-десять минут, или... – Я многозначительно умолк.

– Что – или?

– Или ты оставляешь мне руль, а сам едешь домой на трамвае. Машину я потом подгоню в указанный адрес.

Я сказал это внушительно, с металлом в голосе, грозно насупив брови. Водила ответил так, как я и ожидал:

– Да вы... вы чего!? Свою машину я никому не доверяю.

– Вот и я об этом. Так что соберись с мыслями и рули. Ты ведь профессионал. Сколько лет за рулем?

– Без малого девятнадцать, – понуро ответил таксист.

– Неужели тебе слабо уделать того фраера, что сидит в «ауди»? Не дрейфь, прорвемся.

– Кто вы? – немного поколебавшись, спросил таксист.

– Это тебе знать не обязательно. Я хороший человек, не сомневайся.

– Вы... сотрудник органов?

– Ты очень догадливый... Все, пора! Перестраивайся в

правый крайний ряд и рви по тротуару. Не бойся, ежели что, все твои штрафы – мои. Ну, быстрее, мать твою!...

Таксист словно очнулся. Не знаю, что послужило толчком к принятию решения – или мой грозный вид или щедрые посулы – но он преобразился. Сжавшись в комок, водитель резко переложил руль вправо, и мы покатали по пешеходной дорожке, распугивая, к нашей удаче, немногочисленных прохожих.

Я глядел на «ауди», не отрываясь. Завидев наш маневр, ее водитель попытался воткнуться между двух машин в крайнем правом ряду, чтобы последовать нашему примеру, но у нас, как говорится, не у них.

Поняв его замысел, водитель задней машины поторопился перекрыть дорогу «ауди», а чтобы у коллеги не возникло сомнений в его намерениях, он высунул в окно руку с оттопыренным безымянным пальцем.

Впрочем, на общепонятном, я бы даже сказал, общечеловеческом жаргоне этот палец не такой уж и безымянный...

Спустя несколько минут мы въехали в старую часть города и начали петлять по узким переулкам. В одном из них я сказал водителю:

– Тормози, приехали. Держи свои денежки. И мой тебе совет: поезжай домой и сегодня отдохни. Чтобы не нарваться на неприятности. Понял?

– А то... – Ощувив в своих руках шелест американской «зелени» таксист сразу повеселел и расслабился. – Два дня

буду отдыхать. А может, и три. Нужно в ходовой поковыряться, тормозные колодки заменить... Давно собирался.

– Все, бывай, дружище. Спасибо тебе. Ты здорово меня выручил.

Таксист смущенно улыбнулся и пожал плечами – мол, о чем базар; так должен поступать каждый порядочный человек.

Если бы... На самом деле он всего лишь сильно испугался. И даже не мнимых бандитов, сидевших в «ауди», а меня.

В опасной ситуации моя, в общем-то, симпатичная и добродушная физиономия, превращается в злобную маску убийцы, который может оторвать голову противника, не задумываясь...

Подождав, пока «волжанка» исчезнет за поворотом, я почти бегом проскочил проходной двор, поймал на параллельной улице такси и поехал в обратную сторону, то есть, назад. Перспектива шпарить до нашего офиса по объездной мне не улыбалась. И так придется выслушивать стенания Маркузика, когда я предъявлю ему к оплате счет на двести баксов.

Сегодня наш офис охраняли двое парней – Саша и Влад. Они встретили меня вежливыми улыбками, а я по-американски козырнул им, приложил руку к пустой башке.

– Будьте внимательны, – бросил я на ходу. – Готовность номер один.

Парни сразу посуровели и подтянулись. В их глазах появился холодный блеск, а Влад тут же включил дополнитель-

ные видеокамеры кругового обзора. Теперь на мониторах просматривались не только парадное нашего здания и двери офиса, но и подходы к дому.

Я с удовлетворением осклабился. Хорошие мужики, надежные. Сам отбирал. Прошли почти все кавказские войны, большей частью сражаясь в горах. Армейский спецназ. Почти мои коллеги.

Вообще-то, я даже не отобрал их, а подобрал. Выйдя на гражданку, парни очень быстро остались без гроша в кармане и без надежды получить нормальную работу. Ведь у них была только одна специальность – воевать. Собственно, как и у меня.

Когда я встретил их, они уже докатились до ручки – начали собирать стеклотару и картонные упаковки от бытовой техники, чтобы сдавать в пункты приема вторсырья. Тем и кормились.

А пойти в какую-нибудь банду не позволяли совесть и патриотизм.

У основной массы военных эти два понятия часто подменяют собой здравый смысл. Я и сам такой.

Правда, меня уже немного подпортила вольная жизнь и занятие охранно-сыскным бизнесом, который не всегда идет в одной колее с законом...

Фиалка встретила меня как родного.

– Где вы все пропали, черти полосатые!? – Она радостно подскочила ко мне и звонко чмокнула в щеку. – Привет... Я

уже не знала, что и думать. У вас даже мобилки отключены. Что стряслось?

– Ты чего разоряешься? – спросил я немного растерянно, вытирая носовым платком помаду со щеки – след поцелуя.

– Чего, чего... Работы невпроворот. Вот, – она потрясла кипой каких-то бумажек, – заявки на металлические двери и сигнализацию. Каждый день по полсотни звонков, не меньше. Нужно расширять нашу мастерскую. Рабочие не успевают. Иначе заказчики уйдут к другим.

– Обращение не по адресу. Придет Марк, вот ты ему все это и доложишь. У меня другая специализация.

– Ага, другая... – Фиалка саркастически ухмыльнулась, села на свой стул-вертушку и демонстративно одернула юбку, дабы закрыть круглый аппетитные коленки с симпатичными ямочками, что ей не удалось. – Очень даже приятная...

– Что за намеки!?! – изобразил я возмущение. – И вообще, как ты разговариваешь с начальством?

– Ой-ой... Я уже сильно испугалась. Прямо вся дрожу. Кофе будешь?

– Теперь я, наконец, понял, почему тебя замуж никто не приглашает... за исключением меня.

– Что-о-о!?! – Фиалка уперла руки в боки. – Меня замуж не приглашают? Да от вас, кобелей, отбоя нету! Не успеваю отмахиваться.

– Вот именно – от кобелей. А хорошим парням ты не по масти. Не-ет, не по масти...

Я изобразил на своей физиономии сочувствие и скорбно покривился.

– Почему это не по масти? – с вызовом спросила девушка.

– Ну, во-первых, потому что не блондинка, а значит, не дура. Мужики умных не любят, это общеизвестно. А у тебя ум иногда хлещет через край.

– А во-вторых?

– Ты просто холодна. К тебе не подступишься. И не способна на глубокое чувство. Ты ищешь не мужа, а толстый кошелек. Вот потому я в твоих глазах совсем не котируюсь.

Фиалка вспыхнула и хотела ответить мне со всем нерас-
траченным пылом женщины, которая лишена возможности
вслась поболтать со своими подружками в рабочее время,
но тут в приемную вошел Плат, и она прикусила язык.

Он был единственным из нашей троицы, кого Фиалка вос-
принимала как начальника. И даже где-то побаивалась.

Плат всегда был с ней суров, немногословен и никогда не позволял себе вольностей.

Достаточно хорошо зная своего друга, я мог бы побиться
об заклад, что он равнодушен к Фиалке. И только недав-
няя душевная травма, закончившаяся разводом с Марьей, не
позволяла ему приударить за нашей секретаршей.

Что касается самой Фиалки, то я бы не поручился, что она
будет сильно этому противиться.

– Ты уже здесь... – сказал Серега без особого энтузиазма
и кивнул Фиалке – поздоровался. – Марк не появлялся?

Вопрос был адресован непонятно кому. Ответила Фиалка:

– Нет.

– И не звонил?

– Не звонил.

– А пора бы... – Серега посмотрел на большие электронные часы, висевшие в приемной. – Седьмой час... Почти половина. Где он шляется!?

– Вопрос, конечно, чисто риторический, – сказал я, ухмыляясь. – Но ответ на него лежит на поверхности. Вернее лежал. На поверхности стола в нашем старом офисе. Перед тем, как мы расстались.

– Что ты хочешь этим сказать? – Плат нахмурился.

И сразу же начал усиленно припоминать.

Я не спешил с ответом на его вопрос, насмешливо поглядывая исподлобья на Серегу. Пусть наш главный сыщик поупражняется в дедукции. А то оба моих друга вечно на меня бочку катят, упрекая в неспособности подмечать с виду незначительные детали.

На кой они мне? Моя главная функция в агентстве – обеспечивать силовую фазу расследований. Пусть мозги себе сушит тот, кто считает себя шибко умным.

А в нашей конторе два таких умника... не считая Фиалка. Как на меня, так это совсем уже перебор.

– Кончай придуриваться! – разозлился Плат, не дождав-шись ответа. – У меня твои шуточки во где сидят. – Он показал на свой кадык.

– Я не придуриваюсь. Я жду Марка, чтобы продемонстрировать всем вам свои потрясающие способности к логическому мышлению. А, вот и он!

Плат и Фиалка одновременно обернулись и уставились на входную дверь, которая отворилась и явила нам немного смущенный лик Маркузика, на котором приклеилась заискивающая улыбка.

В этот момент он сильно напоминал бравого солдата Швейка, который явился на доклад к поручику Лукашу после своей очередной «эпопеи».

Глава 13

Плат атаковал Марка сразу. Серега терпеть не мог необязательности.

– Почему опоздал!? – налетел он коршуном на Маркузика.

– Работы было много... – заюлил Марк. – Пришлось поехать...

– Куда, зачем? Ты должен был сидеть здесь, в этом офисе, в своем компьютерном отделении, и «колоть» базу данных ГИБДД! Сделал?

– М-м... – замялся Марк. – Пока не получается. Мне пришлось обратиться к знакомым ребятам, чтобы получить нужную программу. Думаю, что к утру справлюсь.

– Ну, если так...

И в этот момент я вызывающе заржал.

– Чему ты радуешься? – сухо спросил Плат.

– Тому, как ловко этот деревенский фраер навешал тебе лапши на уши.

– Не понял...

– Хе-хе... Ни к каким знакомым ребятам он не ездил. У него была интимная встреча с одной телкой...

Маркузик не дал мне договорить:

– Нет, ну что он несет!? – Он сыграл возмущение так натурально, что я едва не поверил ему. – Что за инсинуации!?

– Какое умное слово... – Я снова осклабился. – Люблю

интеллектуалов. Докладываю: он встречался с дамочкой по имени Карина, встреча была назначена на три часа в 210 номере гостинице «Олимп». Увы, наш Казанова не рассчитал ее аппетита. Если судить по месту и времени встречи, мадам замужем, а потому она, во-первых, любит новизну, а во-вторых, сильно изголодалась по любовным играм. По этой причине Марк и опоздал. Его слегка попридержали. В отличие от мужиков, женщины любят после скачек понежиться в постели.

Марк онемел. Он лишь открывал и закрывал рот, как выброшенная на берег рыбина. Я сразил его наповал.

Фиалка, чтобы не расхохотаться вслух, закрыла свой прелестный ротик ладонью, пригнулась к столу и конвульсивно содрогалась в пароксизме смеха. Похоже, она была в восхищении от разыгравшегося в приемной спектакля.

– Это правда? – гневно спросил Плат.

Маркузик наконец справился со столбняком и пошел в контратаку:

– Я что, не имею права на личную жизнь!?

– Имеешь, имеешь, – «успокоил» я свою жертву. – Только не в данный момент. Мы сейчас на подвесе и нам дорога каждая минута. На кону стоят наши жизни. А ты занимаешь ублажением плоти, вместо того, чтобы хоть чем-то помочь и нам, и себе... бабник хренов.

– Сукин кот... – пробурчал Серега.

Он уже простил Марка. Будь на его месте я, головомойка

продолжалась бы добрых полчаса.

У друзей я был козлом отпущения. И все благодаря моему не скандальному характеру.

Я старался сглаживать острые углы, иногда возникающие в наших отношениях. В жизни и так много ситуаций, которые требуют большого нервного напряжения. Особенно когда имеешь склонность хаживать по вечерам в разные сомнительные места типа бара «Шаловливые ручки», где обычно собираются представители не лучшей части городского бомонда.

– Никогда бы не подумал, что мои друзья будут за мной следить... – Марк надулся как мышь на крупу.

– Размечтался... – Я уничижительно фыркнул. – Делать мне больше нечего... Это всего лишь демонстрация моих продуктивных способностей. А то некоторые штатские совсем меня затюкали.

Я бросил быстрый взгляд на Плата. Он смущенно прокашлялся, немного помялся, но в конечном итоге спросил:

– А все-таки, как ты узнал?

– Интересно?

– Ну...

Я весело подмигнул совсем увядшему Марку и ответил:

– Все очень просто... для настоящего профессионала. Когда мы в обед обсуждали план дальнейших действий, этот фраер что-то рисовал на листке бумажки. Машинально. Я всего лишь посмотрел на то, что он там нацарапал.

– И что же? – спросил Плат.

– Он несколько раз написал имя Карина, цифры 15 и 210, а также нарисовал арку с четырьмя столбами – вход в гостиницу «Олимп». Художник, конечно, из Марка аховый, но в «Олимпе» мне приходилось бывать не раз. В тамошнем ресторане неплохо кормят. И недорого. Так что арку я хорошо запомнил. Остальное несложно было домыслить.

– Считай, что ты поразил нас своими выдающимися способностями, – довольно сухо сказал Плат. – Пойдемте в кабинет. Время... Даша, – обратился он к Фиалке, – нас нет. Кто бы ни звонил.

– Есть, шеф! – бодро ответила Фиалка.

Посмотрев вслед Марку, который имел несчастный вид, она не сдержалась и прыснула в кулачок.

– Радуетесь, что подтверждается ваша теория? – спросил я тихо, доверительно склонившись к ее розовому ушку.

– Какая теория?

– Что все мужчины – кобели.

– А что, разве не так?

– Так. Но не совсем. Вот я, например, однолюб. Я верен только тебе.

– Иди ты!... – Фиалка замахнулась на меня линейкой. – Балаболка.

– А меня зовут Стас. Вот мы и познакомились.

Я весело подмигнул смеющейся Фиалке и закрыл за собой дверь кабинета, в котором обычно восседал Плат, начальник

нашей шарашки.

Нужно сказать, как-то так вышло, что для меня в офисе не нашлось помещения. У Маркузика была лаборатория, состоящая из трех комнат, где, кроме него, трудились два инженера-конструктора и один опытный электронщик.

Кроме того, было еще несколько кабинетов, но в них обретались бухгалтер и наши подчиненные, которых мы звучно именовали детективами.

В основном они занимались наружным наблюдением и другими проблемами частного сыска, но иногда принимали участие и в силовых акциях. Все парни когда-то служили в милиции или спецчастях, так что дело свое знали туго.

Еще у нас был пульт оперативного дежурного по агентству, под завязку напичканный электронной аппаратурой (он размещался в каптерке у входа), склад, где хранилась всякая всячина и стоял тяжеленный стальной сейф, в котором находилось оружие и патроны, а также спортзал с тренажерами. Сотрудники нашего агентства обязаны были согласно контракту поддерживать отменную физическую форму.

Они тренировались почти каждый день. Наблюдать за ними входило в круг моих обязанностей. (Если честно, я к этим обязанностям относился спустя рукава).

Что касается нашего производства, то оно находилось недалеко от центра. Там мы арендовали небольшой цех дышащего на ладан завода, прикармливая взятками директора, из молодых да ранних, который совершенно не разбирался

в технике, но очень ловко прикарманивал не только левую прибыль, но и зарплату рабочих, месяцами прокручивая ее через банк, где работал такой же, как он, беспринципный управляющий, его кореш.

В общем, я и в нашем О.С.А., как и в жизни, был бесхозным. Поэтому отвоевал себе право находиться в кабинете Плата, который считал и своим.

Сергея однажды попытался выставить меня за дверь во время важных переговоров с одним из наших богатых клиентов – на тот момент он возомнил себя большим начальником.

Я не стал спорить, спокойно развернулся и ушел с работы.

Меня искали неделю. Которую я скоротал в городе Сочи, где такие прекрасные южные ночи. Нужно сказать, скоротал с большой пользой не только для своего здоровья, но и здоровья одной дамочки, упакованной по самое некуда.

Она была обвешана золотом и бриллиантами как елка игрушками. Но на шхуне ее личной жизни порвало парус, и дамочка буквально загнивала в стоячей воде.

Пришлось мне с полной отдачей сил зашивать эту прореху и наполнять паруса желаний ветром неистовой плотской любви.

После этой небольшой размолвки Плат даже не заикался на предмет своей исключительности. Я не стал затаскивать в кабинет еще один письменный стол, а устроился на шикарном кожаном диване возле двери. Рядом с диваном находил-

ся журнальный столик и бар, содержимое которого успокаивало мое честолюбие и заставляло философски относиться к жизни.

– Начнем с тебя, – обращаясь ко мне, сказал Плат, когда мы расселись по своим местам. – С этим клиентом, – он бросил уничижающий взгляд на присмирившего Маркузика, – все и так ясно. Марк должен отчитаться завтра. Завтра! Ты понял?

– Понял, – буркнул Марк и подарил мне взгляд из серии «Ну, погоди!».

Я доложил кратко, без обычных красочных отступлений. Был вечер, все устали, поэтому мой дар рассказчика никто бы не оценил.

Зачем заливаться соловьем перед публикой, состоящей сплошь из сухих прагматиков?

И все-таки финал вышел у меня весьма эффектным. Перед тем, как сказать, кого мне довелось увидеть возле бывшего здания проектного института, я сделал многозначительную паузу, а затем оглушил своих друзей, что называется, наповал.

– Не может быть! – воскликнули они хором.

– Может, – ответил я, скромно опуская глаза. – В моем исполнении все возможно, вы это знаете. Я просто в очередной раз продемонстрировал свой высокий класс. Я нашел нашу американскую Золушку. Даже без примерки хрустального башмачка. Учитесь работать, фраера, пока я живой.

– Не верю! – Плат отмахнулся от меня как от привидения. – Ты ошибся.

– Не мог я ошибиться! Ты знаешь, что у меня фотографическая память. Это точно она. У меня ее снимок, что дал нам Рыжий, все время перед глазами маячит. К тому же, у этой Дженнифер очень запоминающаяся мордашка. Клеевая девка.

– Ничего не понимаю... – Серега был сильно обескуражен.

– А что тут понимать? – вступил в разговор и повеселевший Марк. – Нужно спеленать девку, передать заказчику и получить остальные бабки. А там хоть трава не расти. Пусть Рыжий сам с ней разбирается.

Маркузик уже мысленно потирал руки от удовольствия. Как же, скоро ему предстояла весьма приятная миссия – делить денежки заказчика на три равных части. И самое главное – они не облагались налогом, потому что Марк с общего согласия не спешил проводить их по бухгалтерской документации.

Увы, в этом вопросе мы не были патриотами своей отчизны. Тлетворное влияние нарождающегося капитализма, который все еще находился в дикой стадии, коснулось и наших неокрепших душ...

Я было вознамерился сказать ему, что деньги нужно считать, когда они уже в кармане, но сдержался и молвил совсем другое:

– Хотел бы я видеть того человека, который отважится повязать эту девку.

– А ты у нас для чего!?! – возмутился Марк.

– Чтобы думать. Кому-то же надо. Потому что вы, большие умники и философы, пустили мыслительный процесс на самотек.

– На что ты намекаешь? – строго спроси Плат.

– Вы как-то упустили из виду, что она ездит в очень дорогом представительском «мерсе» и с охраной. И, как на мой взгляд, ее телохранители – битые парни. Это не просто «быки», а профи. Уверен. Или я ничего не соображаю в таких делах.

– Что ж, если это так, то тогда нам всего лишь нужно вычислить, когда американская невеста еще раз посетит это заведение, привезти Рыжего к зданию бывшего проектного института, и столкнуть их лбами у входа. По-моему, элегантное решение. – Маркузик довольно ухмыльнулся. – И волки будут сыты, и овцы целы.

– Неплохая идея... – сказал Плат, но по лицу Сереги было видно, что сейчас его мысли бродят где-то далеко; видимо, там же, где и мои.

– Идея фикс, – сказал я скептически. – Глупости! Совершенно дилетантский подход.

– Почему!?! – взвился Маркузик.

– Потому что нам неизвестно, во-первых, когда она снова посетит эту хитрую контору без вывески. Не будут же сидеть

там наши ребята до бесконечности? А во-вторых, мы понятия не имеем, какая разыгрывается комбинация.

– Зачем нам чужие проблемы? – спросил Марк. – Мы всего лишь выполняем заказ. В этом нет ничего криминального. Сделал дело – получил денежки. Вот и вся наша комбинация.

– Твоими бы устами да мед пить, – сказал я снисходительно. – Похоже, ты забыл, что мы нечаянно оказались в самом эпицентре какой-то разборки. И что так просто нам уже не спрыгнуть.

– Брось... Мы пешки. Если наша компашка тихо уйдет с шахматной доски, никто этого и не заметит.

– Как бы не так. Мы многое видели, и много знаем. Мало того, наши противники подозревают, что нам известно еще больше. Потому они просто обязаны позаботиться о том, чтобы укоротить нам языки. А как они это делают, мы уже имеем представление.

– Что ты предлагаешь? – спросил Плат, жестом остановив Маркузика, готового продолжить диспут.

– Я хотел бы послушать сначала тебя. Ты же у нас главная голова.

– Хорошо, я скажу... В общем, ты где-то прав. Нельзя кидаться в омут, не позаботившись о страховке. Мы пока ничего не знаем о нашем противнике. Это большой минус.

– Даже не какой-то хлипкий минус, а толстый дрын, – буркнул я, согласно кивнув головой. – Которым вот-вот да-

дут нам по башке. Удача ведь не каждый день сидит у нас в кармане.

– Поэтому, прежде всего, нужно узнать, что за контора заняла здание проектного института. И второе – край необходимо уточнить, не ошибся ли ты, Сильвер, во время опознания нашей американской крали. Такие вещи случаются, говорю вам на основании своего опыта работы в угрозыске.

– Логично, – сказал я, закуривая. – Спорить не буду. Надо, так надо. Но и это еще не все.

– Не все, – согласился Плат. – В идеале необходимо узнать, откуда ветер дует. Но так, чтобы не подставиться.

– Блажен, кто верует... – Я саркастически ухмыльнулся. – Не разбив яйцо, яичницу не приготовить.

– О чем ты? – озадаченно спросил Серега.

– Мне уже надоело изображать зайца. Пора нам показать свои зубы нашим противникам.

– Ты с ума сошел! – воскликнул Плат. – Нас сомнут как жестяную банку из-под пива.

– Его хлебом не корми, а дай кулаками помахать, – осуждающе заметил Маркузик.

– Мы к этому все равно придем.

– Если только ты не полезешь на рожон, – сказал Плат, – то никаких проблем не будет.

– Наивные... – Я обречено вздохнул; как часто мы выдаем желаемое за действительное. – Беда уже пришла в наш дом, а вы все витеаете в эмпиреях. Нас в покое не оставят. Уверен,

что в конечном итоге нас вычислят. Тем более, когда мы пустим по следу Дженнифер еще и нашу наружку. Повторяю – против нас работают профессионалы. И они сейчас очень обозлены из-за двух проколов. Поэтому будут землю копытами рыть, а попытаются нас достать. Так не лучше ли упредить удар?

– Как? – спросил Плат.

– Очень просто. Пока мы для них темные лошадки, и они еще не знают нас в лицо (может быть, за исключением меня – я «засветился» возле их конторы; там везде стоят камеры слежения, поэтому не исключено, что мое фото уже лежит на столе их начальника службы безопасности). Поэтому мы имеем небольшую фору. Нам нужно взять «языка».

– Ты в своем уме! – воскликнул Серега. – Не забывай, что мы не в горах Чечни. Да и там война уже подходит к концу. Ты что, пытать его будешь?

– Слегка поспрашиваю...

– А потом?

– Потом... как получится, – ответил я, отводя взгляд в сторону.

Неженки хреновы! Значит, тем уродам можно шмалять по нам из автоматов, а мы в ответ – ни-ни? Это они начали против нас военные действия, а не мы. И моя совесть будет чиста, если я пришью кого-нибудь из этих козлов.

Придумал же такое Серега – война заканчивается... Как бы не так. Каждый день кого-то мочат – то в Ингушетии,

то в Москве, а недавно даже в Кондопоге, которая вообще находится у черта на куличках и там живет тихий, мирный и беззлобный народ. И это называется мирное время!?

Тогда лучше сидеть в окопе. По крайней мере, тогда точно знаешь, откуда ждать атаки.

– Нет уж, братец, – решительно сказал Серега, – нам в такие игры никак нельзя играть.

– Год назад ты думал иначе, – пробурчал я негодуя. – И мы оказались в выигрыше. А все почему? Потому что ситуация заставила. И сейчас, мне кажется, она у нас не лучше, чем была тогда.

– Все равно вступать в конфликт, тем более такого рода, я не разрешаю! – завелся Плат. – Вы сами меня выбрали начальником, поэтому извольте подчиняться. Иначе у нас получится полный раздрай.

Я сдался. А что делать, если мои друзья такие болваны?

– У нас масло есть? – спросил я невинным голосом.

– Зачем оно тебе? – тупо уставившись на меня, спросил сбитый с толку Серега.

Он ожидал, что я, по своему обыкновению, начну спорить, доказывать, горячиться. А тут какое-то масло...

– Пятки смазать. Чтобы я мог бегать быстрее. Раз уж ты запрещаешь близкий контакт с нашими противниками, то мне ничего другого не остается, как бояться собственной тени и шарахаться в кусты даже при малейшем подозрении на опасность.

– Не утрируй. Действовать нужно по обстановке.

– Вот и я об этом.

– Ну да, как же... Ты сначала создаешь себе ситуация, из которой только один выход – пробиться с боем; а потом ее реализуешь.

– Он садомазохист, – поддержал Плата ехида Маркузик. – Это ему понятно. Для него походя начистить кому-нибудь хлебальник, как для меня выпить стакан кефира на ночь.

– Зато вы оба пушистые, – проворчал я миролюбиво. – У одного сдвиг по фазе касательно сексуальных вопросов, а другой хочет в монахи записаться и уйти в монастырь, чтобы даже духу женского не было поблизости. Человек соткан из достоинств и недостатков; я не исключение. Терпеть не могу несправедливости. Увы, дуэли теперь невозможны. Вот и приходится восстанавливать статус кво доступным мне способом.

– Отмазался... – Марк скривился, словно съел веточку полыни. – Краснобай... И откуда у этой дубины ораторский дар?

– От Бога, отрок, от него. Это мне компенсация за мою малограмотность. Мы ведь академий не кончали.

– Все, эту тему закрыли, – решительно сказал Плат. – Нам нужен план действий на завтра. И на ближайшую перспективу.

– Пардон, ты кое-что забыл.

– Что именно? – удивился Плат и посмотрел на меня с

подозрением.

– Нам, – сказал я с нажимом, – хотелось бы знать, где ты целый день рысачил на машине Марка и что в итоге выездил.

– А... Ничего особенного.

Видно было, что Плат уклоняется от прямого ответа.

– Ты не темни, – сказал я резко. – Из-за того, что у меня не было колес, я едва не сел на кукан. Между прочим, – я повернулся к Марку, – его каприз обошелся нашей конторе в двести пятьдесят баксов.

– Что-о-о!?! – У Маркузика глаза полезли на лоб.

– Только давай без твоих обычных выступлений. Эти деньги я заплатил таксисту, который увез меня от греха подальше. Задешево подставляться под пули он не захотел.

Я, конечно, немного приврал насчет суммы, которая полагалась таксисту, но кто-то же должен был компенсировать мне расходы на те полведра кофе, что я выпил, наблюдая за бывшим проектным институтом? Той бурдой, что подавали в уличном кафе, я, наверное, испортил себе желудок.

– Опять... – Марк готов был сожрать меня глазами. – Когда это кончится!?

– Мне моя шкура гораздо дороже каких-то презренных зеленых бумажек, пусть и с нарисованными на них американскими президентами. Между прочим, на мои похороны вы потратили бы гораздо больше.

– Зато это были бы наши последние бесполезные траты!

– Марк! – рявкнул Плат. – Уймись. Ты уже перешел все

границы.

– Я его прощаю, – сказал я с благочестивым выражением праведника. – В том, что он такой злобный тип, не его вина, а беда. Все сексуальные маньяки страдают сдвигом по фазе.

Марк открыл было рот, чтобы выдать очередную гневную тираду, но, наткнувшись на жесткий взгляд Плата, закрыл его, при этом щелкнув зубами. Он знал, что наш друг, обычно спокойный и уравновешенный, иногда может так оторваться, что мало не покажется.

Я с удовлетворением кивнул и снова надел на Плата:

– Мне хочется услышать, чем ты сегодня занимался.

Сергея сумрачно взглянул на меня, затем коротко вздохнул и ответил:

– Хорошо, скажу. Только смотрите, нигде не проболтайтесь!

– Я что, похож на болтуна? – спросил я с гонором.

– Похож, – отрезал Серега. – Особенно по пьяни.

– Ну спасибо...

– Не изображай из себя обиженного. Марк тоже не принадлежит к тем, кто умеет держать язык за зубами. Так что вы, выражаясь по-грузински, два сапога на один нога.

– Когда я болтал!? – негодуя взвился Маркузик. – Что за наветы!?

– Нам сейчас недосуг заниматься воспоминаниями, – охладил его порыв Серега.

– Верно, – поддержал я Плата – только для того, чтобы

еще больше уязвить Маркузика. – Учись воспринимать дружескую критику спокойно. Что правда, то правда – язык у тебя, как помело. Не короче, чем у меня, хотя ты и утверждаешь обратное.

– Нет, но что мне с вами делать!?! – трагическим голосом воскликнул Плат. – Как дети малые. Никакой серьезности.

– Все, все, умолкаю... – Я поднял руки вверх.

– Так оно лучше... – Серега понизил голос. – Сегодня я встречался со своим добрым приятелем оттуда... – Он поднял глаза на потолок.

– «Контора»?... – догадался я.

Так почтительно Плат отзывался только об одной государственной структуре. Теперь она называлась ФСБ.

– Да. Я попросил, чтобы он провентилировал по своим каналам (в частном порядке) родителей Дженнифер. Что-то они мне не нравятся...

– Не нравятся – не ешь, – осклабился я, вспомнив анекдот с бородой. – Решение верное. Я давно об этом думал. Но, боюсь, в частном порядке не получится.

– Почему?

– А под каким соусом ты все это преподнес своему корешу?

– Просто сказал, что лично мне это очень нужно. В свое время я немало его выручал. Он здорово мне обязан.

– Наивный... – Я покачал головой. – Разве тебе неизвестно, что у сотрудников «конторы» существуют не друзья, а

«контакты»?

– Допустим. Ну и что?

– А то, что о вашем разговоре он просто обязан доложить своему начальству. В противном случае, если откроется его внеслужебный интерес к неким американским гражданам, тем более, такого высокого ранга, у твоего приятеля могут вохникнуть большие неприятности. Это раньше, в эпоху всеобщего раздолбайства, чекистов приспособливали вместо «крыши» разные бизнесструктуры. И «конторским» все сходило с рук. Сейчас маятник качнулся в другую сторону. Снимут с твоего кореша погоны и дадут ему под зад мешалкой.

– Не преувеличивай. Все не так страшно, как ты рассказываешь.

– Вполне вероятно, что ты прав. Кто спорит? Мы же теперь с американцами стали большими друзьями... Кстати, Дженнифер – это как раз головная боль наших чекистов. Они просто обязаны были взять ее на карандаш. И ежели случится какая-нибудь бяка, нам только спасибо скажут – что мы подняли этот вопрос. Поэтому, не будем дрейфить. Надеюсь, с «конторой» все образуется. Вообще-то, ты сделал классный ход. Поздравляю.

Сергея смущенно улыбнулся, но тут же снова принял озабоченный вид и сказал:

– А теперь давайте немного покумекаем, куда и как нам двигаться дальше...

Глава 14

Мы занимались планированием до десяти вечера, а потом разошлись, довольные своими успехами в составлении сногшибательных прожектов. Нужно сказать, что я тоже был в состоянии эйфории. Поэтому и заглянул в бар «Рука удачи», сиречь «Шаловливые ручки».

Надо же было мне как-то отметить мой маленький праздник – я все-таки выцыганил у Марка свои кровные двести баксов плюс пятьдесят сверху, которые со спокойной совестью посчитал премиальными.

Бармен Жорж, то есть, Гриша Волобуев, встретил меня улыбкой до ушей.

– Чему радуешься, фраер деревенский? – спросил я, пожимая ему руку.

– Давно не виделись...

– Неужели, – тут я окинул взором весь зал, – здесь кто-то стосковался по моим кулакам?

– Эй-эй, только не это! – испуганно воскликнул Жорж. – Кстати, ты должен заведению сотку «зеленью» за последний шухер. Разломанный стул – раз, – начал он загибать пальцы, – посуда – два...

– Так бы ты сразу и сказал, – довольно невежливо перебил я бармена, – что рад не мне, а моему кошельку. Но с чего ты взял, что должен платить я, а не те два хмыря, которые

затеяли ссору? Я никогда первым не лезу на рожон, ты это знаешь.

– М-м... как тебе сказать...

– А ты скажи прямо: эти двое, когда пришли до памяти, потихоньку улизнули, не заплатив ни за выпивку, ни за разгром. Я прав?

– Ну, где-то так... Но мне-то что делать!? Хозяин взял за глотку и говорит – плати со своего кармана. Где у меня такие деньги? Тут почти каждый день что-то ломают и бьют. Охрана всегда в стороне, а я должен отдуваться за всех.

– Жорж, не прикидывайся бедной сироткой. Или тебе не хватает на кирпичи? Так по-моему ты дачку уже отгрохал. И забор поставил.

– К-к... Какую дачку!?

– Жорж, не наводи тень на плетень. Ты знаешь, где я работаю и кем. Это теперь моя специальность – тайное делать явным. Кроме того, что ты купил четырехкомнатную квартиру в центре, так у тебя еще остались деньги и на двухэтажный коттедж в Дачах. За машину я уже и не вспоминаю. По-моему, у тебя новая «тойота». Однако, ты очень бережливый человек, Жорик... У меня так не получается.

Лицо бармена от волнения пошло пятнами.

– Тихо! – прошипел он сквозь зубы, опасливо покосившись на официантку, которая, усевшись неподалеку на высокий круглый стульчак, что-то сосредоточенно подсчитывала на миниатюрном калькуляторе. – Ты мне друг?

– О чем базар...

– Тогда давай этот вопрос замнем для ясности. Зачем кричать на весь бар? Люди у нас завистливые...

– И то верно. Я не против. Замнем, так замнем. В том числе и ту сотку «зеленью», которую ты хочешь повесить на меня.

– Забудь! – замахал руками бармен. – Это я по глупости. Ты возле стойки сядешь или?...

– Или.

– Момент... – Жорж подозвал одного из официантов, и тот быстро освободил мой любимый столик в углу.

Я сделал заказ, сел за стол, и с удовольствием вытянул свои длинные ноги, которые от беготни начали гудеть.

Народ постепенно прибывал. В баре «Шаловливые ручки» полный комплект обычно случался только по праздникам или когда выступала стриптизерша Алия. Она была чистокровной русачкой, но шарила под восточную красавицу.

Надо было видеть, что она вытворяла перед обалдевшими мужиками. Ее гибкое тело, казалось, не имело костей. Но главное, чем Алия выигрывала по сравнению с другими девушками, – это потрясающая сексуальность.

Она била из нее ключом.

Алия избегала откровенно вызывающих поз и телодвижений, чем так грешит основная масса красоток, зарабатывающих на жизнь слегка завуалированным развратом в общественных местах.

Мало того, Алия, в отличие от товарок, была еще и одета; если, конечно, можно было назвать одеждой прозрачные шаровары и полупрозрачный лифчик. Но ее в меру мускулистый животик вытворял такое... такое... – нет, даже моего таланта записного болтуна не хватает, чтобы живописать это потрясающее зрелище.

Мужики просто шалели и осыпали ее деньгами. А что творилось в кабинетах, отделенных от общего зала тяжелыми бархатными портьерами!

Собственно говоря, именно из-за них бар «Рука удачи» и переименовали в «Шаловливые ручки».

В кабинетах (вернее, кабинетиках; их размеры были весьма скромны) собирались не только джентльмены, но и леди, исповедующие несколько нестандартное удовлетворение своих сексуальных желаний. Они подглядывали за действием возле хромированного столба, и наслаждались по полной программе.

Помешать им не имел права никто. Даже официантов они вызывали по звонку.

А если кто-то из посетителей бара все-таки нарушал их уединение (что обычно случалось на хорошем подпитии и чрезвычайно редко), то он улетал из «Шаловливых ручек», как птичка (в буквальном смысле этого слова), – охранники выбрасывали его на мостовую. При этом не помогали никакие извинения и уговоры.

Место в отдельном кабинете стоило денег, но народ, вку-

шающий там кулинарные и иные изыски бара, был далеко небедный...

– Алия сегодня будет? – спросил я халдея.

– Только для вас, – ухмыльнулся официант.

Мы были знакомы, но не накоротке. Его звали Германом, и он когда-то служил в пехоте, в должности командира роты.

Из армии Геру ушли. Ему еще и повезло, что его не посадили. Однажды он отметелил совсем распоясавшегося «деда», который измывался над новобранцами, и немного не рассчитал свою силу.

Сержант до самого дембеля провалялся в госпитале, а Герману предложили как можно скорее сваливать на гражданку. Наверное, он был неплохим офицером, так как батя, комполка, отнесся к нему очень снисходительно.

Герман долго слонялся без дела, пробовал себя в бизнесе, но свободный полет у него не получился, а затем отставного капитана присмотрел Жорж, который был правой рукой владельца бара, и даже, как поговаривали, его компаньоном. И нужно сказать, Жорж не прогадал.

Гера не только исполнял обязанности официанта, но и, когда нужно, весьма эффективно помогал охране. Он был крепким парнем.

– Как дела? – спросил я.

– Нормально. Хату купил...

– Дом?

– Нет, квартиру. Здесь, неподалеку...

– С чем тебя и поздравляю.

Мы приязненно улыбнулись друг другу – Гера знал, что я тоже бывший военный – и он побежал выполнять другие заказы. А я, устроившись поудобней, начал лечить нервную систему крепкими коктейлями, на которые Жорж (нужно отдать ему должное) был непревзойденный мастер.

Я люблю ресторанный шум. В нем легче думается. За свою воинскую службу я так наелся тишины, что первое время после демобилизации едва не затыкал уши, когда выходил на оживленные городские улицы.

В горах, где я и кантовался большей частью, нужно было скользить бесплотной тенью; мы даже не говорили шепотом, а изъяснялись жестами. Иногда приходилось часами лежать в засаде, изображая из себя кочку, а она, как известно, безгласная и совершенно неподвижная.

Тот, кто думает, что это очень легко – не вагоны же с цементом разгружать – пусть сам попробует посидеть в полной неподвижности хотя бы час или попытается несколько суток не разговаривать.

Пока я разминался первым коктейлем, бар постепенно заполняли праздные личности, в основном зеленая молодежь. Среди них я чувствовал себя старцем, едва не библейским Мафусаилом, поэтому посматривал на всех свысока – как и положено патриарху. А также завсегдатаю бара, имеющему определенные преференции.

Но заходили в «Шаловливые ручки» и люди постарше;

они и заполняли кабинеты. Нужно сказать, что в кабинетах отдыхали не только клиенты, падкие на «клубничку».

Нередко в них устраивались переговоры, благо в баре почти всегда стоял шум, и подслушать что-либо было проблематично, в особенности, если в примыкающие кабинеты посадить охрану. Переговорщиками могли быть как бизнесмены, так и бандиты.

Правда, в последнее время они легли на дно и высовываются лишь изредка. Наш президент мужик конкретный; сказал, что будет мочить бандитов даже в сортире, и выполняет свое обещание. (Что не очень характерно для политиков, в большей своей массе записных лжецов и словоблудов).

К сожалению, за годы построения развитого капитализма в стране так много расплодилось бандитов и разной другой шушеры, в том числе и солдат «пятой» колонны, прикормленных Западом и страстно ненавидящих свою родину, что у властей, по-моему, не хватает на них патронов.

Заняли бы у Америки, что ли... под наши газовые и нефтяные месторождения.

Наконец появилась и Алия. Я посмотрел на часы – точно, ровно одиннадцать. Она очень грамотно выбирала время для своего эротического танца. Обычно к одиннадцати посетители бара уже были на хорошем подпитии, но не в ауте, когда человек не вяжет лыка и не соображает, что творит.

Поэтому ее смотрели как великолепный аттракцион, гиперсексуальное шоу, за которое не жалко заплатить от сво-

их щедрот. Не все же такие жлобы, как я. Но у меня есть отмазка.

Я считаю, что высокое искусство должно быть бескорыстно. А иначе, почему выдающиеся художники, артисты, писатели обычно заканчивают свою жизнь в нищете. И не только в нашей стране, как это ни странно...

Я так засмотрелся на выступление Алии, что на какое-то время отключился от действительности – да-а, умеет она подать товар лицом... и не только – то есть, перестал по своему обыкновению зорко следить за ситуацией в баре; это у меня в крови, так сказать, метастазы моего боевого прошлого. Поэтому успел заметить лишь симпатичный задок, а затем и профиль девицы, скрывшийся за шторами одного из кабинетов.

Какое-то время я бездумно жевал соленые орешки, заедая сладковатую горчинку коктейля, но потом меня словно кто-то хватил обухом по башке. Гребаный Экибастуз! Неужели?...

Я мгновенно вспотел. Мне захотелось немедленно вскочить, забежать в кабинет, схватить ее в охапку и отнести в такси, дежурившее возле бара, – чтобы одним махом решить главную проблему нашего агентства и получить от Рыжего остальные бабки.

В кабинет вошла Дженнифер!

Я не мог ошибиться, это точно была она. У меня так прочно запечатлелась в мозгах физия американской невесты Кра-

пивина, будто ее там высекли долотом.

Что делать, что делать!?

Несмотря на то, что я уже оприходовал три коктейля, в моей башке было светло и пусто. Я вдруг стал трезвым до неприличия, но путные мысли все равно обходили мою, и так не шибко умную, голову стороной.

Я был растерян, не скрою. Может, вызвать сюда Рыжего? А что, вариант клевый. Не нужно будет устраивать переполох и отбиваться от охранников бара, которые могут подумывать невесть что.

Я уже сунул руку в карман за мобилкой, но тут наконец опомнилось мое второе «я» – рассудительное и мудрое.

Оно скомандовало: «Стоп! Прежде чем что-то предпринять, подумай».

Почему американка пришла одна и сразу спряталась в кабинете, который, судя по всему, был заказан заранее? Она могла ведь просто сесть за один из столиков, благо в самом баре царил полумрак и ее вряд ли кто мог узнать.

И кстати, откуда ей известен адрес «Шаловливых ручек»? Этот бар мало кто знает. И уж тем более о нем вряд ли пишут и говорят в американских средствах массовой информации.

А где ее охрана?

И наконец, что забыла шикарная дама, раскатывающая по городу на «мерседесе», в этой недорогой забегаловке? Такие фифы обычно обретаются в центровых заведениях.

Я остался сидеть на месте, превратившись в один большой

локатор. Лихорадочные мысли, мечущиеся в голове, напоминали электрические разряды.

А может, я ошибся? Нужно проверить! Но как?

Гера! Надо его поспрашивать... только тихонько, без нажима, чтобы он не насторожился и не начал думать бог весть что.

Приняв такое решение, я поймал взгляд Германа, поднял руку вверх и щелкнул пальцами. Ловко лавируя между столиков, он подошел ко мне и спросил, ерничая:

– Чего изволите-с?

– Гера, есть дело.

– Ну?

– В одиннадцатом кабинете сидит классная телка. Кто она и откуда?

– Зацепило за живое?

– Хе-хе... Еще как.

– Сейчас узнаю. Какие проблемы...

– А как ты узнаешь? Подойдешь к ней и спросишь ее имя и адрес? Это нежелательно.

– Ну, во-первых, не как, а за сколько...

Герман откровенно забавлялся. Я рассмеялся и ответил:

– Не волнуйся, твой интерес будет учтен. Однако, ты уже вполне освоился со своей новой гражданской профессией...

– Извините, надо же как-то вертеться.

– Надо. Кто против? Я сам такой. А что во-вторых?

– Во-вторых, у нас уже есть номер ее телефона. Так ска-

зять, для начала. Надеюсь, у вас есть тяги в ментовке, чтобы по телефонному номеру узнать ее имя и адрес, ежели понадобится.

– Найдем... – Я был изумлен – это же надо; похоже, в «Шаловливых ручках» существует отдел внутренней безопасности, который отсеивает нежелательных клиентов еще на подходе к бару. – А как вы все это узнали? Или она сама вам доложила?

– Чего проще... – Гера снисходительно ухмыльнулся. – Техника – великое дело. Шеф поставил телефон с автоматическим определителем номеров. На всякий случай. Вдруг кому-то захочется злобно пошутить. Например, сообщить, что бар заминирован. Сейчас много таких придурков. Шутники клепаные... Кстати, эта дамочка назвала и свою фамилию, но я уверен, что она выдуманная. Так поступают почти все наши клиенты, заказывающие кабинеты.

– Ну и?... – Я даже дыхание затаил от волнения.

– Чего не помню, того не помню. Все данные у Жоржа.

– Тогда чего же ты стоишь!? Вооружайся смекалкой и бери Жоржа на бордаж. А то он у нас хитрая рыба. Начнет искать и свой интерес. Или, может, мне это лучше сделать?

– Э-э, нет... – Герман хитро ухмыльнулся. – Я должен сам заработать свои денежки. Чтобы все было по-честному. Не волнуйтесь, я все сделаю. Ждите.

И он убежал. Я немного расслабился и допил коктейль залпом. Надо было заказать еще один, подумал с сожалени-

ем – жди теперь, пока вернется мой халдей.

Я невольно улыбнулся. Ну и времена пошли... Как после революции семнадцатого года, когда русские офицеры, нередко при больших чинах, работали в Париже таксистами и официантами.

При любых потрясениях прежде всего страдают военные. Они по своей природе являются агнцами, предназначенными к закланию. Несмотря на то, что у них в руках оружие, профессиональные военные самая незащищенная и неприспособленная к жизни прослойка человеческого общества.

А все потому, что у них есть только одна установка – защитить родину или умереть за нее, если потребуется. Ничего другого профессиональные военные обычно делать не умеют.

Это не укор им, а констатация факта. Укорять в чем-либо патриота, готового положить свою жизнь на алтарь отечества, может только последний негодяй и предатель.

Герман долго не задержался. Таинственно улыбаясь, он незаметно подsunул мне под локоть сложенную вчетверо бумажную салфетку.

– Все путем, – сказал он облегченно, переводя дух. – И телефон, и фамилия.

– Гера, я твой должник! Сумму назовешь при расчете.

– Что вы... – Герман неожиданно смутился. – Я пошутил. Ничего мне не нужно. Вы и так меня не обижаете. Это просто дружеская услуга, не более того. Некоторые вещи нельзя

измерить деньгами.

– И то верно. Ну что же, как знаешь, – не стал я спорить. – Спасибо тебе, дружище. Но все равно должок за мной. Скажем так – моральный. Как-нибудь сочтемся. А пока принеси мне, будь добр, еще коктейль... нет, два. И лед отдельно, да побольше – что-то душно стало.

– Кондиционеры вроде работают на полную мощность, – озабоченно сказал Герман. – Проверю...

Он мог бы и не проверять – кондиционеры гнали холод на пределе своих возможностей, и в баре было гораздо прохладней, чем на улице. Душно мне сделалось совсем по другой причине.

Во время разговора с официантом отворилась входная дверь, и в бар вошел приятной наружности мужчина с каким-то от мороженым взглядом. Не останавливаясь и ни на кого не глядя, он направился прямо в кабинет, где уже находилась невеста Рыжего.

Пока этот мужик шел, я сообразил, почему его глаза показались мне ледяными. Он был испуган и, как следствие, скован. Такое состояние обычно испытывают люди, попавшие в чуждую и враждебную обстановку.

Подобное состояние однажды было и у меня, когда я зашел в кафе на окраине Грозного, чтобы купить бутылку минералки и пачку печенья, а в нем сидело с десяток бородачей явно бандитского вида в изрядно потрепанной и грязной одежде. Наверное, только спустились с гор, и зашли в эту за-

бегаловку отведать нормальной пищи.

Честно признаться, я не помню, что покупал, сколько платил и как оттуда вышел. Вот тогда я и понял, что значит быть отмороженным – у меня на время испарились все эмоции и мысли. Я действовал как автомат.

Уже потом, гораздо позже, анализируя ситуацию, я понял, что меня спасли неожиданность и мое потрясающее хладнокровие, навеянное ступором. Наверное, чеченцам показалось, что я какой-то супергерой типа Терминатора.

А как иначе можно было думать, если я, пренебрежительно отвернувшись от бандитов и подставив спину под их прикрытые тряпьем стволы, преспокойно покупал продукты и даже торговался с буфетчиком, мужиком в годах, который тоже был напуган едва не до потери пульса?

Мужчина, который пришел на встречу с Дженнифер, был ЧУЖАКОМ. То есть, зарубежным гостем. Возможно, непрошенным.

Откуда взялась во мне эта уверенность, я не знал. Но я нутром ЧУЯЛ, что это именно так. Наверное, сработал не до конца придушенный городской жизнью инстинкт зверя, которым мне поневоле приходилось быть на войне.

Смертельная опасность обычно обостряет все чувства, и мне часто приходилось поступать, сообразуясь с интуицией, спонтанно. Так действовали наши пещерные предки в борьбе за выживание человеческого рода, и это закрепилось в генах.

Кажется, что вокруг все тихо и мирно, но ты, вместо того, чтобы идти по тропе и насвистывать какую-нибудь веселую мелодийку, вдруг ни с того, ни с сего прыгаешь в сторону и ныряешь в овраг, а в этот момент раздается взрыв мины, сбрывающий под корень кусты и молодые деревца.

Его появление в баре лично мне не грозило никакими неприятностями, но все равно я, повинувшись интуиции, сделал стойку, образно выражаясь, даже без команды «работай!». Так поступает старый охотничий пес, которого вывели на прогулку, когда перед его носом взлетает ворона.

Мужик был иностранцем, скорее всего, дипломатом. Они теперь могут свободно разъезжать по всей России, часто не ставя в известность соответствующие органы. Демократия...

Неужто Дженнифер все-таки прислало ЦРУ?

Подсунули Рыжему троянского коня... пардон, кобылку. Симпатяжке Джен с деньгами мужа и его связями закрепить-ся в России раз плюнуть. Все шито-крыто и вполне законно. Комар носа не подточит.

Но тогда почему она слиняла от него так неожиданно?

Что-то не вяжется... Уж больно все театрализовано. Показуха какая-то. Словно некий незримый режиссер ставит грандиозный детективный спектакль, сюжет которого настолько запутан, что даже ему непонятно, как будет идти его дальнейшее развитие. А что тогда говорить о зрителях.

Нет, так в пьесах не бывает! А как бывает?

Я сидел в полном трансе и не отрывал глаз от кабинета, где

сидела моя премия. Ситуация была идиотской. Мне нужно на что-то решиться, но я не знал, на что именно.

У меня было три варианта действий.

Первый – позвонить в местное отделение ФСБ и сообщить о таинственном иностранце. Пусть чекисты немного пошерстят подозрительную компашку нашей американской штучки. В том числе и того заграничного господина, что уединился с Дженнифер в отдельном кабинете.

Загрэбать жар лучше всего чужими руками.

Второй – плюнуть на свои подозрения и срочно вызвать в бар Рыжего. С деньгами. Баш на баш – я ему предъявляю его ненаглядную, а он отдает мне пакет с «зеленью».

Что касается третьего варианта, то он был полностью в русле моего авантюрного характера. Мне вдруг захотелось проследить за Дженнифер, чтобы в конечном итоге разобраться в затеянной ею интриге.

Не скрою, в этом случае мой интерес был сродни интересу ребенка, который курочит дорогую самоходную игрушку, дабы посмотреть, кто там у нее сидит внутри.

Пока я мучился неопределенностью, события начали развиваться сами по себе. Сначала в бар вошли два крепеньких паренька. Я увидел их краем глаза, так как мой взгляд был прикован к бархатным портьерам одиннадцатого кабинета, и поначалу как-то не придал этому факту должного значения.

Но спустя пару минут меня вдруг как шилом укололи в заднее место. Я оставил свои гляделки и, пошарив взглядом

по бару, увидел, что парни уселись неподалеку от входной двери. Они заказали какие-то легкие напитки, однако вместо расслабленности, обычной в питейно-развлекательных учреждениях, их позы были настороженно-собранными.

С чего бы?

А затем в «Шаловливые ручки» ввалилась еще одна компания крепких парней. Эти изображали бурное веселье, будто приняли на грудь перед походом в бар. Они заняли столик неподалеку от одиннадцатого кабинета.

За ним сидел неприметный хмырь, который мусолил стакан с коктейлем уже битый час. Видимо, он держал стол для веселой компании, потому что сразу ушел, едва парни начали рассаживаться.

Мне показалось, что светильники в помещении бара совсем потускнели, словно воздух в нем сгустился. Дальнейший расклад вдруг предстал передо мной во всей своей неприглядной наготе. На какой-то миг я ощутил себя провидцем. Видимо, этому способствовало огромное внутреннее напряжение.

Сейчас начнется, подумал я, и в тревоге поднял руку, чтобы позвать Германа. Он нарисовался в один момент – будто вырос из-под земли. Да, халдей из него получился классный.

– Нужно еще что-то? – спросил он озабоченно, окинув взглядом столик.

– Гера, возьми себя в руки и не дергайся, когда я тебе что-

то скажу.

Герман слегка побледнел, и в его смеющихся глазах появились колючие льдинки.

– Уже взял, – ответил он тихо.

– Скажи охране, что в баре намечается заваруха. Пусть стянутся к выходу.

Официант немного расслабился.

– Эка невидаль... – сказал он, натянуто улыбаясь.

– Большая заваруха, – произнес я с нажимом. – Не исключено, что в ход будут пущены стволы.

– Это точно?

– Как Бог свят.

– Где?...

– Стол у входа – там двое, и стол возле колонны – там четверо. Очень серьезные парни. Все в куртках, несмотря на жару. Смекаешь?

– Смекаю, – процедил сквозь зубы официант. – Спасибо за предупреждение.

– О чем речь...

Герман ушел.

Я сидел как на иголках.

Время словно остановилось.

Глава 15

«Иностранец» (будем называть этого джентльмена так; сомнения по поводу его национальной принадлежности у меня все же оставались) покинул кабинет спустя час после своего появления в «Шаловливых ручках». Я насторожился, но его никто не задержал, и он благополучно покинул помещение бара.

Я перевел взгляд на тех парней, которые сидели возле колонны. В их позах проглядывала напряженность, хотя они и старались этого не показывать.

Парни явно ждали финального появления Дженнифер, но она не спешила – наверное, наслаждалась ужином, который принесла ей официантка после ухода «иностранца». До этого они пили какое-то вино и кофе.

Меня так и подмывало подойти к парням и задать им наивный вопрос, причем словами одной революционной песни «Хлопцы, чьи вы будете? Кто вас в бой ведет?» Интересно, как бы они среагировали?

Представив эту картину, я невольно улыбнулся, несмотря на небольшой мандраж, который всегда бывает у меня перед боем. А то, что и на этот раз мне светит «отметиться» в аналах бара, можно было не сомневаться.

Хорошую драку я нутром чую...

Наконец появилась и Дженнифер. Она была одета в три-

котажный брючный костюм, который не сковывал движений, и я еще раз мысленно прищелкнул от восхищения языком – фигурка у нее была просто потрясающей.

Впрочем, и личико тоже было на высоте. Но самое интересное – тип лица Джен не принадлежал к англо-саксонской группе. Она больше походила на русскую девушку из глубинки – одну из тех, кто завоевывает короны на конкурсах красоты.

Ее лишь немного портил взгляд. Он сильно диссонировал с обаятельным внешним обликом девушки. Казалось, что из глаз Дженнифер вылетают молнии, готовые сразить наповал любого, кто попробует распусть руки или просто стать у нее на пути.

Девушку перехватили у выхода.

Видимо, под впечатлением сытного ужина и явно приятной встречи с «иностранцем», она расслабилась и не ожидала нападения. Поэтому, когда ее сцапали те двое, что сидели у выхода, Дженнифер как-то беспомощно трепыхнулась и чересчур быстро сдалась.

Возможно, этому поспособствовал парень из четверки, сидевшей возле колонны, который догнал ее и ткнул в спину рукой, которую прикрывала куртка. Можно было не сомневаться, что в своей клешне он держал пистолет.

Все это я додумывал уже на бегу. Ужом проскользнув мимо столиков, я схватил с подноса проходящей мимо официантки бутылку пива и, нимало не волнуясь о последствиях

своего поступка, опустил ее на голову парня со стволом.

Он увял моментально. Увы, рука у меня тяжелая, хотя я немного ее и придержал. Но тут подскочили остальные трое, и мне пришлось включать свой «талант» записного хулигана на полную мощность.

Хорошо, что парням не пришла в голову мысль воспользоваться против меня своими «пушками». Иначе мне пришлось бы глушить их по-взрослому.

А так я всего лишь разломал еще один стул (в комплект к тому, о котором напомнил мне Жорж), разбил напольную вазу с какими-то венками, и перевернул два стола.

Пока я сражался с парнями, набежали сотрудники охраны бара. Но они никак не могли добраться до устроенной мною кучи малой, потому что им мешали столы и столпившиеся вокруг посетители «Шаловливых ручек», для которых драка была всего лишь очередным зрелищем наряду со стриптизом.

Тем временем опомнилась и Дженнифер, которую тащили к выходу. Уж не знаю, что она сделала своим «конвоирам», не видел, но по диким воплям, которые перекрыли весь гам, можно было предположить, что двум парням, сидевшим у выхода, выпала более печальная участь, нежели тем, с кем пришлось колбаситься мне.

Мне нужно было ее догонять. Свирепо рыкнув, я растолкал любопытствующих – и наткнулся на охранников, вместе с которыми был и Герман.

– Займитесь ими! – рявкнул я, указав на распростертые тела парней. – И осторожней – они вооружены. Наденьте на них браслеты. И обязательно вызовите ментов! Пусть с ними разбираются органы.

– Куда!?! – заступил мне дорогу один из охранников; новенький.

– Пропусти! – прикрикнул на него начальник охраны, у которого была знаменитая фамилия Кудеяр – как у былинного разбойника.

Он уже был знаком с моими методами обучения некоторых штатских, пытавшихся устроить со мной разборку.

Благодарно кивнув ему, я перескочил через распростертые тела поверженных «конвоиров» и побежал вслед Дженнифер, которая уже была у двери.

Я догнал ее на улице, когда она сворачивала к остановке такси.

– Момент! – Я схватил ее за рукав. – Есть разговор.

Она освободилась от захвата с такой элегантной простотой, что я даже опешил.

Но, мгновенно вспомнив, с кем имею дело, тут же стал к ней вполоборота. Мне очень не нравится получать сапогом в промежность; а это излюбленный прием многих девушек, занимающихся боевыми единоборствами.

– Извините, мне недосуг, – ответила Дженнифер. – Я спешу.

Удивительно, по после всех событий, произошедших в ба-

ре, она была спокойна и даже где-то меланхолична. Ну и нервы...

– Вы хотя бы поблагодарили меня...

Девушка присмотрелась, – освещение на улице было не очень – и неуверенно спросила:

– Это вы... в баре?...

– А кто же еще?

– Простите, я не узнала вас... – Она скупно улыбнулась. – Спасибо вам. Вы настоящий джентльмен.

– И это все?

Девушка мгновенно подобралась и сухо ответила:

– Если вы надеетесь на продолжение наших отношений, то это напрасно. Я действительно тороплюсь.

– Только не говорите, что вы замужем!

– Почти.

– То есть?...

– Я помолвлена.

– Ну, это не проблема. Жених ведь не стена, можно и отодвинуть. Вдруг я окажусь лучше.

– Вряд ли.

– Он что, такой лось?

– Не в этом дело. Мы любим друг друга.

– В наше время – и любовь... – Я скептически ухмыльнулся, продолжая играть свою нечаянную роль. – Современные девушки стараются выйти замуж не по любви, а по расчету.

– Если у вас есть на счете сто миллионов долларов и ка-

кое-нибудь солидное дело, то я подумую.

– Вот! А вы говорите – любовь... Давайте познакомимся.

Мне было очень интересно, как она представится – скажет свое истинное имя или выдуманное. Но она не сделала ни того, ни другого.

– Я почему-то не думаю, что вы миллионер, – сказала девушка насмешливо, окинув меня оценивающим взглядом с головы до ног. – Но, поверьте, это не главное. Вы симпатичный мужчина, я бы даже сказала, что вы в моем вкусе, но у меня нет желания с вами знакомиться. Вот такая я дура... уж простите. Всего вам доброго.

Она развернулась и пружинистой походки спортсменки направилась к стоянке такси, оставив меня в полной растерянности.

Я не знал, как поступить. То ли мне нужно было выполнять свой первоначальный план – привести ее на веревке к Рыжему, то ли надо отпустить и дать этой таинственной девице погулять на длинном поводке, чтобы проследить, где она обретается.

Пока я думал и гадал, она уселась в таксомотор и машина начала разворачиваться, чтобы выехать на проезжую часть улицы.

Сорвавшись с места, как ошпаренный, я несколькими прыжками преодолел расстояние между мною и вторым такси в очереди, рывком открыл заднюю дверь и запрыгнул на заднее сидение.

– Погоняй! – скомандовал я водителю. – Держись поближе к тому такси, которое только что отъехало.

– Опять!?

Это был не вопрос, а крик души.

Я присмотрелся к таксисту – и невольно ухмыльнулся. Это был тот самый мужичок, который увозил меня от погони!

Вот и не верь утверждениям некоторых грамотеев, что наша жизнь – это цепочка случайностей, которые являются непознанной необходимостью, вспомнил я «лекции» Маркузика, имеющего склонность к философическим рассуждениям. Правда, этот его дар проявлялся только тогда, когда мы приканчивали вторую бутылку...

– Не опять, а снова, – сказал я весело. – Поторопись, дядя. И не бойся, на этот раз не за нами гонятся, а мы кое за кем будем присматривать. Все будет тихо, мирно.

– Ну, если так... – В голосе таксиста явно слышалось сомнение.

Мы вклинились в поток машин и вскоре догнали такси, в котором ехала Дженнифер. Я хорошо видел ее силуэт. Похоже, у нее была отменная интуиция, потому что она время от времени оборачивалась, чтобы вычислить гипотетический «хвост».

М-да, девочку готовили серьезно...

– Немного увеличь дистанцию, – сказал я водителю. – А то мы подъехали совсем уж близко.

– Есть! – бодро откликнулся таксист.

Похоже, ему уже начали нравиться приключения. А еще он сильно надеялся сорвать с меня еще несколько листиков вожденной американской «зелени».

Размечтался... На этот раз, дядя, получишь по счетчику. Иначе Маркузик сожрет меня завтра с потрохами, если я предъявлю ему к оплате еще один счет за такси.

– Между прочим, кто-то обещался на сегодня завязать с извозом... – сказал я, не отрывая глаз от затылка Дженнифер, подсвеченного фарами машин.

– Напарник попросил... – виновато ответил таксист. – У него сегодня какие-то срочные дела...

– Понятно. От жадности в зобу дыханье сперло, ворона каркнула во все воронье горло, сыр выпал... Ты школьный курс литературы освоил?

– А как же. Экзамены сдал на «хорошо».

– В одной умной басне дедушка Крылов учил, что жадность фраеров губит.

– Что... там так и написано?

– Нужно уметь читать между строк.

Таксист промычал что-то невразумительное и переключил все свое внимание на дорогу. Мы как раз выехали на центральный проспект города, где машин было побольше, и ему стало труднее висеть на хвосте «волжанки», в которой сидела Дженнифер.

Интересно, какого хрена рысачить на машинах в двенадцать часов ночи? В это время нужно спать и смотреть пер-

ВЫЙ СОН.

До чего же неумный у нас народ. Совсем ему вскружили голову свобода и демократия. Ночные клубы, казино, рестораны, которые работают до утра, наконец, бордели, функционирующие сорок восемь часов в сутки, выполняя план на 200%...

О, старая, добрая и целомудренная Русь! Ты уже за холмом...

Пока я ударялся в лирику, такси с Дженнифер въехало в микрорайон, у которого было много названий, притом неофициальных. Поначалу – еще до войны – его называли Хутор, потому что там жило много украинцев, бежавших в 1932—1933 годах в Россию от голодомора, устроенного коммунистами на Украине.

Это были, наверное, самые смелые и удачливые люди, так как многих несчастных перехватили войска НКВД, устроившие на границах голодных областей санитарные кордоны.

После войны Хутор переименовали в Собачевку. Городские власти, чтобы минимизировать транспортные расходы коммунальщиков, устроили рядом с Хутором мусорную свалку, потому что старая находилась на десятом километре.

И вскоре новую свалку оккупировали многочисленные собачьи своры, которые со временем настолько обнаглели, что начали совершать набеги на центральные районы города. Пошел даже слух, что в этом виноваты хуторские хохлы, якобы натравливающие псов на добропорядочных обывателей рус-

ской и еврейской национальности.

В 1952 году, незадолго до смерти Сталина, совсем отчаявшиеся городские партайгеноссе для истребления расплодившихся в неимоверном количестве «друзей человека» вызвали роту военных, которые истребили бродячих псов почти полностью.

Ближе к концу семидесятых микрорайон снова переименовали. Теперь он стал называться Ивантеевкой. Свое новое народное название микрорайон получил благодаря шестерым братьям-бандитам, носившим фамилию Ивантей.

Пожалуй, это были первые рэкетеры в истории СССР; или одни из первых. Они обложили данью всех подпольных цеховиков города, а также городскую торговую мафию. Попытки вырваться из-под их опеки были, но Ивантеи пресекали такие поползновения на свой авторитет быстро и жестко, точно в стиле постперестроечных братков. Пуля в лоб – и все дела.

В четвертый раз микрорайон был переименован уже вполне официально. Город начал расширять свои границы, старую свалку спланировали и засыпали землей, а на ее месте начали строить многоэтажные дома.

В мэрии думали недолго, и микрорайон, совершенно в русле новых демократических веяний, получил наименование Свободный. Название выстрелило, что называется, в «яблочко».

Как-то так получилось, что сюда перебралась жить большая часть городского криминалитета. При слиянии братвы

с местными казаками-запорожцами, которые и раньше мало кого праздновали, получилась воистину свободная гремучая смесь.

В конечном итоге микрорайон получил последнее наименование Свободный Хутор, и зажил тайной жизнью, в которую опасались соваться даже самые ушлые менты. Здесь привечали только своих.

– Может, дальше не поедем? – робко сказал таксист, устав петлять по узким улочкам Хутора.

– Это почему? – спросил я, не отводя глаз от огоньков преследуемого нами такси.

Теперь мы немного отстали от идущей впереди «волжанки», чтобы не вызвать подозрения, и ехали на ближнем свете.

– Тут и днем опасно... у меня однажды два колеса пацаны прокололи, – ответил таксист. – А ночью – тем более. Могут и подстрелить.

– От судьбы не уйдешь, – заметил я философски.

– Ну, это вы, наверное, привычны к опасностям. А мне как-то не в масть искушать свою судьбу. Пуля-то ведь дура.

– Зато штык молодец. Что означает – смелость города берет. А, вот мы и приехали! Все, пока, спасибо за экскурсию, держи бабки.

И, всучив таксисту деньги, я выскочил из машины.

– Э-эй, погодите! – окликнул меня таксист, мгновенно определив, что я дал ему гораздо меньше, чем он ожидал.

– Ну, чего тебе?

– Маловато...

– Бог подаст. Не будь живоглотом. Посмотри на счетчик.

С этими словами я ринулся вперед, потому что Дженнифер уже исчезла за домом.

Я подоспел в нужную точку как раз вовремя, чтобы увидеть, как открылась дверь подъезда, и тусклая лампочка на мгновение высветила фигурку девушки, которая тут же исчезла, растворилась в темноте.

Нужно сказать, что здесь не было уличных фонарей. Дома высились по сторонам улицы как скалы в ущелье. Казалось, что вокруг дикая природа, что я нахожусь где-то в горах Чечни.

Это впечатление усиливали непривычная тишина этой дальней окраины – в столь позднее время машины ездили тут редко, ветер, теребивший кроны деревьев, и немного приглушенные звуки кошачьей «свадьбы». Вопли брачующихся котов представлялись мне воем волков, вышедшим на ночную охоту.

Тряхнув головой, прогоняя мимолетное наваждение, я уставился на темные окна дома. Я ждал, что одно из них вот-вот должно засветиться, и мне удастся определить квартиру, в которой живет Дженнифер.

Прошло минута, втора, пятая... Светящийся циферблат моих часов показал, что я топчусь на дорожке уже десять минут, а фасад дома по-прежнему оставался темным.

Может, окна ее квартиры находятся с другой стороны?

Эта мысль еще гуляла по извилинам моего мозга, а я уже бежал, чтобы проверить свое предположение. Увы, на тыльной части дома окна тоже спали, занавесившись гардинами и шторами. Что за чертовщина!

И тут я увидел...

Господи, какой я идиот!

Подъезд был проходным. Скорее всего, Дженифер что-то заподозрила и ушла от наблюдения самым элементарным способом.

Хлипкая дверь подъезда была приоткрыта; она едва держалась на изрядно поржавевших петлях и под порывами ветра жалобно поскрипывала. Чтобы окончательно убедиться в своей профнепригодности, я поднялся по ступенькам, зашел в подъезд, который, конечно же, был пуст, и вышел на другой стороне дома.

В этот момент мне очень хотелось присоединиться к брачующимся котам, чтобы завывать от яростного отчаяния на весь Хутор. Болван! Трижды болван! Так бездарно упустить птичку, уже запутавшуюся в силках. Где теперь ее искать?

Я нашел какую-то скамейку, сел и закурил.

Теперь мне спешить было некуда, да и незачем. Я пытался правильно выстроить свой будущий доклад Плату, чтобы не сильно упасть в его глазах, но у меня получался лишь жалкий лепет.

А может, вообще не нужно рассказывать кому бы то ни

было об этом инциденте? Пусть этот прокол останется моей маленькой тайной.

Постепенно я успокоился, и мои мысли потекли более плавно и упорядоченно.

Я утешил себя тем, что отрицательный результат – тоже результат. И в нем таится много возможностей и открытий. Первое и самое главное открытие – это то, что Дженнифер окопалась в Свободном Хуторе.

То, что она так ловко обрубил «хвост», еще ничего не значит. Девушка вряд ли могла заподозрить, что в идущем позади такси может находиться человек, пытающийся ее выследить.

Скорее всего, финт с проходным подъездом она проделала только по причине своего недоверчивого, подозрительно-го характера. Кроме того, ее так учили. Да, подготовка у нее то, что надо...

Дело оставалось за малым – найти ее норку, благо ареал обитания разыскиваемой нашим агентством зверушки здорово сократился. Как это сделать, я уже знал.

Меня сильно мучил лишь один вопрос: как совместить ее явление в представительском «мерседесе» и этот уютный городской криминальной вольницы, где она, как оказалось, нашла пристанище? Нет, точно, эта американская невеста – сплошная загадка...

Докурив и так ничего и не придумав в ответ на заданные Дженнифер вопросы, я встал и пошел искать какой-ни-

будь транспорт. Хутор находился у черта на куличках, и меня не прельщала возможность длительной ночной прогулки. До моего дома было не менее восьми километров.

Увы, редкие машины, водителям которых я показывал всеми доступными мне способами, что перед ними хороший человек, и что он не постоит за деньгами, если его подбросят к центральной части города, проезжали мимо, не останавливаясь. Мало того, они даже ускоряли ход.

А какой-то козел вообще едва не задавил меня; скорее всего, он был пьян. Меня спасла лишь отменная реакция. Я прыгнул в сторону как кузнечик. Затем, пылая негодованием, нагнулся, нашел камень и швырнул вслед машине.

И попал! Машина остановилась, и я, все еще злой, как черт, побежал, чтобы разобраться с водителем по полной программе.

Конечно, ночью можно было нарваться и на ствол, но в гнев меня несет, и безрассудство нередко заменяло мне бронезилет. Наверное, я временами становлюсь берсерком славянского разлива.

Однако, возмущенный моим поступком водитель оказался слишком благоразумным, даже будучи под хмельком. Завидев, что я бегу к нему, как угорелый, он тут же передумал сводить со мной счеты, нырнул в салон машины и дал по газам.

Счастлив твой бог, подумал я злобно, глядя вслед удаляющимся огонькам...

В общем, так я и топал до самого дома на своих двоих. Тяжело в наше время найти добрых самаритян. Да еще в городе и ночью. Ни один водитель так и не поверил, что я положительная личность.

И то верно – кто в здравом уме или без ствола в кармане рискнет шататься в ночное время по окрестностям Свободного Хутора?

Глава 16

Пробуждение мое было долгим и болезненным. Все мышцы и кости ныли, словно по мне ночью проехался танк. Я едва встал и с трудом доплелся до душа. Только холодная вода вернула мне способность здраво мыслить и более-менее свободно передвигаться.

Создавалось впечатление, что я проснулся с глубокого похмелья, хотя это было совсем не так.

«Закончим дело, – думал я, завтракая, – обязательно начну посещать спортзал. Дожил, ты, брат Сильвер... Уже забыл, когда последний раз тренировался. И вот результат. Скоро начнешь разваливаться на запчасти. Ленивая скотина...»

Мой завтрак состоял из «докторской» колбасы – я не стал ее резать, а отгрызал кусками, и пустого чая – я совсем выпустил из виду, что у меня закончился сахар. Хорошо хоть в хлебнице нашелся кусок зачерствевшего батона, который я, завернув во влажную льняную салфетку, отпарил в микроволновке, отчего он стал почти как свежий.

В офисе я появился первым. Естественно, не считая Фиалки. Она оказалась очень исполнительницей девушкой.

По большому счету, Фиалка была даже не секретаршей, а координатором агентства. Все наши не шибко серьезные расследования (а таких было большинство) крутились под ее

неусыпным надзором.

– Привет, – буркнул я, усаживаясь в кожаное кресло, находившееся в приемной.

Обтянутая кожей мебель – это бзик Плата. Он считал, что при виде богатого интерьера у клиента язык не повернется посулить нам даже за самую простенькую работу меньше штуки «зеленью».

В принципе, он был прав. Клиенты платили, не скупясь. Возможно, и под впечатлением солидного интерьера.

Наше О.С.А. считалось не дешевым агентством. Но чертовски эффективным. Поэтому без работы мы не сидели никогда, что для моей валятельно-созерцательной натуры было как серпом по мужскому достоинству.

Я твердо уверился в том, что всех денег не заработаешь (особенно после фиаско с зарубежными счетами одного богатого фраера, которые поманили нас блеском золота и оставили в дураках на обочине красивой жизни). А потому не стоит особо перетруждаться.

– Наше вам, – откликнулась Фиалка, – с сосредоточенным видом перекладывая на столе какие-то бумаги.

– Шеф не звонил?

– Пока нет.

– М-м...

Я умолк. Фиалка бросила на меня исподлобья оценивающий взгляд, неодобрительно хмыкнула под нос и продолжила свое занятие.

Неужто я так плохо выгляжу?

Немного поколебавшись, я все-таки встал и, прохаживаясь по приемной, будто невзначай заглянул в большое зеркало, отражающее человеческую фигуру в полный рост.

М-да... Оказывается, я забыл побриться.

На меня из зеркальной глубины смотрела совершенно бандитская физиономия с покрасневшими глазами начинающего вурдалака. Я скорчил себе рожу, с отвращением сплюнул на палас под ногами, и отошел от зеркала к телевизору.

Фиалка включает его, чтобы клиент не шибко томился во время ожидания приема. К нам иногда приходят граждане без предварительной записи, поэтому им приходится ждать.

Конечно, можно было таких клиентов отправлять восвояси, сказав что-то типа «Приходите завтра или послезавтра, мы сильно заняты...», но Марк, этот до неприличия жадный сатир, настоял, чтоб ни один человек не ушел из О.С.А., не охваченный нашей заботой.

А то, неровен час, отправятся искать помощи в другую охранно-сыскную фирму...

Нужно отметить, что конкуренты у нас были. В этих агентствах работали в основном отставные менты. Они смотрели на нас косо, но пока не трогали. Наверное, их «просветили», что нас голыми руками не возьмешь.

Правда, количество проверок различными контролирующими госорганами в последнее время увеличилось, что вызвало определенные подозрения. Но мы тоже были не лы-

ком шиты, и старались особо не разбойничать по части финансовых нарушений.

Следующим пришел Маркузик. Он был в отличном расположении духа, что с ним случалось не часто, особенно по утрам – Марк любил поваляться в постели подольше, но надо было почти каждый день ходить на утренние оперативки, которые устраивал Плат.

Маркузик перед Фиалкой любезно расшаркался, а мне подал руку со словами:

– Можешь начинать свой «концерт», я уже не удивляюсь.

– Чему?

– Сколько денег сегодня ты хочешь выцыганить?

– А... Нужно посчитать. – Я изобразил широкую «голливудскую» улыбку, показав свои выщербленные зубы (увы, улы, издержки профессии; почему-то когда бьют, то всегда стараются замазать по челюсти). – В нашем деле, любезный друг, как в эксплуатации телеги – не подмажешь, не поедешь.

– Большой спец по афоризмам... – Марк саркастически ухмыльнулся.

– И не только. В отличие от некоторых, я рогом землю рою, чтобы закончить дело побыстрее. Жизньую рискую. А ты мне все про бабки талдычишь.

Пока Марк собирался с мыслями, чтобы дать мне достойный ответ, появился Плат. Сухо поздоровавшись, он пригласил нас в кабинет и дал наказ Фиалке сварить кофе.

– Ты что, не успел позавтракать? – спросил я, занимая

свое постоянное место на диване.

– Не успел.

– Почему?

– Потому что выполнял твою работу.

– Это что-то новое... Ты о чем звонишь, дорогой наш мастер-шеф?

– Мы договорились, что низовыми звеньями будешь заниматься ты. Не так ли?

– Так. Но я что-то не въезжаю в тему...

– Кто должен был сегодня с утра пораньше поставить задачу нашим парням из наружного наблюдения? Чтобы они немного провентилировали ту конторку, о которой ты вчера соловьем заливался?

– А... Вон ты про что... – Я виновато развел руками. – Извини, братэла, я проспал.

– Чудненькое объяснение... – ехидно хихикнул Марк.

– Зато честное. Да, проспал! Мало того, я вообще едва поднялся. У меня, знаете ли, вчера был не только напряженный рабочий день, но и не менее тяжелый вечер. Который я хотел всецело посвятить отдыху. (Между прочим, согласно КЗОТ, имею на это полное право). Но поскольку я человек обязательный и готов положить на алтарь нашего О.С.А. всего себя без остатка, то мне пришлось вместо отдыха пахать как папе Карло, когда он упирался со стамеской над чурбаном по имени Буратино. Так что я уснул только во втором часу ночи.

– Ты опять влип в какую-то историю? – строго спросил Плат.

– Естественно. Это обычное мое состояние – влипнуть в разные истории.

– И когда за тобой придут? – снова съехидничал Маркузик.

– За нами, – поправил я Марка с мрачным видом – пусть немного поволнуется.

Маркузик и впрямь изменился в лице. Он очень не любил разных осложнений, которые случались в нашей сыскной практике; и чаще всего по моей вине.

– Не шути так мрачно, – сказал Плат, который немного больше разбирался в моей психологии, нежели импульсивный Марк. – Лучше расскажи, что там снова с тобой произошло.

– Да ничего такого... особенного... – Я неторопливо достал сигареты и не спеша прикурил; это чтобы немного поиграть на нервах моих друзей, которые уже насторожили уши, чтобы выслушать мою очередную историю. – Просто я вчера в баре немного пообщался с Дженнифер...

– Что!?! – Вопрос был исторгнут сразу из двух глотков.

– Классная телка, доложу я вам, – продолжал я неторопливо, словно и не заметил дикого изумления моих друзей. – В натуре она гораздо лучше, чем на фотокарточке.

– Ты... это серьезно? – спросил Плат.

– А когда я был несерьезным... в работе?

– Ну-ка, давай, выкладывай все по порядку.

Я рассказал почти все, вплоть до того, как я облажался со слежкой.

– Интересно... – Серега задумчиво грыз чубук трубки.

Когда мы только организовали О.С.А., он сразу же приобрел себе это курительное приспособление. Я подозревал, что Плат очень хотел походить на литературного героя – сыщика Шерлока Холмса, никогда не расстающегося со своей трубкой.

Что ж, и бывшему менту иногда свойственны романтические порывы...

Но со временем он эту блажь выкинул из головы и обихода, и продолжал смолить сигареты, иногда самые дешевые, – в те дни, когда мы перебивались разными мелкими делишками, за которые нам и платили соответственно. А трубку Серега держал на рабочем столе в основном для понта.

Лишь когда приходил какой-нибудь состоятельный клиент, Плат начинал дымить трубкой, как паровоз, напуская на себя трагическую задумчивость и сострадание. Ему казалось, что таким образом он влезет поглубже не только в душу, но и в карман клиента.

Иногда его «театр» срабатывал...

– Что именно? – спросил я, стараясь не встречаться взглядом с Маркузиком, который уже оправился от удивления и смотрел на меня с подозрением.

Похоже, он каким-то макаром уже вычислил, что я пове-

дал им не всю историю. И теперь пытался додумать, что я утаил.

– Помнится, ты говорил, что она ездит на «мерседесе» в сопровождении охраны. Не так ли?

– Так. Крутая девка.

– Ну, про то, каким образом ей удалось приобрести так быстро большую крутизну, разговор сейчас не идет. Как на меня, по здравому размышлению, это совершенно невероятная история.

– Ты что, не веришь мне!?

– Конечно, верю. И не становись в позу. Тут все свои. Но тогда объясни мне, почему она (поздним вечером!) приехала в бар и уехала оттуда на такси, а не в «мерсе» с личным водителем и охраной?

– Может, у ее услуги вчера был короткий день, – пробурчал я в смущении.

До этого я как-то не додумался. Хотя мог бы. Но черепушка не туда сварила. А Плат – голова... Ишь как лихо завернул.

– Говоришь и сам себе не веришь, – парировал Плат. – Судя по тому, что ты рассказал, ее должны обслуживать круглосуточно. И вообще, дама такого высокого полета никогда не опустится до бордюрного уровня, на котором удобно ловить такси или левака.

– Не знаю, не уверен... – ответил я растерянно. – Мужик, возможно, и не опустится. А бабы на все способны. Осо-

бенно если хотят закадрить клеевого пацана. Они по жизни авантюристки. Вспомни Еву, которая прикормила Адама яблоком. Ведь знала же, что будет им от Бога кырдык. А все равно не удержалась от соблазна вкусить запретный плод. Сама получила по рогам и мужика подставила.

– В данном случае Библия не аргумент. Или я неправ?

– Прав, – буркнул я. – Для ее положения это неестественно. И все же объяснимо.

– Объяснить можно все, что угодно. Была бы фантазия. Это первое. Второе – тот мужик, которого ты назвал иностранцем. Должен сказать, что в его иностранное происхождении я не верю. Тебе показалось.

– Гад буду, кент из-за бугра! Я же не вчерашний, не только что из колыбели. Он и ходит не так, как мы с тобой. У него был сильный мандраж.

– Ясное дело, наши парни ничего не боятся... – Серега скептически ухмыльнулся. – Мандраж для них незнакомое понятие. Может, он женатик и опасался, что его засекут в компании этой козырной дамочки. Потому и выбрал такое место для randevu. Я уверен, что ты ошибся.

– В каком случае?

– Естественно, в первом. Дама в «мерсе», которую ты вычислил возле бывшего проектного института, никакая не Дженнифер. Они просто похожи. Ведь ты не видел ее вблизи. Как по мне, так издали девушек можно различить только по ногам. У одной они тонкие, у другой – чересчур полные, у

третьей – кривые, а четвертая вообще ходит вразвалку, как матрос дальнего плавания.

– Не утрируй.

Плат продолжал, оставил мое замечание без комментариев:

– В баре была Дженнифер. Тут я с тобой в принципе согласен. Тем более, что ты имел возможность посмотреть ее в действии и даже смог подержать ее за ручку. Здесь все укладывается в наши предположения, как патроны в обойму. Не исключено, что ты прав и насчет иностранца. Может быть, это так и есть. Но почему она скрывается? Почему притемнила, что не знает русского языка? Какую она ведет игру? И в какой плоскости находится эта игра – в бытовой, или гораздо круче, там, где начинаются государственные интересы?

– И все равно, возле проектного института была именно Дженнифер! Ты не сможешь меня переубедить. Я видел ее собственными глазами. А они еще меня не подводили.

– Предположим, что так оно и есть. Тогда выходит, что эта американская невеста обладает способностью раздваиваться. То она изображает из себя дамочку а ля затраханная курва из московской Рублевки, то играет роль романтической обаяшки, назначая встречу своему бахарю в заведении с весьма сомнительной репутацией.

– Кончай уничивать мой любимый бар, – сказал я с вызовом. – Когда я несколько раз угощал тебя в «Шаловливых ручках» за свой счет, ты почему-то об этом не говорил. Тогда

для тебя и бар был на высоте, и девки что надо, и выпивка с закуской нравились.

– Извини. Это я к слову. Но согласишься, что по сравнению с центровыми заведениями подобного рода твой местечковый бар сильно проигрывает.

– Для кого устрицы – вожаденный деликатес, а кто-то их и на дух не переносит, считая собачьей блевотиной. Все познается не в сравнении, а в привычке. Мне в «Шаловливых ручках» тепло и уютно. Я там чувствую себя как дома. А в центре города не кабаки, а место для дойки придурков с толстыми кошельками. Какой-нибудь затрапезный лангет весом в двести грамм стоит как целая свинья. А то, что его подают на серебряном блюде с подогревом и при этом красиво улыбаются, так мне весь этот антураж до лампочки.

– Плебей... – наконец подал голос и Маркузик.

– Да, плебей. Но только в привычках. А что касается раздвоения Дженнифер на две личности, то, возможно, ты прав. Есть такая болезнь, я читал. А иначе зачем ей было убежать от Рыжего? Крыша поехала – и все дела. Тихая шизофрения с временным помутнением сознания. Это когда она превращается в ниндзя и уходит от преследования.

– Ты нашел самое простое объяснение, – сказал Плат и демонстративно поаплодировал. – А все, что просто, то гениально. Я бы до такого не додумался.

– Потому что привык все делить на черное и белое, как тебя учили в ментовке, – ответил я сердито. – Не забывай,

что в реальной жизни есть еще и полутона. Я уже не говорю о том, что мир вообще разноцветный.

– Какие еще полутона? Как могут быть связаны между собой «мерседес» с охраной и такая дыра, как Свободный Хутор? Это небо и земля. Ты ошибаешься. Дама в «мерсе» явно не Дженнифер. Тут и думать нечего. А парней из нашей наружки я послал к бывшему проектному институту только для того, чтобы раз и навсегда обрубить это уродливое ответвление версии. Ладно, все, заканчиваем с диалектикой. – Серега посмотрел на Марка. – Теперь мы ждем твой доклад. Сделал?

– Конечно... – Маркузик победно ухмыльнулся. – Все в лучшем виде.

– Ну и?...

В это время вошла Фиалка и принесла чашки и кофейник, источающий неземной аромат. Она сказала:

– Звонил господин Крапивин. Сказал, что очень хочет задать несколько вопросов шефу нашей конторы. – Фиалка выразительно посмотрела на Плата.

– Что ты ему ответила? – спросил Серега.

– Что вы отсутствуете, и связаться с вами я не имею никакой возможности, потому как у вас очень ответственное и сложное расследование, требующее конспирации и полной мобилизации всех сил.

– В общем, притемнила, – с удовлетворением констатировал Плат.

– Как обычно...

– Молодец.

– С меня премия за смекалку, – сказал я с сальной ухмылкой и подмигнул Фиалке. – В любое время дня и ночи. Но лучше ночи.

– Сильвер! – гневно воскликнул Плат. – Придержи язык.

– Все, все, умолкаю... – Я изобразил из себя кающегося грешника – сложил ладони лодочкой на груди, поднял голову вверх и подпустил глаза под лоб.

– Клоун... – Марк негодуяще фыркнул.

– А ты подлипала, – ответил я, наливая себе кофе. – Без мыла к Плату в одно место лезешь. Культ личности устраиваешь.

– Я... культ личности!?! Да ты... ты!... – У Маркузика не хватило слов, чтобы поведать миру всю правду обо мне.

Фиалка, прикусив нижнюю губу, чтобы не расхохотаться, едва не на цыпочках вышла из кабинета и плотно притворила дверь. Наши пикировки ей уже были не в новинку, поэтому она старалась избежать роли третьей стороны.

Мудрая девка, несмотря на молодые годы. Продукт ускоренной демократизации страны. Современной молодежи пальцы в рот не клади, отхватят вместе с ними и руку по локоть.

– Марк! – рявкнул Серега, справедливо опасаящийся, что мы с Маркузиком можем затеять длительную свару. – Я хочу услышать твой отчет. Потом можете собачиться хоть до

самого вечера.

– А чего же он... – Маркузик состроил мне зверскую рожу.

– Прости, Меркуша, – сказал я покаянно. – Я забыл, что ты очень чувствительная и романтическая натура.

Меркушей мы с Платом называли Марка, когда хотели укротить его неистовый темперамент. Удивительно, но это прозвище действовало на него как ушат холодной воды. Видимо, Марк сразу вспоминал, что он гений и интеллигент в седьмом колене и ему негоже уподобляться в спорах какому-то малограмотному крестьянскому сыну Меркуше.

Бросив на меня исподлобья нехороший взгляд, Маркузик сказал:

– Машина BMW 7 серии E38 выпуска 2001 года числится в угоне. Она принадлежит – принадлежала – корпорации «Альянс» и была угнана в тот день, когда случилось нападение на виллу Клычкова. Ее не нашли до сих пор.

– «Альянс»? – переспросил Плат. – Ну-ка, ну-ка...

Порывшись в своей кожаной папке, с которой никогда не расставался, Серега достал из нее лист бумаги, прочитал несколько строк и спросил:

– Как вы думаете, кто выкупил здание бывшего проектного института?

– Неужто «Альянс»? – высказал я предположение.

– Точно! Три года назад. Был объявлен конкурс по приватизации здания, но, как мне объяснили мои бывшие коллеги (правда, из УБОПа), он оказался фиктивным. «Альянс» за-

платил за здание, которое стоит миллионы, чисто символическую цену.

– Вот суки! – с чувством прокомментировал я слова Плата. – Эти совсем новые русские последнее народное добро пускают на распил. Первая волна крысомордников, нажавшись до отвала, уже смайнала за бугор, остальные – не столь поворотливые – подбирают то, что не углядели олигархи и продажные чиновники. Когда они нажрутя!?

Мой риторический вопрос остался без ответа. А что тут скажешь? Жадность человеческая беспредельна.

Вон США хочет весь мир захватить; америкосам, видите ли, маловато своего полушария. Только вот беда – большим куском можно ведь и подавиться.

– Значит, мы перешли дорогу «Альянсу»... – с мрачной задумчивостью констатировал Плат. – Ой-ей...

– А что это за зверь? – спросил я, закуривая.

– Момент... – Марк полез в нагрудный карман и достал оттуда изрядно помятую бумажку. – «Альянс» – закрытое акционерное общество. Имена акционеров – большая тайна. Мне этот вопрос прояснить не удалось. «Альянс» имеет отделения во многих городах России и даже в дальнем зарубежье. В принципе это большая торговая фирма. Главный ее офис находится в Москве. Представляете уровень?

– Представляем... – Мне вдруг почему-то стало очень грустно; опять мы подставились по полной программе; что такое наши мизерные возможности по сравнению с мощью

международного и явно мафиозного акционерного общества. – Картина из серии сушите весла, господа. Похоже, нам может светить скорое свидание с предками. Тьху, тьху!... – Я сплюнул через левое плечо, хотя и не был чересчур суевренным. – Чем торгует этот «Альянс»?

– Все, чем угодно, – ответил Маркузик. – От зерна, нефти, металлов, бытовой электроаппаратуры и автомашин до оружия и самолетов.

– Мама миа! – Я схватился за голову. – Чтоб я сдох. Надо срочно бежать в обувной магазин.

– Зачем? – тупо спросил Плат, который был расстроен не меньше, чем я.

– Чтобы купить всем нам белые тапочки с черными шнурочками. Или у тебя есть предложение получше?

– Нет у меня никакого предложения! – сердито ответил Серега.

– Кто у них там заправляет делами? – спросил я Марка.

– Я же сказал, что имен акционеров выяснить не удалось. Тайна за семью печатями.

– Еще бы... – буркнул я. – Но я спрашиваю тебя не об этом. Кто шеф конторы, которая отаборилась в бывшем проектно-институте? Похоже, в нашем деле он главный кукловод. Или один из главных.

– Это не секрет, – сказал Плат. – Курамшин Павел Иустинович.

– Да вы никак с ним знакомы, милейший? – Я впился цеп-

ким взглядом в хмурое лицо друга.

– Что-то в этом роде.

– Не понял...

– Курамшин, как и я, бывший мент. Только полковник. Когда-то он был моим начальником. Курамшина убрали из управления в двухтысячном году за какие-то темные делишки.

– «Оборотень» в погонах, – высказал я предположение.

– Да. Но в те годы это словечко еще не было в ходу.

– Я так понял, этого Курамшина не посадили...

– Откупился. У него уже и тогда связи тянулись до самого верха. Козырный мужик. И очень опасный. Жестокий и беспринципный.

– А где ты видел доброго и мягкого мента? – Я ехидно ухмыльнулся.

Плат на мой выпад не среагировал. Он сидел в мрачной задумчивости и грыз чубук потухшей трубки.

– Что это у Курамшина за отчество такое? – спросил я, чтобы немного отвлечь народ от черных мыслей, потому что и Марк сидел, словно с креста снятый – бледный и с глазами как у рака, которого замучил геморрой.

– Отец у него был священник, – нехотя объяснил Плат. – Это церковное имя. Он помер, кажется, в девяносто седьмом. Мы ездили хоронить. Только нас попросили быть в штатском.

Я коротко хохотнул и сказал:

– Надо же... Воистину дьявольская смесь. Поди, его добропорядочный папаша в гробу переворачивается, глядя с того света на делишки сына, бывшего мента и нынешнего мафиози.

– А если мы ошибаемся? Что если Курамшин тут ни при чем? – Это наконец разродился Марк.

У него всегда был нестандартный подход к сложным, опасным ситуациям. В такие моменты Маркузик пытался отсидеться в окопе; он делал то, чем обычно занимаются в подобных случаях записные интеллигенты – выдавал желаемое за действительное.

Многие образованные, но неуверенные в себе люди живут по китайскому принципу, изложенному в виде мудрости, которая гласит: если долго сидеть на берегу реки, ничего не делая, то когда-нибудь мимо тебя проплывет труп твоего врага. Марк тоже исповедовал эту непротивленческую «религию».

– Пойди к нему и спроси об этом сам, – пробурчал Плат.

– А почему бы и не пойти? – расхрабрился Марк. – Можно объяснить... сказать, что мы люди маленькие, всего лишь частные детективы, ищем девушку, никого не видели, ничего не знаем. И... и все. Какие проблемы?

– Храбрый портняжка... – Я саркастически ухмыльнулся. – Сегодня пойдешь? Тогда скажи Фиалке, пусть созвонится с секретаршей Курамшина, чтобы она назначила тебе время аудиенции.

– Почему я!? Такими делами занимаетесь вы. У вас...

опыта больше. И вообще...

– Ну ты и рыба, Марк... – Я рассмеялся. – Электрический угорь. Брать рекомендуется только в заземленных ежовых рукавицах. Да и то ты выскользнешь. Нет, так дело не пойдет. Твоя идея, ты и должен ее реализовать. У нас на сегодня и так дел полно. Правда, Серега?

– М-м... Да.

– Вот. Кроме тебя, спасти наше О.С.А., и заодно нас, просто некому. Собери волю в кулак, сосредоточься...

Договорить я не успел. В приемной раздался шум, потом что-то упало, а затем от сильного удара ногой распахнулась входная дверь, и на пороге появился пунцовый от гнева Крапивин.

Глава 17

Посмотрев на нас бешеным взглядом, он молча подошел к столу и сел. Мы тоже безмолвствовали. Явление Рыжего нашему синклиту в данный момент было совершенно нежелательно. Мы пока ничем не могли его утешить.

А выкладывать перед клиентом ворох разнообразных версий и то, как собираемся решать возникшие проблемы, мы просто не имели права. Это было несолидно, не по правилам, и даже опасно.

Ведь детективам платят за результат, а не за басни.

В этом вопросе сыщики были сродни фокусникам. Конечно, зрителям очень хочется разгадать фокус, но если маг объяснит всю свою кухню, то в следующий раз на его представление никто не придет, и уж тем более никто не заплатит втридорога.

– Меня хотели не впустить... – наконец подал голос Рыжий. – Меня!

– Надеюсь, твоя охрана моих парней не перестреляла? – спокойно спросил Плат.

– Нет. А следовало бы!

– Мы не ждали тебя...

– Я звонил! Мне сказали, что вас нет и в скором времени не будет. Эта ваша секретарша... как ее?... врет, как все бабы.

– И ты ей не поверил... – Плат миролюбиво ухмылялся.

– Еще чего! – Крапивин вдруг криво осклабился. – У меня такая же. Цербер.

– Будем считать, что конфликт исчерпан, – сказал Серега. – А что касается нашей охраны... – Он перевел взгляд на меня. – Сильвер, займешься. Нам такие орлы и на хрен не нужны.

– Это новенькие, – попытался я оправдать своих подчиненных. – Еще не въехали в специфику работы.

– И не въедут. Потому что тупые. И трусливые. Все, вопрос решен. Испытательный срок они не выдержали. Гони их в шею.

– Слушаюсь, гражданин начальник!

– Перестань... – Плат недовольно поморщился; а затем обратился к Рыжему: – Так что там у тебя настолько срочное, что ты не поленился бросить все свои дела и примчался в нашу контору?

– Сначала мне хотелось бы узнать, как у вас идут поиски.

– Идут, – уклонился Плат от прямого ответа. – Можешь не сомневаться. Но об этом немного позже. А пока я хочу услышать твои новости.

– Дженнифер вышла на связь, – сообщил Крапивин.

Мы с Платом переглянулись. И облегченно вздохнули. Похоже, Рыжий приехал разорвать с нами контракт. Слава Богу!

А от остальных проблем мы как-нибудь и сами отвертим-

ся. Но аванс не вернем!

– Что ж, поздравляем, – сказал Плат, радостно улыбаясь. – На свадьбу пригласишь?

– Ты не понял. Она не позвонила, а скинула мне SMS. И это очень подозрительно.

– Думаешь, что послание не от Дженнифер?

– Да нет, писала точно она. Джен предусмотрительно (чтобы я не сомневался в авторстве) напомнила несколько таких вещей, о которых знали только мы двое.

– Ну, это совсем не факт... – Плат был сильно разочарован. – Что она передала?

– Чтобы я не искал ее. Она скоро вернется, и все будет, как прежде. Свое исчезновение объяснила какой-то опасностью, от которой даже я не смог бы ее защитить. Джен написала, что только она сама сможет разобраться в какой-то истории.

– Что за опасность, Дженнифер не уточнила?

– Нет.

– Это все, что она сообщила? Ты ничего не упустил в своем рассказе?

– Еще написала, что любит... целует... Ну какая, какая сволочь осмелилась ей угрожать!? Почему, почему она не открылась мне!? Урою всех, гад буду, век свободы не видать!...

Рыжий начал брызгать слюной и материться как сапожник. Мы сидели бесстрастно и неподвижно, словно изваяния Будды. В нашем кабинете и не такие сценки случались...

Наконец Крапивин выдохся и умолк. Плат спросил:

– Кофе будешь?

– Давай...

– Этот уже остыл... – Плат заглянул в кофейник. – Сейчас закажу свежий.

– Не надо... – Рыжий поднялся, взял стакан, который стоял на подносе вместе с графином (иногда нам приходится отпаивать особо впечатлительных клиентов водой), наполнил его и выпил так, будто в нем находилась водка – одним богатырским глотком. – Уф... Хорошо. В горле, блин, пересохло...

– И что теперь нам делать? – озвучил Плат вопрос, который вертелся и у меня на языке.

– Вот я и приехал сюда, чтобы посоветоваться.

– Но если сама Дженнифер сказала, что вопрос закрыт... – Плат развел руками. – Может, нам не надо ей мешать? Чтобы не навредить.

Хитрец... Чешет Рыжего за ушами. Сереге уже и бабки не нужны. Я тяжело вздохнул – а счастье было так близко... Еще двадцать «штук» зеленым, притом наличкой, нам совсем не помешали бы.

– А я так думаю, что маслом кашу не испортишь, – твердо сказал Крапивин. – В этой истории много непоняток. Чего я терпеть не могу. И потом, почему она не захотела поговорить со мной по телефону, а всего лишь написала маляву? Это подозрительно.

– Возможно... – По лицу Плата было видно, что он разо-

чарован решением Рыжего довести дело до конца. – Она своим телефоном воспользовалась?

– В том-то и дело, что чужим.

– Думаю, что ты уже узнал, кому он принадлежит...

– Естественно.

– Ну и?...

– Одному молодому пацану, студенту. Говорит, что к нему подошла симпатичная девушка и попросила телефон, чтобы сбросить письменное сообщение. Он не смог ей отказать.

– Коже понятно... – Я ухмыльнулся. – И я бы не отказал.

– Между прочим, Джен даже заплатила ему, – сердито сказал Рыжий. – Хорошо заплатила.

– Чему ты удивляешься? – ответил я. – У студента обычно денег не густо. Твоя Джен умница, сразу сообразила, с кем имеет дело. Впрочем, извини, тебе такие мелочи жизни уже не понять.

– Ну почему же? – Крапивин неожиданно смутился. – Я и сам когда-то ходил... с голой задницей.

– Значит, студент чист... – Плат снова принялся раскуривать свою трубку, но на этот раз не для понта, а потому что от волнения ему срочно захотелось закурить.

Я тоже задымил.

– Чист, – подтвердил Рыжий. – Мои парни взяли его в такой оборот, что он просто не мог что-то утаить, даже если бы сильно этого захотел.

– Они хоть кости ему не переломали? – спросил я не без

укоризны.

– Я же не изверг какой-то, – обиделся Крапивин. – Дали сопляку пару раз по сопатке, – не сильно! – показали ствол, и он начал звонить, как поп к обедне.

– По крайней мере, ты должен немного успокоиться, – сказал Плат. – Дженнифер ясно дала понять, что она по-прежнему тебя любит, и лишь какие-то таинственные обстоятельства заставили ее совершить побег.

– Я успокоюсь только тогда, когда поведу ее под венец!

– М-да, любовь не картошка... – пробурчал я себе под нос.

– Что ты сказал? – повернулся ко мне Крапивин.

Я бросил вопрошающий взгляд на Серегу; он нехотя кивнул, соглашаясь с моим мысленным посылом. И тут же оттопырил мизинец.

Да понял я, понял, не дурак.

Конечно же, всю информацию мы Рыжему не сольем. Это может быть чревато. Но в кое-чем просветить нашего клиента нужно. Дабы его не заносило на поворотах. И чтобы он убедился, что аванс мы отрабатываем в поте лица.

– Мы сейчас покажем тебе кино. – Я указал Маркузику на видеомэгнитофон. – Возможно, ты поможешь нам в расчистке ситуации. Нам она не очень понятна.

– Какое кино? – удивился Рыжий.

– Занимательное, – ответил я. – Боевик. Смотри...

Марк поставил кассету с записью событий на вилле Кирика. Когда пошли первые кадры, Крапивин сильно побледнел

и впился взглядом в экран телевизора. Мне показалось, что он даже дышать перестал.

И только когда на экране появилась Дженнифер, Рыжий открыл рот, словно хотел ее окликнуть, да так и досидел до конца показа в классической позе дебила; только слюней не хватало.

Он был даже не удивлен, а сражен наповал.

– Ну как, впечатляет? – спросил я Крапивина, когда Марк выключил видеоманитофон.

– К-хр... Кир... Кх! – Рыжий изо всех сил пытался справиться с онемевшими голосовыми связками. – Это же д-дача Кирика...

Он узнал место, где происходили события. Значит, Крапивин был хорошо знаком с бывшим директором центрального рынка. Мало того, ему приходилось бывать у Кирика в гостях, раз он так быстро определил, что за здание мы ему показали.

– Верно, – ответил Плат, забирая вожжи управления разговором в свои руки. – Сейчас ты увидел то, о чем понятия не имеют правоохранительные органы, расследующие убийство Клычкова. Мы скрыли от следствия по «мокрому» делу важную улику и, сам понимаешь, нас за это по головке не погладят... если, конечно, узнают об этой кассете. Но так мы поступили только потому, что наш клиент – ты.

– Спасибо, – натужно откликнулся Рыжий, все еще плохо владеющий своим языком.

Гони бабки! – вертелось у меня на языке. За спасибо ничего не купишь. Я только сейчас, после слов Сереги, осознал, что из-за этой пленки мы можем иметь очень большие неприятности.

И тогда нам понадобится много денег, чтобы отмазаться от бывших коллег Плата, у которых аппетит как у Годзиллы. Вполне может так получиться, что придется отдать почти всю «зелень», полученную от Крапивина.

Это называется пошли по шерсть, да сами вернулись стриженными...

– А теперь у меня есть вопрос: что связывало тебя и Клычкова? – спросил Плат. – Я не имею ввиду бизнес. По-моему, картина гораздо сложнее.

– Что связывало? – Рыжий надолго задумался.

Мы терпеливо ждали. Наконец он ответил:

– В общем, ничего такого... И бизнес с ним я не вел. Он старше меня лет на двадцать. Я узнал его через своих родителей. Батя был с ним знаком еще с детства – жили на одной улице. В советские времена Клычков работал на центральном рынке мясником, вот мои старики и пользовались своим знакомством, чтобы купить кусок мяса без очереди, да посвежей и посочней.

– Тогда как объяснить, что Дженнифер нашла убежище именно у Клычкова? Ты с ним свою невесту знакомил?

– Н-нет... – Крапивин растерянно развел руками. – С какой стати?

– Но ты ведь был вхож в его дом?

– В какой-то мере.

– То есть?...

– Иногда мы собирались компанией, в основном на чьей-нибудь даче, в том числе и у Кирилла. Шашлыки там, водка-пиво, в бильярд поиграть, ну и девочки... случалось. Это когда еще он был в разводе со своей первой. А когда Зинка появилась, наши мужские междусобойчики прекратились. Она следила за ним денно и нощно. Баба, доложу я вам, как смола. Прилипнет – не оторвешь.

– Значит, вы не дружили...

– Нет. С друзьями в наше время туго. Партнеры, хорошие знакомые, приятели, нужные люди, наконец девочки для развлечений... Не более того. На настоящую дружбу нет времени. Это если честно.

Что делают с человеком большие деньги... Неужели всю свою молодую жизнь нужно положить на то, чтобы к весьма обеспеченной старости остаться в полном одиночестве и сидеть в золотой, украшенной бриллиантами клетке за каменными стенами, в окружении не старых добрых друзей, а вооруженной охраны и злобных сторожевых псов? И это в лучшем случае.

А в худшем...

Об этом нужно спросить олигархов, которые уже трут нары в местах не столь отдаленных, расположенных на южном побережье северного моря.

– Когда ты видел Клычкова в последний раз? – продолжал расспросы Плат.

– Не очень давно... – Рыжий наморщил лоб. – Точно не помню, но уже после приезда из Америки.

– То есть, когда ты привез Дженнифер...

– Да.

– Встреча была случайной?

– Дай подумать... М-м... Нет, не случайной. Он позвонил мне и дал новый номер своей мобилки.

– Это что, в вашей среде так принято – при изменении реквизитов, сообщать новые всем друзьям и знакомым?

Крапивин кисло ухмыльнулся.

– С какой стати? – Он поерзал в кресле и помассировал затекшую ногу. – Для этой цели и существует секретарь. Который точно знает, кто есть кто, и кому можно дать номер личного телефона шефа, а кому нет. Больше мне делать нечего, как обзванивать своих приятелей...

– Ясно. Значит, Клычков сам проявил такую инициативу. Интересно, для кого он оставлял этот номер, а? – Плат остро прищурился.

– Что значит – для кого? Извини, намек не понял.

– Это не намек, а констатация факта. Ты куда заносишь телефонные номера?

– На работе – в блокнот, всегда ношу его с собой. Но там записаны только номера телефонов близких мне людей и подразделений фирмы. Визитки многочисленных деловых

партнеров находятся в офисе. А дома у меня есть большая телефонная книга. Там у меня адреса и телефоны, так сказать, в полном объеме, все продублировано на всякий случай... Я завел ее лет пятнадцать назад.

– И лежит эта книга в тумбочке, на которой стоит телефон...

– А где ее нужно держать? Не в сейфе же. Я как-то хотел перенести все данные из нее в ноутбук, да поленился. И вообще, мне не нравится вся эта электроника. Я ей не доверяю. Подхватит комп какой-нибудь вирус, и привет. Всем данным каюк. А что написано пером, того не вырубишь и топором. Книга надежней.

– Кто спорит... Получается, что стоило Дженнифер раскрыть телефонную книгу в твое отсутствие, и номер телефона Клычкова вот он.

– Как бы не так... – Крапивин ухмыльнулся. – Я ведь говорил, что она не знает русского языка. Ни читать, ни говорить не умеет. А Кирилл по-английски ни бельмеса. Как они могли бакланить?

– Судя по нашему фильму, общий язык они нашли быстро. – Плат скептически посмотрел на Рыжего. – А еще хочу сказать тебе, что ты сильно заблуждаешься насчет языковых проблем твоей Дженнифер.

– Кончай говорить загадками! Что ты имеешь ввиду?

– На каком языке Дженнифер написала тебе письмецо?

– На своем родном. А на каком же еще?

– Хорошо бы знать, какой из двух языков – английский или русский – для нее родной...

– Что? Ты хочешь сказать?... Нет, это невозможно! Она американка... хрен знает, в каком колене. Ее прадед приплыл в Америку едва не на этом... как его?... – «Мейфлауэре».¹¹

– И тем не менее, твоя американская невеста шпарит по-русски, как по писаному. Уж поверь мне.

– Точно?

– Спрашиваешь... Мы деньги зря не берем. И работу свою знаем. Так что придется тебе поверить мне на слово. Пока на слово. Возможно, в скором времени ты увидишь свою ненаглядную. Тем более, что она уже начала слать тебе приветы.

– Обалдеть... – Рыжий выглядел ошеломленным.

– И это еще не все... – Плат грозно зыркнул в мою сторону и по его глазам я понял, что он приказал мне «Молчи!». – Мы выяснили, что охота шла не на Клычкова. Он попал под расклад почти случайно. Просто опоздал с выездом на работу, тут на него и наткнулись...

Что он задумал? Или это новая версия? То, что хмыри в камуфляже прибыли на виллу Кирика, чтобы разобраться именно с ним, у нас вроде сомнений не было.

Под раздачу Дженнифер попала случайно, – скорее всего

¹¹ «Мейфлауэр» («Mayflower» – «Майский цветок») – название корабля, на котором группа английских переселенцев-пуритан (обычно называемых в зарубежной литературе «отцами-пилигримами») прибыла в 1620 году в Массачусетс.

– и ушла от опасности только благодаря отменной выучке плюс способности к предвидению.

Есть такая наука в арсенале ниндзя. Это сплав интуиции и многочасовых тренировок в полной темноте, когда человек не знает, откуда последует удар, какое будет использовано оружие, и что у него под ногами.

Видимо, она заметила снайпера, который ждал в засаде появления во дворе Кирика с охраной, но предупредить любезного хозяина не успела. А может, и не захотела, поняв, что его уже не спасти, – чтобы не раскрывать свое инкогнито.

– Охотились на Дженнифер. Притом очень серьезные люди. Да ты и сам это видел...

– Видел, – хмуро подтвердил Крапивин.

– Но не все. Убегая, Дженнифер замочила одного из этих.

– Не может быть!

– Еще как может; твоя невеста – очень способная девушка.

Мы там были. Жаль, что опоздали...

– И как она его?...

– Красиво. Сюрикеном в горло.

– Так тому козлу и надо, – мстительно сказал Рыжий. –

Молодец, Джен!

– Так-то оно так, да вот с хаты как? Это есть такая байка.

– На что ты намекаешь? – насторожился Крапивин.

– Ну, во-первых, когда вы поженитесь, держи свои руки при себе. Не вздумай когда-нибудь попробовать ее вздуть. Она вмиг тебя уроет. Это я сказал в качестве пролога. Дру-

жеская забота. А во-вторых, Дженнифер проходит по «мокрому» делу. Мы не в джунглях, не в Африке. Это там можно все списать на крокодилов. Когда-нибудь менты докопаются до доньшка. Тем более, что дело ведет очень толковый оперативник.

– Она защищалась! Я найду ей лучших адвокатов!

– Верно, защищалась. И по поводу адвокатов у меня нет сомнений. Любой суд ее оправдает. Тем более – наш. Все-таки она твоя невеста, а это в нашем городе много значит...

Чертов льстец! Не мытьем, так катаньем... Интересно, что Плат задумал? Неужто намеревается, раз уж не удалось прыгнуть с этого дела, выдавить из Рыжего еще тыщ двадцать? Так сказать, за вредность.

Раньше на вредных для здоровья предприятиях давали поллитра молока в смену, но мы берем только «капустой», и не брюссельской, а американской, позеленее.

– Тогда я не понимаю... – Крапивин в недоумении хлопал длинными рыжими ресницами.

– Брось... Все ты понимаешь. Власть официальная ее не тронет. А вот те, что завалили Клычкова, достанут ее из-под земли. Даже в Америке. Судя по подготовке и слаженности действий, это серьезная сила. Нашей конторе с ними не совладать.

Рыжий немного помедлил, взглядываясь в лицо Сереги, а затем сказал:

– Значит, вы именно по этой причине, как я понял, хотите

уйти в отказ...

Я мысленно отдал должное его проницательности. Что значит бизнесмен. Сразу определил в разговоре все подводные камни, несмотря на маскировку Плата.

– Очко играет, Костя, – доверительно сказал Плат. – Мы ведь не какая-нибудь группировка, а всего лишь детективное бюро. У нас нет силовой составляющей... – «Во брешет!», восхитился я рассказами Сереги. – И всякие там разборки нам не по зубам. Твою Дженнифер мы практически нашли. По крайней мере, точно определили, что она жива и здорова и по-прежнему к тебе равнодушна. Мало того, мы примерно знаем, в каком районе города Дженнифер прячется. Так что заарканить ее – дело техники.

– Так в чем вопрос?

– Я уже объяснил. Если ты не понял, уточняю – нам нужно серьезное прикрытие. Иначе мы выходим из дела.

– Какие мелочи... Будет вам прикрытие. Сколько нужно людей?

– Два экипажа по три человека на надежных тачках. Все со стволами. И чтобы это были не просто крутые пацаны, а народ обстрелянный, битый. Нужны профи, Костя.

Рыжий немного помедлил и без особого энтузиазма ответил:

– Есть у меня такие...

– Твоя личная гвардия? – не удержался, чтобы не поинтересоваться Плат.

– Вроде того.

– Отлично. Значит, договорились?

– Да. Когда они понадобятся?

– Еще вчера.

– Понял. Распоряжусь... – Рыжий посмотрел на свои наручные часы, которые тянули не меньше чем на полмиллиона баксов. – Бойцы поступят в ваше распоряжение через пару часов.

– Заметано, – ответил Плат. – Думаю, твои парни будут задействованы максимум неделю. Но чтобы их ни на что не отвлекали!

– Козе понятно, – хмуро ответил Крапивин.

После его отъезда некоторое время мы пребывали в полной прострации. Марк потому что кайфовал – Рыжий выделил нам на текущие расходы еще две «штуки» баксов (даже без просьбы с нашей стороны; просто бросил «капусту на стол и откланялся), Плат мучился в сомнениях – не дал ли он маху, согласившись продолжать дело, а что касается меня, то я меланхолично думал о превратностях судьбы.

Почему у Рыжего бабок валом, а я едва могу наскрести несколько сот тугриков на пару вечеров в приличном ресторане? Он что, умнее Марка, Плата и вообще всех нас, вместе взятых?

А ни хрена подобного! Крапива (так мы называли его в школе; это было второе прозвище) никогда с неба звезд не хватал.

И тем не менее, сейчас он крупная шишка в городском масштабе, денежный мешок, а мы, большие умники, всего лишь моськи у него на побегушках. Где справедливость!? А не пора ли ее восстановить?

Мои революционные мысли – я уже строил злокозненные планы будущей экспроприации экспроприаторов – прервал немного измененный селектором голос Фиалки:

– Сергей Александрович! На связи группа наружного наблюдения. Соединять?

– Соединяй.

– Шеф! – послышался возбужденный голос нашего сотрудника, которого все уважительно кликали Михеич, хотя ему недавно исполнилось сорок. – Она здесь!

– Кто «она» и где это «здесь»? – недоуменно спросил Сергея, все еще пребывающий в мучительных размышлениях.

– Ну эта... что вы дали мне фотку. Приехала, как вы и говорили, на «мерсе» и вошла в здание. С охраной.

Я даже подпрыгнул на диване от такого неожиданного известия. Опа! Птичка опять прилетела на насест! Я вскочил, подбежал к столу Плата и крикнул в микрофон:

– Михеич! Держи ее на коротком поводке! Я выезжаю! Будь со мной на связи!

– Стой! – схватил меня Плат за рукав. – Зачем!? Мы ведь договорились последить за ней.

– А затем, что пора подстегнуть события. Иначе будем бегать за этой ниндзя-сан до посинения. Нужно идти на близ-

кий контакт с противником. В противном случае мы проиграем. Выигрывает тот, кто бьет первым. Это почти правило. Вы ждите подкрепление, обещанное Рыжим. Оно может понадобиться уже сегодня. Все, покуда! Машину я забираю. Марк, ключи на стол.

– Еще чего! – взвился Маркузик. – Мне самому машина сегодня будет нужна.

– Давай, не испытывай мое терпение! К своей телке покажишь на такси. А тут дело горит. Или тебе не нужны обещанные Рыжим двадцать тысяч?

– Отдай ему ключи, – хмуро приказал Плат.

– На! – Марк демонстративно бросил связку ключей на диван. – Чувствую, что и моей тачке скоро будет хана. Ему можно доверить только каток для укладки асфальта. И то на ровном месте.

Я широко ухмыльнулся и пообещал:

– Заработаем бабок, куплю себе бронетранспортер. Чтобы переехать тебя вместе с твоим гребаным «фольксвагеном», который давно забыл, что такое мойка.

Маркузик вскинулся, принял ораторскую позу, но я уже закрывал за собой дверь кабинета.

Мои мысли были далеки от наших пикировок.

Глава 18

Михеич устроил себе великолепный наблюдательный пункт. Я даже позавидовал его смекалке.

Он устроился в нескольких шагах от здания бывшего проектного института – в стоящем рядом с ним пятиэтажном доме сталинской постройки (у которых потолки высотой выше четырех метров). Михеич снял вместе с напарником дверь парадного – наверное, единственную в округе, на которой не было цифрового замка – и старательно ее «ремонтировал».

Ремонт заключался в том, что они то снимали какую-то планку, то снова ставили ее на место при помощи шурупов. Со стороны казалось, что двое работяг пашут в поте лица, время от времени устраивая, как это и положено в российской традиции, длительные перекуры.

В общем, не прикопаешься, даже если что-то и заподозришь.

Рабочий класс в новой России стал почти незаметным, как невидимка. Времена пролетарской гегемонии ушли в прошлое. Если и показывают с голубого экрана работяг, так в основном нелегальных мигрантов в рубрике «Что с ними делать?».

Временами я просто сочувствую чиновникам высокого ранга, которые иногда (очень редко) выходят «в народ». Это

же какую нужно иметь силу воли, чтобы натянуть на свою холеную барскую физиономию чистосердечную улыбку, а затем пожать несколько мозолистых натруженных рук!

Обалдеть...

Но чего не сделаешь ради имиджа. Руку можно и протереть гигиенической противомикробной салфеткой. Главное, побыстрее, чтобы не подхватить какую-нибудь заразу.

И снова в мягкое кожаное нутро представительского «мерса», за тонированные стекла, где так приятно мечтать о великом будущем России и о собственных дивидендах на пути к этой благородной цели.

Когда я подошел к дому поближе, – машину мне пришлось оставить немного поодаль – то понял, почему дверь не обили железным листом и не врезали в нее замок. Такие подъезды называют «братскими могилами».

В них на всех этажах ютятся различные полуподпольные ООО, ЗАО, крохотные рекламные фирмочки и микроскопически малые, нередко липовые, турагенства, а также офисы различных карликовых партий типа анархо-синдикалистов, правоцентристских либералов, кадетов, монархистов, партии любителей пива и полных женщин, общества защиты геев и лесбиянок, ну и т. д. и т. п.

Поэтому дверь подъезда никогда не закрывается и похожа на ворота свинарника, насколько она грязная и раздолбанная. Что поделаешь – у семи нянек дитя без глаза. Обитатели всех офисов в подъезде решают важнейшие экономические

и социальные задачи нашего недоразвитого капиталистического общества, а тут какие-то двери...

Я прошел мимо «ремонтников», даже не глянув на них, потому что постоянно помнил об электронных глазах таинственного «Альянса», которые денно и нощно наблюдали за улицей. Я лишь тихо посвистел.

Когда я завернул за угол дома, который скрыл от меня здание бывшего проектного института, то услышал позади мягкие крадущиеся шаги. Это была фирменная походка Михеича.

Наружное наблюдение, которым он занимался в нашем агентстве, не было для него внове. Михеич – бывший мент, и служил он начальником отдела собственной безопасности УВД. Нет, его не вычистили из славных рядов нашей милиции. Он сам ушел.

Причина была всего одна – взятки.

«Суки, – жаловался он, – по пять раз на дню пытались дать на лапу. Свои же! Ну не могу я мзду брать, с души воротит. И что мне оставалось делать? Одного раскрутишь, второго, третьего... посадят их или уволят, а мне как жить дальше? Город наш ведь небольшой. Каждая собака друга друга знает. Начальство косится; ты, говорят, все наши кадры пересяжешь. С кем работать будем? Помыкался я, помыкался, два раза по мне стреляли, однажды гранату в окно квартиры бросили, – хорошо, что дети были на даче, а я как раз вышел на кухню – и решил завязать. В нашей системе трудно быть

белой вороной...»

Михеич был классным спецом. Плат взял его в наше О.С.А. по старой дружбе. И ни разу не пожалел об этом.

Я сел на скамейку в тени тополей и полез в карман за сигаретами. Михеич нарисовался рядом спустя минуту. Похоже, он проверял, не следят ли за нами.

Михеич тоже закурил, раскрыл газету, которую кто-то забыл на скамейке, и закрылся от прохожих бумажным экраном, «погрузившись в чтение». Хорошо хоть держал газету не вверх ногами...

– Приехала на «мерсе», как меня и ориентировали, – начал отчитываться он вполголоса, почти не шевеля губами. – С дамочкой какой-то козырный хмырь и охрана – два «быка». Машину загнали во двор, охранники зашли внутрь.

– Срисовал?...

– Да. Сделал шесть снимков. Освещенность хорошая, фотки должны получиться нормальные.

– С чем тебя и поздравляю.

– Что дальше?

– Упадём ей на хвост. Поведем «мерс» двумя машинами.

– Кто впереди?

– Сначала ты. Но будем меняться. На всякий случай. Цикличность – пять минут.

– Нормально. В городе долго висеть на заднем бампере опасно. Могут засечь.

– Могут. Фирма солидная. Не исключено, что у этой телки

есть еще и машина сопровождения. Только она не светится. Ты ничего такого не заметил?

– Как будто нет... – Голос Михеича предательски дрогнул.

– Надеюсь...

Я докурил и бросил окурок в урну. Михеич по-прежнему «читал».

– Дверь навесьте, – сказал я, поднимаясь. – Чтобы потом не оставить ее на ступеньках бесхозной. Вмиг сопрут, у нас народ шустрый. И продолжайте ковыряться. Но ухо держите остро... – Тут я запнулся, потому что мне в голову пришла другая мысль. – Нет, не так. Пусть твой напарник продолжает изображать работягу, а сам садись за руль. Эта дамочка питает слабость к нестандартным решениям. Нужно постоянно быть начеку. Только дверь все равно поставьте на место!

Я сидел в машине и нервно постукивал ногой по педали тормоза. Очень не люблю ждать. Да и кто любит?

Время тянется так медленно, что хочется завывать от тоски. В голову лезут разные непотребные мысли, в горле – сушь, а глаза готовы всосать бутылку дорогого шотландского виски, выставленную в витрине бутика, возле которого я припарковал «фольксваген» Марка.

С этого места хорошо просматривалась «девятка» Михеича, чего нельзя было сказать о здании бывшего проектного института, где окопалось, судя по нашим данным, одно из подразделений «Альянса». Такая неудачная позиция еще

больше меня нервировала, но подъехать поближе я не имел права из конспиративных соображений. Да и не мог – там припарковаться было негде.

Проклятая техника! – злобился я, вспоминая видеокамеры, утыкавшие здание со всех сторон. Как хорошо было Шерлоку Холмсу без этих всевидящих стеклянных глаз. Переделся нищим и вышивай по Лондону, сколько душе угодно.

А тут пройдешься мимо здания несколько раз в таком наряде – и все, ты приплыл. Сразу вычислит служба безопасности. Если там, конечно, сидят не лохи.

Но, судя по моему опыту, в «Альянсе» таких не держат.

– Ну что там, Михеич? – не выдержав долгого ожидания, я включил мобильное переговорное устройство.

Это был шедевр инженерной мысли, сконструированный Маркузиком. Кроме своей основной функции – обеспечивать оперативную связь наших агентов, гавкунчик Марка был еще и диктофоном, но скрытого типа. Не разобрав аппарат, сроду не догадаешься, что у него внутри.

Диктофон работал на запись и ретрансляцию даже при отключенном переговорном устройстве, стоило лишь нажать хорошо замаскированную кнопку. А еще в аппарат был встроен мощный радиомаяк, благодаря которому с центрального пульта нашего агентства можно было следить за передвижениями сотрудников по городу и его окрестностям.

– Пока тихо.

– Дверь навесили?

– Обижаешь... Конечно. – Михеич вдруг заржал. – Нас еще и обругали за некачественно выполненную работу.

– Кто?

– Какой-то начальник. Толстый, плешивый и вредный. Планка, говорит, криво присобачена. А мы всего лишь поставили ее на прежнее место.

– Это еще раз подтверждает известную истину, что у мен-тов – даже бывших – руки не из того места, что надо, выросли.

Михеич снова хохотнул.

– Что да, то да. Когда я дома забиваю хотя бы один гвоздь, моя жена устраивает праздник, – сказал он весело. – Для нее видеть меня в качестве хозяина – неординарное событие... Стоп, внимание! Появился объект! Я стартую.

– Удачи!

Дождавшись, пока машина Михеича вырулит на проезжую часть улицы, я последовал за ней, строго выдерживая дистанцию. Меня пока волновало только одно – удастся ли продержаться на хвосте «мерса» достаточно долго?

Дело в том, что крутые и «новые» чихать хотели на правила дорожного движения. Они ездят, как им вздумается. В отличие от нас, простых смертных.

Если «мерседес» с нашей дамочкой поперет на красный свет светофора, то Михеичу (да и мне тоже) придется хорошо подумать, прежде чем последовать за ним.

Козырный «мерс» наши доблестные регулировщики автомобильного движения во избежание неприятностей могут и «не заметить», а нас точно остановят...

На удивление, преследуемая нами машина четко выдерживала скоростной режим, предписанный правилами. Что, в принципе, было понятно. Это только у нас «какой же русский не любит быстрой езды».

А в Америке все подчинено законам, даже если некоторые из них совсем дурацкие.

Наверное, американка строго-настрога приказала своему водителю не лихачить. По крайней мере, на городских улицах.

В конечном итоге мы неторопливо пересекли весь город и выехали на шоссе. Здесь «мерс» сильно прибавил в скорости. Теперь уже я шел вслед за ним. «Фольксваген» тоже не хилая машинка, поэтому я шибко не напрягался, чего нельзя было сказать о Михеиче.

Его далеко не новая «девятка» рвала все свои невидимые жилы, чтобы удержаться на хвосте нашего мини-каравана, но это было выше ее возможностей. Постепенно машина Михеича отстала, и мне не оставалось ничего иного, как в одиночку следить за невестой Рыжего... чтоб ей пусто было!

Куда мы едем? Эта мысль все настойчивей стучалась в мою башку, которая на некоторое время превратилась в локатор. Судя по всему, «мерс» держал курс на элитный дачный поселок Залив – тот, в котором жил Крапивин.

Но если машина не свернет с трассы, значит, мне придется ехать вместе с Дженнифер в командировку.

Куда?

А хрен его знает.

Может, в Москву. Что тоже неплохо. Давно я не посещал столичные кабаки. Говорят, что там есть все, что душа пожелает; и даже больше, чем все.

«Мерс» повернул на Залив. Я сразу же начал строить планы. Если Дженнифер едет домой, к своему ненаглядному жениху, то это просто здорово. Только она на порог – а тут и я нарисуюсь.

Принимай, Рыжий, свое сокровище и плати бабки!

Сама приехала? Ха-ха! А кто у нее висел на хвосте? Наша фирма веников не вяжет...

Верно говорится, что дурак думкой богатеет. Но и это еще полбеды. А вот то, что я на какой-то момент утратил бдительность, это совсем было худо.

Меня ущучили элементарно. Двигающийся мне навстречу «лендровер» неожиданно перегородил узкую лесную дорогу, а когда я наконец сообразил, что попал в переплет, и хотел дать задний ход, чтобы развернуться, сзади мой «фолькс» подпер железный крокодил под названием «хаммер».

Все, брат Сильвер, ты приехал...

Эта мысль еще металась внутри моей враз опустевшей черепной коробке, а меня уже вытаскивали из салона весьма крепкие парни.

Единственное, что я успел сделать, так это нажать «тревожную» кнопку на мобильном переговорном устройстве и запихнул его в нагрудный карман. Этим я включил и передатчик, и красную сигнальную лампочку на пульте оперативного дежурного по агентству.

– Вы чё, мужики!?! – возопил я возмущенно.

– Руки на капот, сука! – рывкнул один из парней. – И ноги расставь пошире.

– Зачем пошире? – спросил я с невинным видом совсем обалдевшего от неожиданности лоха.

Парни вдруг загоготали. Радуются, козлы; как же, ущучили клиента, словно на учениях, – легко и без потерь личного состава.

– Сейчас мы все вместе тебя поймем, – грубо пошутил один из них.

– Стой смирно, и не дергайся! – приказал второй, и с профессиональной сноровкой обыскал меня.

Я мысленно ухмыльнулся; правда, без особой радости. Из оружия у меня имелась только металлическая расческа, но она могла быть опасной лишь в умелых руках.

Вскоре на капоте передо мной лежало все мое имущество: носовой платок, расческа, переговорное устройство, кошелек и права. Мне показалось, что парни были немного разочарованы таким «уловом».

Наверное, они ожидали, что я держу в кармане, как минимум, пистолет или гранату.

– Вы кто? – спросил я блеющим голосом. – Менты... извините!... милиция?

Парни снова нехорошо заулыбались.

– Скоро узнаешь, – ответил тот, которого я назвал извращенцем; это он вознамерился меня поиметь.

Этого пидора, решил я, завалю первым. Если, конечно, подвернется удобный момент...

– Зачем вы остановили меня? – спросил я уже нормально. – Я ничего не нарушил. Я буду жаловаться!

– Кому, идиот? – сказал один из парней, постарше, и командовал: – Наденьте клиенту «браслеты»! Щегол, сядешь за руль его тачки. Пора отсюда сваливать.

Я покорно подставил руки и на меня надели наручники. А что я мог сделать в этой ситуации?

На меня черными зрачками смотрели три ствола, и один из них назывался «калашниковым». Против этой машинки сильно не попрешь. Враз переполовинит.

Конечно, зная точно, что меня повезут на расстрел, попытку освободиться я бы сделал. Пан или пропал. Все равно впереди могила. Какая разница, где получать пулю – под стенкой или на лесной дороге.

А так, может, и прихватил бы кого-нибудь с собой за компанию. Все-таки вдвоем брести по серым равнинам как-то веселее, чем в одиночку.

Но мне предстоял, скорее всего, разговор. Уж не с Дженнифер ли? Как эта американская сучка ловко вычислила

слежку!

Потому и «мерс» по городу еле полз, что совсем не похоже на его статус машины крутых и неприкасаемых...

Ей нужно было, чтобы я не потерялся и чтобы доехал до этой лесной дороги, где меня уже ждали бойцы «Альянса». Интересно, что там с Михеичем? Или он остался вне поля зрения этой дамочки?

Хорошо бы...

Вполне возможно – его «девятка» менее заметна, чем «фольксваген» Марка. К тому же на трассе маячил только я.

Что же мне плести во время допроса? А разговор точно выльется в допрос.

Надо подумать...

Время подумать мне дали больше, чем достаточно. Меня сначала запихнули в «хаммер», предварительно натянув на голову черный мешок, чему я немного порадовался. Значит, есть надежда, что меня освободят, потому как они не хотят показывать дорогу, по которой мы ехали.

Затем еще примерно десять минут езды, и меня вытащили из машины, чтобы запихнуть в какой-то подвал. Нужно сказать, что со мной особо не церемонились. Я не спустился в подвал по ступенькам, как человек, а от мощного пинка под зад пролетел по воздуху, словно большая неуклюжая птица, метра три или четыре.

Хорошо, что во мне проснулся в свое время отработанный до автоматизма инстинкт специалиста разных тайных

дел. Нас учили не падать, а приземляться. С любого, даже самого неудобного, положения.

Если уж и не на ноги, то на четыре кости – как кошка.

Иногда я смотрю на футболистов, и мне становится неудобно за футбольную науку. Пацаны просто не умеют падать, из-за чего часто травмируются. А ведь всего полгода занятий по специальной методе, и они от любой подножки катились бы по полю, как колобки, – без ущерба для ног и здоровья.

Я снял колпак из плотной материи только в подвале. И не увидел ничего. Вокруг царила крошечная тьма.

Прежде, чем обследовать подвал – уж не знаю, зачем; наверное, из обычного человеческого любопытства – я принялся. Пахло мочой и человеческими экскрементами. Они что, зачихнули меня в выгребную яму?

Хреново...

Я попробовал пол под ногами. Твердый. Кажись, дикий камень или брусчатка. Уточнить этот момент рукой на ощупь мне почему-то не захотелось.

Может, это канализация? Мне было известно, что под старой частью города есть длинные галереи, которые используются коммунальщиками для отвода дождевых и прочих стоков.

Эти галереи выкопали еще в средние века, так как наш город имел древнюю историю. Первоначально галереи использовались как тайные ходы, а несколько позже, начиная с де-

вятнадцатого века, их приспособили под канализацию.

Но нет, этого не может быть. Я не в галерее под городом, а в другом месте. «Хаммер», в котором меня везли, ехал прямо, не разворачиваясь. Значит, я нахожусь где-то в районе Залива. Возможно, в подвале какого-нибудь особняка.

Но почему тогда здесь так дурно пахнет?

Объяснения пришло сразу, едва я начал свой обход. Сделав несколько осторожных шагов в сторону – мне почему-то показалось, что там находится стена – я вдруг наступил на что-то мягкое.

И тут же раздался чей-то испуганный голос:

– Ой! Что это!?! Кто здесь!?!

Нужно сказать, что я поначалу сдрейфил. Я отпрыгнул в сторону с такой резвостью, словно наступил не на лежащего человека, а, по меньшей мере, на пятиметровую кобру. Мое сердце заколотилось в груди, как бычий хвост.

– А ты... ты кто? – спросил я непослушным языком.

– Я уже никто... – В темноте слышались хлюпающие звуки; похоже, мужик плакал.

– Не разводи здесь слякоть! – сказал я сурово. – Ты что, заложник?

– Д-да... Что-то вроде того.

– А точнее?

– Я бизнесмен... был бизнесменом.

– Понятно... Чай, много задолжал и решил смыться? А тут тебя и прихватили.

– Нет, все было не так... – Судя по голосу, мой сокамерник (назовем его так), немного приободрился. – У меня хотят забрать дело. Я долго не поддавался, но потом... – Он вдруг умолк.

– Потом приехали бойцы и заперли тебя в этой клоаке, – высказал я предположение. – Верно?

– Да...

– Они хотят, чтобы ты подписал какие-то бумаги?

– И не только... – В рыхлом голосе сокамерника вдруг прорезались жесткие нотки. – Им подавай еще и номера заграничных счетов. Хрен они что получают у меня! Фирму пусть забирают, нужные документы я уже подписал. Но до бабок им не добраться. У меня семья – двое детей, мать, жена... С чем я их оставлю!?

– Долго тебя держат?

– Может, месяц... или два. Здесь время отсутствует.

– Бьют?

– Поначалу били. Кололи всякую дрянь... думали, все разболтаю. Как бы не так! Я и сам не помню точно эти номера. Все они хранятся в ячейке одного из германских банков, записанные на бумаге. И доступ к ячейке имеет только жена. А она за бугром. Ее оттуда им не достать.

– Я так понимаю, только это обстоятельство и держит тебя на плаву...

– В общем, да... Иногда раскисаю... тяжело здесь... Кормят, как собаку, какими-то помоями. Параша здесь, рядом,

в углу... Вторую неделю никто ее не выносит. Паскуды... Я теперь в основном сплю. Силы уходят... Даже не услышал, когда тебя сюда запихнули. Быстрее бы сдохнуть...

– Думаешь, не выпустят?

– Конечно, нет. Как только они получают свое, так и привет... Здесь же и зареют. А ты как сюда попал? Тоже бизнесом занимаешься?

– Случайно попал, – ответил я осторожно; вдруг этот сокамерник подсадная утка или подвал напичкан подслушивающими устройствами. – Остановили посреди дороги, общмонали, запихнули в «хаммер» и привезли сюда. От бизнеса я далек. А в кармане у меня вошь на поводке да комар на цепи. Не знаю, что и думать...

– Сюда случайные люди не попадают. Темнишь...

– С какой стати? Я даже не подозреваю, кто эти люди и где мы находимся.

Это я сказал громко и отчетливо, в надежде, что нас подслушивают. Вдруг поверят и выпустят...

– Я тоже не знаю... – Сокамерник вдруг снова начал всхлипывать. – Деток жалко... Никогда больше их не увижу...

– Крепись. Надежда умирает последней. Я не думаю, что они такие изверги.

– Я пытаюсь крепиться. Но в душе...

М-да, в моей душе тоже было невесело. Если этого мужика готовят к закланию, то и мне прикрутится трандец. Сви-

детелей таких дел в живых не оставляют.

Меня, конечно, поспрашивают, возможно, слегка поджарят, чтобы я стал немного румяней и стоворчивей, не исключено, что попотчуют «сывороткой правды» (вдруг я знаю что-то сногшибательное?), а затем вывезут в лес и шлепнут, как врага народа. И никто не узнает, где могилка моя... или как там в песне поется?

Печально. Остается слабая надежда на Михеича... если, конечно, и его не захомутали. А также на оперативного дежурного, который не проспал сигнал «SOS», посланный мной говорилкой.

Долго куковать мне в крошечной темноте не дали. Отворилась тяжелая дверь подвала, и басистый голос скомандовал:

– Новенький, выходи!

– Ну, бывай, – сказал я сокамернику. – Держись. Ежели не вернусь, можешь считать меня коммунистом.

– Почему?

– Это любимая фраза писателей-соцреалистов. Когда я читал ее, у меня слезы с глаз капали. Если меня не вернут сюда, значит, выведут в расход.

– Эй, вы там! Кончайте болтать! Или я сейчас спущусь к вам.

– Уже бегу, гражданин начальник!

Я быстро одолел, как оказалось, двенадцать крутых ступенек (ни фига себе полет у меня вышел!) и оказался еще в

одном подвале – так сказать, этажом выше.

Это было вполне приличное, чистенькое и хорошо освещенное помещение, сплошь заставленное ящиками и коробками. Судя по этикеткам, в них хранились консервы и другие не скоропортящиеся продукты. Вдоль одной из стен стояли стеллажи с очень даже приличной коллекцией вин.

Похоже, хозяин этого подвала затарился на случай ядерной войны, подумал я, топя вслед за обладателем мощной спины и не менее широкой задницы. Позади меня конвоировал хмырь под два метра ростом со шрамом на всю левую щеку. Он не оставлял ситуацию на авось, и держал в руках пистолет.

Как я и предполагал, меня привезли в Залив. Это я сразу определил по высоченным соснам, которые росли как за высоким каменным забором, так и внутри периметра. Такие лесные патриархи растут только в Заливе.

Солнце на миг ослепило меня, и я зажмурился, а когда открыл глаза, то оказался на выложенной плиткой дорожке, ведущей к летнему павильону.

Оставшаяся позади вилла, на которую я успел бросить лишь мимолетный взгляд, впечатляла. Это было очень большое трехэтажное здание в стиле модерн, но с варварскими усовершенствованиями, в которых угадывались древнерусские мотивы.

«Патриот...», – подумал я о хозяине дачи (вернее, поместья) не без горькой иронии. Значит, будут бить.

У богачей с европейским складом мышления в ходу более изощренные способы развязывать языки. А чисто русская традиция в таком деле предпочитает кулаки.

Пытка, например, каленым железом, это просто получение информации, притом дурно пахнущее горелым мясом, а избить человека до крови, до состояния, когда в нем уже не осталось ничего человеческого, это значит унижить его, низвести до уровня раба, собаки.

Не зря в довоенное время немецкие мастера заплочных дел – гестаповцы, приезжали перенимать опыт у советских коллег из НКВД, работающих по русской старинке, но с потрясающим эффектом...

Глава 19

Я попал как раз вовремя. Шашлыки уже начали плакать прозрачными жирными слезами на угасающие угли, источая потрясающий аромат; еще минут пять-семь и можно было приступать к трапезе. При этой мысли у меня даже живот свело.

Я только сейчас понял, как сильно проголодался...

Компания, которая меня встретила, состояла всего из двух мужиков вполне презентабельного вида, которые смотрели на меня с нехорошим интересом. В ожидании шашлыков они очень даже неплохо расслабились водочкой, судя по почти опустевшему графину, и теперь желали, как я понял, зрелищ.

Нужно сказать, что некоторые мои надежды не оправдались. Я страстно желал, чтобы из охраны во время «переговоров» при мне остались только два моих конвоира.

Несмотря на внушительные габариты, эти быки туго соображали, были плохо подготовлены (это я определил сразу; в этом деле я собаку съел) и главное, показались мне слишком самоуверенными.

А это очень большой минус. Иногда даже малявка может преподнести неприятный сюрприз, а уж человек наподобие меня, с навыками убийцы, – и подавно.

Но мне снова не повезло. Возле летнего павильона окола-

чивались еще три парня, и все со стволами (двое присматривали за мангалом, а третий находился возле стола).

Блин! До чего же умирать не хочется...

– Так, так... – Эти слова изрек, глядя на меня, старший из двух господ, крепко сбитый мужик с небольшим животиком и квадратным лицом. – Вот мы какие...

– Здравствуйте, уважаемые. – Я чинно склонил голову.

– Ишь ты! – деланно восхитился квадратнолицый. – Вежливый... Может, пригласим его за стол, а, Георгий Иванович? На шашлыки. Вполне приличный парнишка.

– Как пожелаете, Павел Иустинович, как пожелаете... – Георгий Иванович задумчиво обсасывал сахар с лимонной дольки.

Павел Иустинович Курамшин! Значит, меня прихватили парни «Альянса». Ой-ей... Почему-то мороз по коже побужал...

– Но прежде он нам сказочку расскажет, – все так же благодушно продолжал Курамшин. – Поначалу все они врут безбожно. А все потому, что плохо воспитаны.

– Плохо, Павел Иустинович, плохо, – закивал Георгий Иванович.

Этот был, как на меня, чересчур сухощав. Похоже, он сидел на какой-нибудь диете. Возможно, на так называемой «кремлевской», держать которую могут только богачи, потому что в перечень разрешенных к употреблению продуктов в основном входит мясо, ценные сорта рыбы и еще ряд

дорогих деликатесов, неподъемных для кошелька простого гражданина.

А еще я заметил, что дражайший Георгий Иванович делал подтяжку лица. На фоне худой морщинистой шеи оно казалось удивительно молодым и кукольным. Так раньше варганили портреты членов политбюро центрального комитета компартии.

Старые пердуны, из которых на ходу сыпался песок, благодаря ретуши, получались лет на тридцать моложе...

Не исключено, что Георгий Иванович в недалеком прошлом тоже принадлежал к касте избранных – был вторым или третьим секретарем какого-нибудь обкома или горкома партии. Теперь уже такие, как он, – последние из могикан, но за власть они цепляются как черт за грешную душу.

А еще больше им нравятся денежки.

Советская власть, конечно, позволяла воровать своим выдвиженцам, но в разумных пределах. То ли дело нынешняя – бери, сколько утянешь. А если сам не сможешь все проглотить, то облагодетельствуй свою семью и прочих прихлебателей.

Главное, соблюсти некие чиновничьи приличия и чин.

Воровать и брать взятки не по чину уголовно наказуемо. Эта статья записана в Уголовном кодексе между строчек – если хорошо в него вчитаться. И наверное, еще основателем Страны Советов Ульяновым-Лениным, который, сидя в тюрьме, писал невидимыми чернилами, в качестве которых

использовал обычное молоко.

– Я бы и соврал, так не знаю, в чем моя вина. – Я старательно шарил под простака, наивного и немного испуганного. – Меня схватили на дороге, надели наручники... Будто я бандит какой-то. Я ехал по своим делам... всего лишь.

– Да? – Курамшин откровенно веселился. – Это же надо так... Ошибочка вышла, граждане. Трагическая случайность. Человек ни в чем не виноват. Что ж вы его так, а, Макс? – С этим вопросом он обратился к парню, которые стоял за его спиной.

В нем я узнал одного из тех, кто захомутал меня на лесной дороге. Похоже, он был начальником охраны или главным телохранителем Курамшина, потому что остальные парни относились к нему с почтением.

Макс молча передал Курамшину большой конверт и снова занял свое место. Ну просто тебе цепной пес. Чувствуется выучка...

Серые холодные глаза Макса сторожили каждое мое движение, несмотря на то, что мои руки по-прежнему были скованы наручниками.

Курамшин высыпал на стол десятка два фотографий. На одной из них я успел заметить и себя. Я как раз садился в «фольксваген», припаркованный возле бутика. Даже бутылка виски попала в кадр.

Я невольно восхитился – вот это оперативность! Когда же они успели фотки напечатать? Выходит, за нами все время

следили, притом с фотоаппаратом в руках. Эх, Михеич... Какой же ты после этого спец?

Интересно, где и когда мы прокололись? Ведь все было, вроде, в ажуре.

Да, Михеич, кажись, против нас работала наружка посильнее, нежели та, в которой ты получил свои майорские погоны... Неужто бывшие гэбисты?

Тогда дело совсем худо. «Контора» хорошо учила своих сотрудников. И оснащены они были различной подслушивающей и подсматривающей техникой по первому разряду. Думаю, что Курамшин тоже не пожалел бабок на закупку различной иностранной дряни.

– Узнаешь себя, «случайный человек»? – Курамшин начал передавать мне фотографии по одной.

Мать моя женщина! Для начала меня сфотографировали несколько раз тогда, когда я сидел в уличном кафе напротив бывшего проектного института и пил кофе.

Классная у них аппаратура... Такое впечатление, что я позировал перед большой профессиональной камерой.

Понятное дело, над фотографиями поработали спецы – увеличили, подретушировали... – в общем, довели до кондиции. Но впечатления на меня произвели эти фотки сногшибательное.

А затем Курамшин выдал мне порцию свежатинки. Вот я дефилирую мимо двух «работяг», вот Михеич топает вслед за мной, вот мы на скамейке сидим, делаем вид, что незна-

комы, а вот я сажусь в машину...

Блин! Они водили нас как козлов на поводке. А мы лишь ушами хлопали. Хороши... орлы частного сыска, ничего не скажешь...

– Ты удовлетворен? – спросил Курамшин, благожелательно улыбаясь.

– Более чем, – вернул я олигарху местного разлива не менее приятную улыбку. – Классная работа. Сколько я вам должен за эти снимки?

– Ха-ха... Георгий Иванович, а он, оказывается, шутник. – В глазах Курамшина появились опасные огоньки. – Наверное, думает, что его пригласили к теще на блины.

– Думает, конечно, думает. Именно так... – меланхолично закивал Георгий Иванович.

– Так что ты посоветуешь, Георгий Иванович? Как мне с ним поступить?

– Советчик из меня неважный. Уж извините... Тем более, в таких делах.

– Что да, то да... Скажи-ка мне, – Курамшин перевел взгляд на меня, – только честно, где и кем ты работаешь? Смотри, не соври! – В его голосе проскрещетала сталь – словно провели рашпилем по краю металлической пластины.

У меня совершенно не было никаких сомнений в том, что он уже знал, кто я и чем занимаюсь. Думаю, что его очень шустрые сотрудники охраны уже проверили по номерам, кому принадлежит «фольксваген», на котором я следил

за Дженнифер, и «девятка» Михеича.

Но если «фолькс» по документам принадлежал Марку, то «девятка» числилась за О.С.А. как служебный автомобиль. Поэтому темнить не было никакого смысла.

– Я частный детектив. – В моих прозрачных глазах просто так светились честность и невинность. – Работаю в охранно-сыскном агентстве... – Я назвал адрес нашего главного офиса.

– Вон даже как... – Курамшин откинулся на спинку стула; как не показалось, с облегчением. – Значит, ты ищейка.

– Ну, если вам нравится так меня называть... – Я пожал плечами. – Что поделаешь, как-то же нужно зарабатывать себе на кусок хлеба. Не всем же... – тут я перевел завистливый взгляд на виллу, – везет по жизни. Никак это Залив? – Тут я повысил голос. – Козырное место. Как раз для везунчиков.

– Везет тогда, когда умеешь правильно запрягать, – назидательно ответил Курамшин. – Деньги любят умных и трудолюбивых.

Вот что мне нравится в наших скороспелых богатеях, так это способность умнеть прямо на глазах. И чем они становятся богаче, тем умнее. С каким апломбом наши нувориши вещают с голубых экранов о проблемах, в которых даже ученые с мировым именем путаются!

Конечно, нормативная лексика им дается с трудом, так и хочется вставить несколько матерных слов, но положение обязывает, и они косноязычно, но с апломбом, рассказывают

народу, как нужно жить, трудиться и любить свою родину. Еще бы им не любить ее... обобранную такими, как они, до нитки.

– Увы, я не отличаюсь ни тем, ни другим качеством. – Я простодушно улыбнулся.

– Возможно... – Взгляд Курамшина стал острым, как бритва. – А теперь ответь на главный вопрос: за кем вы следили?

– Есть такое понятие, как тайна следствия, – ответил я, не задумываясь. – Я вам этого сказать не могу. Иначе меня просто выгонят с работы. В одном можете быть совершенно уверены – следили не за вами. Даю вам слово.

– Ты и другие сотрудники вашего агентства крутились возле нашего офиса, – жестко сказал Курамшин. – Это значит, что ваши действия касаются и меня. Говори!

– А если не скажу, замочите? – спросил я, наливаясь желчью.

Как меня достали эти «вершители человеческих судеб»! Мне уже приходилось вести подобные «беседы» не с одним таким козырем. И каждому из них казалось, что он пуп земли, что почти бессмертен.

Дурацкое заблуждение! Даже сейчас, со скованными впереди руками, я бы мог за считанные секунды свернуть ему шею.

– Ну зачем же... – Курамшин снисходительно ослабил-ся. – Есть много способов заставить человека быть откоро-

венным.

– Есть, – кивнул я согласно. – Но все они противозаконны.

– Это же надо... законник какой выискался. Ты как будто свалился на землю с другой планеты.

– Нет, я тутошний. Но почему-то не думаю, что насилие надо мной сойдет вам с рук.

– Ты слышишь, Георгий Иванович? Он мне угрожает. Да-а, нехорошо... А я уже предположил, что все закончится мирной беседой. Знать, ошибся...

Пока мы вели разговор, я все время невольно косился на край стола, где лежало мое переговорное устройство. Именно для встроенного в нем «жучка» я и повышал голос в нужных местах – чтобы оператор на центральном пункте нашего агентства мог все слышать достаточно отчетливо.

Хотя бы они ничего не заподозрили, думал я не без душевной дрожи. С виду аппарат был стандартным, только начинку Марк воткнул в фирменный корпус другую. Вдруг у них найдется какая-нибудь проницательная личность и раскусил трюк с переговорным устройством...

Ответить Курамшину я не успел. Сзади раздались легкие шаги, и девичий голос произнес:

– Папочка, где мой шашлык? У меня уже слюнки текут.

Я настолько резко повернул голову, что даже позвонки хрустнули. Дженнифер! Она стояла так близко от меня, что мой нос различил несколько ароматов: дорогих духов, крема, пудры, и даже, как мне показалось, запах помады.

– Жаннет, подожди пару минут. Нам нужно закончить предварительное собеседование.

Жаннет! То есть, Жанна. Дженнифер мимикрировала в Жанну. Притом с потрясающей воображение быстротой.

Мало того, она уже успела найти себе и второго отца! К тому же, очень даже не бедного. Курамшин точно будет побогаче, чем ее женишок, Костя Крапивин.

С ума сойти...

– Кто это? – спросила девушка, глядя в мою сторону с неподдельным интересом.

Вот те раз! Она что, не узнает или просто забыла меня, что, кстати, не очень характерно для женщин?

Несмотря на ночное время, освещение при нашей первой встрече было вполне нормальным, чтобы хорошо различить черты моего лица.

– Это один очень любопытный молодой человек, – ответил Курамшин. – Тот, который ехал вслед за тобой. Нужно узнать, откуда и по какой причине происходит это любопытство.

– А... – Взгляд девушки сразу же заледенел. – Ну, если так...

– Погуляй немного. Мы сейчас...

Девушка ушла. Я впервые увидел ее в короткой юбке, и еще раз мысленно прищелкнул от восхищения языком – такие ножки могут служить рекламой колгот.

Но тут мои мысли переключились на слова Курамши-

на. Предварительное собеседование... Значит, прямо сейчас меня пытаться не будут.

И то верно – шашлык остынет, водка нагреется...

– Значит, мы шибко козырные... – В голосе Курамшина прозвучала злобная ирония.

– Да нет, вы неправильно меня поняли. Просто в нашем агентстве существует железное правило – докладывать все изменения в маршруте, если ведешь наружное наблюдение.

– Ага! – торжественно воскликнул Курамшин. – Значит, все-таки, ты вел наблюдение за кем-то из сотрудников моей фирмы. За кем?

Я не стал сильно темнить (а куда денешься? вещественные доказательства в виде фотографий – это железные факты) и ответил, поникнув головой:

– Ну вот, проговорился. Хотя... какая это тайна? Как теперь мне стало понятно, я вел наблюдение за вашей дочерью. Раньше я этого не знал... извините.

– Вот так бы сразу... – Курамшин склонился над столом и вонзил в меня свои немного хмельные зенки. – Зачем? Кто посмел дать такое указание!?

– Как вы понимаете, у меня есть начальство... – «Прости, Плат, подлеца! Надо что-то плести, а без твоей личности сказочка не получится...» – Я получил приказ – и вперед. Что там и как – понятия не имею. Мое дело маленькое – обеспечить наружное наблюдение. И все. Точка. Никаких объяснений.

– Возможно... Хотя... Как ты считаешь, Георгий Иванович, он правду говорит или врет?

– По-моему, врет. – Георгий Иванович вдруг посмотрел на меня жутким взглядом вурдалака; бр-р-р! ну и глазищи – как у филина. – Ох, не прост этот малый, далеко не прост...

– Слышишь, что говорит Георгий Иванович? И знаешь, я ему верю. Вот верю и все тут. Еще раз спрашиваю: зачем ты следил за моей дочерью? Отвечай!

– Вам нужна правда или мне лучше соврать?

– Только правда!

– Но правда ведь вас не устраивает. Судя по вашему настроению, вам нужно что-то такое-эдакое, целый детектив.

– Детективы я не люблю и не читаю, а вот «что-то такое-эдакое» готов выслушать.

– Но я не имею способностей к фантазированию! Поэтому скажу все, что знаю. Насколько я слышал краем уха, на вашу дочь запал один парень. Но вы сами знаете, что подступиться к ней тяжело, если не сказать – невозможно, поэтому он поручил нашему агентству для начала собрать о ней как можно больше сведений. Это все. Как на духу.

– Как фамилия этого парня, адрес, телефон?...

– Про то знает только наш шеф. Мы всего лишь рабочие лошадки...

Не знаю, поверил мне Курамшин или нет, но тут зазвонил его мобильный телефон. Нужно сказать я уже посматривал на эту изящную вещицу, корпус которой был выполнен из

розового золота и украшен бриллиантами. Думаю, что эта мобила тянула никак не меньше чем на сто тысяч долларов.

Пока Курамшин слушал чей-то доклад, я вынашивал кроважные замыслы: «Дать бы ему по башке где-нибудь в темном углу и телефончик в свой карман. А затем сбегать мобилу пусть даже за полцены. Эти денежки не помешали бы...»

Но тут в зловещие мысли вмешалось мое другое «я» – высконравственное и немного занудное. «Стыдись, Сильверстов! Честное имя потерять недолго, да потом тяжело его восстановить. Позарился на дорогую цацку... словно мелкий воришка. Ах, как нехорошо...»

Конечно, нехорошо. Гораздо лучше было бы потрясти этого нуворища, как грушу. Чтобы с него осыпался с миллион зеленых листиков. Тогда и мое второе «я» спало бы спокойно и умиротворенно.

Закончив разговор, Курамшин приказал Максy:

– Собирайся, мы едем. Выезд через пять минут. – Он бросил взгляд на свои наручные часы, которые были гораздо дороже мобильного.

Думаю, они стоили не дешевле котлов Рыжего.

– Может, выедем немного позже? – сказал Макс. – Шашлыки уже готовы...

– Да пес с ними. Некогда. Срочный вопрос.

– А что с этим?... – спросил Макс, кивком головы указав в мою сторону.

– В подвал. Мы с ним еще не закончили. Не так ли, Георгий Иванович?

– Да-да, конечно, конечно...

– Ну вы чё, в натуре! – возопил я со страдальческой миной на лице. – Я ж ни в чем не виноват! Зачем так? Я не хочу в подвал!

Но Курамшин уже не слушал меня. Он поднялся и пошел к вилле. За ним мелко посеменил и Григорий Иванович.

Таких клиентов, как Курамшин, держали и римские патриции. Они ничего не делали, только служили богатым господам в качестве развлечения за пиршественным столом. А назывались эти людишки параситами. Отсюда и пошло слово паразит.

Меня на сей счет как-то просветил Марк, когда у него было хорошее настроение. На него иногда находит такой стих, и он начинает преподавать мне высокие материи.

– Заткнись! – грубо сказал мне один из моих конвоиров – тот, что со шрамом на щеке. – И топай.

Он бросил вожделенный взгляд на мангал, откуда доносился совсем уж потрясный запах, и громко сглотнул голодную слюну.

Я лишь вздохнул тяжело – похоже, обед с шашлыками мне точно не светит – и пошел в свою темницу, сопровождаемый теми же двумя быками, что и раньше. Будущее вырисовывалось довольно смутно, и мне необходимо было хорошо подумать. А также немного подождать. Я почему-то был уверен,

что долго в подвале не задержусь.

Сокамерник встретил меня радостным возгласом:

– Вы вернулись!

– Естественно. Похоже, меня тут прописали. Как я уже понял, отсюда дороги нам не будет. Да ты и сам это говорил.

– Да уж...

– Не грусти. Надейся. Зло рано или поздно все равно будет наказано.

– Это все софистика. В жизни чаще всего бывает наоборот. Добрыми честными людьми помыкает все, кому не лень, а злые твари, которым вообще не должно быть места на земле, живут и процветают.

Я смутно представлял, что такое софистика, но на всякий случай согласился:

– Что да, то да... Кое кого и впрямь неплохо бы вывести в расход. Остальным дышать станет легче.

– Ну зачем сразу в расход... Отстранить их от власти, забрать то, что они награбили, наконец посадить в тюрьму. Но чтобы все было по закону!

– Да ты, я вижу, непротивленец... – Я саркастически хмыкнул. – У нас закон, как дышло, куда повернул, туда и вышло. Только не говори мне, что за рубежом все иначе! Ежели сильно захотят верхи, то упрячут тебя так далеко, что туда не дойти и не доехать. Все, что они рассказывают нам, сирым, о «честных и благородных» судьях, – это всего лишь лакировка, коварный обман. Во все времена были пра-

вы только толстосумы. И те, кто имеет власть. Всякие прочие личности и беднота сидят в таком подвале, как мы с тобой. С одной существенной разницей – иногда их выводят погулять: устраивают праздники, карнавалы, чемпионаты мира по футболу, конкурсы красоты, ввели в практику сезонные распродажи, раздают дешевые подарки, – скорее, подачки. Чтобы не бунтовали.

– Не знаю... может, вы и правы...

– Не сомневайся. Сегодня на меня снизошло вдохновение. Поэтому я и говорю тебе – надейся!

Мы оба, как по команде, умолкли. Я присел рядом с сокамерником на подстилку – кажется, это была перепрелая солома – и по устоявшейся солдатской привычке мгновенно задремал.

Проснулся я от того, что чей-то очень знакомый голос называл мое прозвище:

– Сильвер! Сильвер, ты здесь?

– А где же еще?

– Уф... Наконец-то... Выходи!

Это был Плат! Как я рад был его слышать! Но я постарался не выдать своей радости и с деланным недовольством проворчал:

– Ты бы лучше нам посветил.

– Нам?...

– Ну да. Я здесь не один.

– Момент... Дай фонарик, – попросил он кого-то.

Поддерживая сокамерника под руку – он сильно ослабел и едва передвигался – я одолел все двенадцать ступеней и очутился в объятиях Сереги.

– Живой? – спросил он, ощупывая меня с таким рвением, словно я был дорогой вещью, а он хотел меня купить и боялся прогадать.

– Живой. Но злой, как собака. Кое-кому придется заплатить за мои страдания.

– Это все потом... Уходим! – скомандовал Плат своей команде.

Это были не наши парни. Одетые в камуфляж и в масках, они производили сильное впечатление. Парни были вооружены помповыми ружьями, пистолетами, а в руках одного из них я заметил автомат «узи».

– Бойцы Рыжего? – высказал я предположение.

– Да. Подоспели вовремя...

– Еще как вовремя. Трупы есть?

– Нет. Слава Богу, все прошло чисто, без сучка и задоринки. Тут всего трое охранников. Мы их повязали, как младенцев. Они как раз шашлыки жрали, и им все было по фигуре. Знай, где тебя держат, мы могли бы вскрыть подвал так, что они этого и не заметили бы.

При упоминании шашлыков у меня засосало под ложечкой. Сокрушенно вздохнув – эх, ну почему Плат прибыл так поздно!?! гляди, и мне перепал бы шампур-другой свежатинки – я спросил:

– А кроме охранников, здесь был еще кто-нибудь?

– Конечно. Садовник – мужик в годах, и экономка, его жена. Мы заперли их в павильоне.

– Между прочим, здесь находилась и Дженнифер. Разве вы не нашли ее?

– Что!?! Не может быть!

– Еще как может. Вы все хорошо обыскали? Или пробежались галопом по Европам?

– Обижаешь... Бойцы опытные. Им не улыбалась перспектива получить пулю из-за угла. Дом обшарили весь, от чердака до подвалов. Между прочим, нам пришлось слегка попотеть, пока мы не выбили у одного из захваченных нами быков координаты твоей темницы.

– А гараж вы смотрели?

– Естественно.

– «Мерс» там стоит?

– Нет. Только «джип». Но он в ремонте. Передок разобран. А так гараж практически пуст.

– Значит, она уехала вместе с папиком...

– Каким папиком?

– Хозяин этой виллы – Курамшин, босс городского отделения «Альянса». Дженнифер называет его папочкой.

– Ни фиги... – У Плата глаза полезли на лоб.

– Мало того, невеста нашего жениха-страдальца почему-то превратилась в Жаннет. Как тебе такой пердомонокль?

– Обалдеть... Это правда или ты шутишь?

– Какие там шутки... Мне повезло, что этого Курамшина куда-то срочно вызвали. Иначе вы застали бы меня в виде отбивной.

– Все равно я ничего не понимаю...

– Думаешь, я въехал в ситуацию? Бред какой-то. По-моему, Плат, нас дурят, как младенцев. Интрига закручена еще та. И мы до сих пор не можем понять, во что влипли...

Наш разговор шел в машине. Позади пылили две тачки с бойцами Крапивина. За рулем нашей многострадальной «девятки» сидел Михеич, который время от времени оборачивался и счастливо улыбался.

Я тоже отвечал ему благодарной улыбкой.

Это была его заслуга, что меня так быстро выдернули из лап Курамшина. Он не стал вмешиваться в ситуацию (да и что один Михеич мог бы сделать против целого отделения лбов со стволами?), а проследил, куда меня определили. Затем он связался с нашей базой, куда как раз прирулили парни Рыжего, и Плат помчался мне на выручку.

Вот и вся история... которая могла закончиться для меня очень печально. Такие люди, как Курамшин, никогда не останавливаются на полпути. Ситуацию со мной он довел бы до конца. Это точно.

Моего сокамерника мы доставили прямо к двери его квартиры. Он так волновался, что даже перепутал этажи.

– Кто там? – раздался тонкий детский голосок из-за двери.

– Сынок, это я...

– Папа? Пап, это правда ты?

– Ну конечно, правда. Открывай, Петруха.

Звякнули щеколды, брякнула цепочка, и на пороге появился вихрастый малыш лет шести-семи. Он прыгнул на руки к Николаю с такой прытью, что едва не свалил нетвердо держащегося на ногах отца. Хорошо, что я вовремя поддержал его.

– Папа, папочка, родной, как я по тебе соскучился... – Малыш обхватил шею отца с таким выражением неземного счастья на своем детском личике, что мне вдруг стало очень тоскливо.

В этот момент я сильно позавидовал своему сокамернику. Счастливчик, у него есть сын. Кто бы меня так обнял...

– Петя! Кто там? – послышался женский голос из глубины квартиры.

Нужно сказать, что дела у Николая, похоже, шли неплохо. Квартирка у него была не супер, но очень даже приличная и просторная.

– Мама, мама, папа приехал!

Понятно, малышу сказали, что папа в командировке. Хороша командировочка, ничего не скажешь...

Дальнейшее течение событий в квартире освобожденного узника мы опустим. Это трудно описать словами. Когда человек возвращается буквально с того света, это всегда большой праздник и для него, и для его родных. Даже не праздник, а нечто большее.

Наверное, такие чувства испытывал герой троянской войны, царь Итаки, хитроумный Одиссей, когда вернулся на землю после посещения ада...

На прощанье мы предупредили Николая, чтобы он пока не наезжал на Курамшина. И чтобы до поры до времени не высовывался. Нам нужно было еще несколько дней, чтобы, наконец, расставить все точки над «і».

Пока мы добирались до микрорайона, где жил мой сокамерник, в наших головах наступило просветление, и мы сообща сварганили некий план.

Дело оставалось за малым – начать да закончить...

Глава 20

Я спал как убитый. Ни один сон не смог проникнуть в мою черепушку, потому что в ней царила воистину космическая пустота. Когда утром я поднялся, то меня повело в сторону, словно с вечера я был вусмерть пьян и еще не протрезвился.

Только контрастный душ привел меня в более-менее нормальное состояние.

Из продуктов у меня остались только перебродивший кефир, минералка, зачерствевший огрызок булки и банка килек в томате. Надо бы пополнить продовольственные запасы, подумал я с запоздалым раскаянием. Давиться с утра килькой и распаренным в микроволновке так называемым «городским» батоном мне было совсем не по нутру.

Но делать было нечего, брюхо требовало хоть какого-то наполнения, поэтому я, повздыхав немного, как больная корова, выпил три чашки растворимого кофе, который откопал в кухонном шкафу среди разнообразных баночек со специями.

Они появились там примерно с год назад.

Я как-то познакомился с одной девицей и имел неосторожность несколько раз привести ее домой. Девка оказалась натурой деятельной. Уже через неделю после нашего знакомства она приготовила шикарный ужин, и я впервые почувствовал, что такое быть женатым человеком.

Надо отметить, что мне понравилась только кухонная часть окольцованного бытия. Готовила моя нечаянная подруга и впрямь отменно.

Я наслаждался домашней едой почти месяц. Но затем вдруг понял, что из командира, единолично устанавливающего свой распорядок дня (и ночи тоже), я превратился в подчиненного, и даже не сержанта, а занюханного ефрейтора.

Девка начала помывать мною так, будто мы уже сходили в ЗАГС. Я даже свои домашние тапочки начал аккуратно ставить возле входной двери на коврик, а не бросать, где ни попадя.

Короче говоря, после месяца такой «семейной» жизни я взбунтовался и вернул себе полную свободу. Чересчур деятельная девица с моего горизонта исчезла, но оставила после себя, как память, большое количество приправ.

Иногда я пытался их использовать. Но поскольку мои познания в кулинарии были в зачаточном состоянии и не простирались дальше приготовления яичницы или запеченного в духовке гуся (чего проще – помыл тушку под краном, посолил, поперчил и в печку), специи только портили вкус моих, так сказать, «блюдов». Может, потому, что я сыпал все подряд.

Поди, знай, что такое кардамон или тимьян, и с чем их едят...

В офис я пришел позже всех. Фиалка, которая уже знала о моих похождениях, радостно обняла меня и чмокнула в

губы.

До чего экзальтированная особа... Так нельзя шутить с холостым мужчиной. Об этом я и сказал ей безо всяких обид-няков.

– Ста-ас... – протянула она с лисьим выражением на своей и так лукавой мордашке. – Не балуй...

– С тобой забалуешь, – буркнул я в расстройстве. – Синий чулок...

Фиалка хихикнула и сказала не без выпендрежа:

– Я блюду свою девичью честь.

– От твоего блюдения в моих чреслах сплошные томления. А это отрицательно сказывается на работоспособности. Надо будет попросить Плата, чтобы он перевел тебя на периферию.

– Это куда?

– В нашу мастерскую. Учетчицей. Чтобы ты считала количество деталей для замков, придуманных Марком. Это, кстати, очень ответственная работа. Как ни собирай замок, а все равно чего-то не хватает. Или какая-нибудь деталюшка оказывается лишней. Там тебе самое место. Ты человек ответственный и не будешь заниматься на рабочем месте разными глупостями.

– А если я втюрюсь в какого-нибудь работягу?

– Я принесу вам на свадьбу букет роз и стеклянную трехлитровую банку, доверху наполненную моими слезами несбывшихся надежд.

Смеющаяся Фиалка хотела что-то ответить, но тут включился селектор и раздраженный голос Плата вмиг прекратил нашу идиллию:

– Сильвер! Кончай трепаться! Заходи...

Мученически вздохнув, я на цыпочках подошел к кабинету и, верноподданнически изогнувшись, отворил входную дверь. Фиалка звонко расхохоталась.

Эх, если бы не Плат, застолбивший этот богатый участок любви и плотских наслаждений...

И вообще – какого хрена!? Он ведет себя, как собака на сене – сам не ест и другим не дает.

С этими мыслями я и вошел в кабинет, где меня ждал неожиданно теплый прием со стороны Марка. Вот уж не ожидал...

– Ты как всегда опаздываешь, – проворчал Плат, посмотрев на часы.

– Извини, что значит «как всегда»? По-моему, сегодня всего лишь первый... а может, второй раз. Но не более того.

– Опять ты препираешься!

– Я не препираюсь, а борюсь за истину в чистом виде, безо всяких «но». Более исполнительного человека, чем я, отыскать трудно.

Высказавшись, я бросил быстрый взгляд на Маркузика, но он, вопреки моим ожиданиям, даже не подал голос, лишь ухмыльнулся. Но ухмылка у него вышла не кривой, так сказать, с подковыркой, а вполне доброжелательной.

Надо же, как он переживал за меня... Что значит друг, подумал я с неожиданной теплотой.

Хоть и сукин сын...

– Тебя не переговоришь... – буркнул Плат, раскладывая перед собой на столе какие-то бумаги. – Начнем... Должен вам сказать, что сегодня я получил просто сногшибательную информацию.

– «Контора»?... – предположил я, настораживаясь.

– Да. Чекисты нам здорово помогли. Судите сами... – Серега взял один лист и начал комментировать написанное: – Во-первых, Дженнифер жила в России с детства и даже окончила здесь два класса. Потом папашу невесты Рыжего перевели на работу в Японию.

– Отсюда ее знание русского языка и восточных единоборств, – сказал я возбужденно.

– Несомненно. Но и это еще не все. Ее отец в тысяча девятьсот восьмидесятом году возглавлял американское консульство... в нашем городе!

В кабинете воцарилась мертвая тишина. Плат наслаждался произведенным эффектом от своего сообщения, а мы с Марком усиленно ворочали мозгами, потому как одновременно почувствовали, что наконец забрезжил маленький лучик света в нашем темном царстве.

У меня так вообще мысли понеслись вскачь. Версии, одна фантастичней другой, начали возникать перед моим внутренним взором как цветные узоры в калейдоскопе.

– Мало того, – снова заговорил Плат, выдержав длинную победную паузу, – оказывается, мамаша Дженнифер страдала бесплодием.

– Не понял... – Я вытаращился на Плата как баран на новые ворота. – А как же Джен?

– Загадка. В Америке она родить не могла, хотя и долго лечилась, а в России – с преобладающим удовольствием. Рожала она в нашем городском роддоме... год, дата и время рождения... вот копия свидетельства о рождении, здесь все написано... Роддом номер пять, на улице Серова. – Серега перевел взгляд на подробный план города, висевший на стене.

С этим планом вышла еще та история. Наши карты не выдерживали никакой критики и для работы были малопригодны. Даже ментовский план города оказался туфтовым. Сплошной примитив и много неточностей.

Однажды я был в гостях у одного известного в городе человека, академика, который объездил полмира. Собственно говоря, «в гостях» – это сильно сказано. Просто мы с Марком устанавливали у него сигнализацию, и он пригласил нас на чашку чая. Это было на заре нашей охранно-сыскной деятельности.

У него-то я и увидел этот план, выполненный, судя по всему, картографами Пентагона. Как оказалось, академик купил его в Англии. На плане были изображены не только улицы, переулки, площади и дома города, но даже сараи и маленькие рощицы. Все было выполнено настолько детально,

что у меня дыхание перехватило.

Конечно же, план я выцыганил. Без зазрения совести.

Нужно сказать, что академик был рад так легко отделаться от работяг (а мы выступали именно в таких ролях). Он ожидал, что мы потребуем сверх установленной платы за монтаж сигнализации еще и хороший магарыч.

Естественно, надписи на плане были выполнены по-английски, но нас это обстоятельство не смущало, так как город мы знали достаточно хорошо. Но не настолько детально, как было нарисовано на плане. И часто такие мелкие детали нас здорово выручали.

– Дженнифер – единственная дочь? – спросил я не без задней мысли.

– Да. Это во-вторых. Есть сведения, что ее мать продолжала лечиться от бесплодия и в Японии, и в Америке, когда отец Дженнифер пошел на повышение, и его отозвали для работы в самом госдепартаменте.

– Я всегда говорил, что Россия – родина слонов и голубой птицы счастья, – пробурчал я, стараясь унять все сильнее проявляющееся возбуждение. – У нас все возможно. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, а бесплодных американок благодетельствовать потомством. Вот такой мы уникальный народ. Некоторые ученые доказывают, что наши предки-славяне – атланты. Между прочим, недавно возле Луганска отыскивали пирамиды, которые древнее египетских.

– Ты думаешь?... – Плат уловил мою главную мысль и те-

перь глядел на меня, остро прищурившись, словно через оптический прицел снайперской винтовки.

– А что тут думать? – вмешался Марк, у которого глаза горели как у мартовского кота. – Козе понятно.

– Не знаю, как там твоей козе, – парировал Серега, – а я пока ни в чем не уверен. Нужно копать.

– Нужно, – откликнулся я с энтузиазмом.

– И как можно глубже, – сказал Плат.

– Только не зарываться, – предупредил я с многозначительным видом.

– Верно, – согласился со мной Плат. – Курамшин со своей бандой – это дело серьезное. Кстати, я проверил милицеские сводки и узнал, что те парни, которых с твоей помощью и не без подмоги Дженнифер повязали в «Руке удачи», – люди Курамшина. Их в тот же вечер отпустили. Про изъятые у них стволы в сводке не было сказано ни слова.

– Вот так, – сказал я не без горечи. – Попадись в руки ментов я с незарегистрированным пистолетом, мне припаяли бы года три. А для людей «Альянса» – все как с гуся вода. Где правду искать!? Плат, тебе нужно покопаться в его прошлом, а также настоящем. Думаю, у твоих бывших коллег материалов на Курамшина хватает. А как к ним подобраться, не мне тебя учить.

– Я так понимаю, ты берешь на себя роддом...

– Понятное дело... Все, что касается женщин, я принимаю близко к сердцу. Конечно, меня мог бы заменить и

Марк, но обычно у него на переднем плане постель, а потом работа, что сказывается на качестве полученной информации.

– Почему? – возмутился Маркузик.

– Потому, что буренку надо доить тогда, когда она с вожделением жуёт охапку свежей травы, а не тогда, когда набила живот прелой соломой и желает только отправить свои естественные надобности.

– Чья бы корова мычала... – снисходительно ухмыльнулся Марк, на удивление, совершенно не обидевшись на мой выпад.

Я тоже осклабился. Мне было понятно, почему Маркузик столь спокойно отнесся к наезду на свою сиятельную персону. Он считал, что ему нет равных ни в искусстве кобеляжа, ни в постельных игрищах.

– Мне нужна охрана, – сказал я, поднимаясь. – Я не хочу в этом деле замараться по самое некуда. А оно, как всем нам понятно, пахнет керосином.

– Охрана уже ждет.

– Бойцы Рыжего?... – спросил я не без задней мысли.

– Нет. Наши парни. Возьми тех, на кого глаз положишь.

– Отлично... – Я довольно ухмыльнулся. – Спасибо, шеф.

Своих парней я хорошо знал, а потому мог им полностью доверять. А бойцы Крапивина хоть и произвели на меня неплохое впечатление, но все же в критической ситуации я бы не доверил им защищать свою спину; уж лучше сам.

Неизвестный напарник хуже врага. Никогда не знаешь, что он может учудить в следующее мгновение.

У каждого человека свой характер, и раскрывается он чаще всего только в экстремальных ситуациях. Мне доводилось быть свидетелем, как козырный, хорошо подготовленный пацан, косая сажень в плечах, бравирующий своей храбростью перед началом сражения, в бою оказался не просто трусом, спасающим свою жизнь (что, в общем, где-то можно понять), но еще и паникером.

А сие уже, как говорится, совсем другая статья.

Паникеров нужно стрелять на месте, не дожидаясь трибунала, потому что это форменная зараза, моментальная болезнь, которая за считанные минуты может победу превратить в поражение и, как следствие, нагромоздит кучу трупов твоих товарищей.

– Я послал двух бойцов Рыжего присматривать за твоим сокамерником, – сказал Плат. – Он вскоре может нам понадобиться... как свидетель.

– Верное решение. Николай – это крюк в горле Курамшина. Он попытается его достать, это точно.

– Не так это просто. Ты звякни парню, предупреди, что он под нашей охраной. Пусть не дрейфит.

– Легко сказать – пусть не дрейфит... – Я вспомнил подвал, и у меня мороз загулял между лопаток; а ведь я мог остаться в этой клоаке навсегда. – У него еще шок не прошел. Думаю, что парня не мешало бы показать психиатру.

– Это уже не наша забота, – отрезал Плат. – Мы не благотворительная организация.

– Понял. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Резонно. И все-таки жаль парнишку. Судя по всему, он неплохой человек.

– Пусть платит бабки, – задиристо вмешался Марк в наш разговор, – и мы будем охранять его хоть до пенсии. Он и так нам должен за что, что мы его спасли.

– Не все измеряется в деньгах, – сказал я нравоучительно. – Но ты где-то прав, – тут же успокоил я Маркузика, уже приготовившегося ввязаться со мной в длительную дискуссию насчет денежных отношений в капиталистическом обществе. – Он нам ни сват, ни брат. Однако беречь его мы просто обязаны. Это в наших интересах. И еще одно...

Я перевел задумчивый взгляд на телефон. На какое-то время в кабинет воцарилась пауза.

– Что ты там еще надумал? – наконец не выдержал Плат моих глубокомысленных размышлений.

– Надо позвонить Курамшину. Прямо сейчас.

– Зачем?

– Чтобы успокоить его. И чтобы он в горячке не наделал глупостей.

– Это вряд ли удастся. Курамшин не человек, а зверь, хотя с первого взгляда кажется, что он и муху не обидит. У него на допросах кололись даже воры «в законе».

– Это было тогда, когда он числился ментом бесштанном,

а теперь ему есть чем и кем дорожить. Прежде чем что-то сделать, Курамшин должен двадцать раз подумать. А пока он будет терзаться в сомнениях и размышлениях, мы доведем это дело до логического завершения.

– М-да... Возможно, ты прав... Как думаешь, Марк?

– Хороший ход, – одобрил Маркузик. – Только не перегни палку, Сильвер. А то тебя часто заносит на поворотах. Начнешь угрожать...

– Что ты, братэла! Я сама мягкость и обходительность. Нет, с Курамшиным я в такие игры не буду играть. Он меня не сильно обижал, и я воздержусь от резких выражений. По крайней мере, до поры до времени.

– Ну что же, тогда звони, – сказал Плат и пододвинул ко мне телефон. – Риск благородное дело.

Выяснить номер приемной «Альянса» не составило труда. Естественно, мне ответила секретарша. «Цербер», – вспомнил я, как о ней отзывался Курамшин и невольно ухмыльнулся. Плат и Марк недоуменно переглянулись.

– Павел Иустинович занят, – сухо отчеканил цербер в женской юбке. – перезвоните позже. – И секретарша положила трубку, даже не удосужившись спросить ни мою фамилию, ни по какому поводу я звоню.

– Бля!... – выругался я нехорошими словами, высказав присутствующим все, что думаю о мымрах, которые заседают в приемных больших начальников, и включил кнопку автодозвона. – Алла, алло, не кладите трубку! – заорал я так,

будто секретарша могла слышать меня без помощи проводной связи. – Скажите вашему шефу, что звонит его вчерашний гость. Он поймет, кто это и о чем идет речь.

– Ждите, – наконец разродилась секретарша после некоторого раздумья.

Ждал я недолго. Что, в общем, и не удивительно.

– Слушаю, Курамшин, – раздался в трубке знакомый голос.

– Здравствуйте, уважаемый Павел Иустинович! Как ваше дражайшее здоровье?

– Ты!... – Курамшин даже задохнулся от внезапно нахлынувшего гнева; но тут же и успокоился быстро; я бы даже сказал, подозрительно быстро. – Что тебе нужно?

– Ну вот так сразу – что нужно... В общем, ничего такого. Мне хочется, чтобы вы считали нашу случайную встречу мелким инцидентом, который не должен иметь продолжения. Ежели я в чем-то был неправ – извините.

– Неправ – это не то слово. Ваши люди испоганили весь мой дом! А это уже совсем другой компот.

– Я к вам в гости не напрашивался. Не нужно перекладывать свои проблемы на мою голову. Но это я так, к слову. А чтобы вам совсем стал понятен смысл моего предложения, я уточню его. Мы не хотим конфронтации. Но если вы решитесь на некоторые действия, мы тоже не будем отсиживаться в окопах.

– Опять угрозы?

– Да как вам сказать... Как бывшему менту, вам хорошо известно такое слово как компра. Так вот, если вы решитесь на боевые действия против нас, то получите хороший заряд компромата. И поверьте, он вас собьет с ног. Сейчас не девяностые годы. Купить наших защитников закона, конечно, можно, но не всех. «Оборотни в погонах» уже притихли и затаились – до лучших времен. Но, боюсь, для них эти времена уже закончились. И еще – ваш бывший пленник, которого вы держали в подвале и пытали, тоже не будет иметь к вам претензий. Если, конечно, вы вернете ему все то, что у него отобрали. Думаю, наши предложения должны вас заинтересовать.

Ответом мне было длительное молчание.

Понятно – Чапай думает...

Думай, думай, сука. Я точно знаю, какие мысли роятся в твоей мафиозной башке. Конечно, сейчас ты, скорее всего, согласишься на все наши условия. У тебя просто нет иного выхода. Ты ведь пока не знаешь ни наших сил, ни наших возможностей.

Но потом твоя мстительная ментовская натура возьмет верх. И ты начнешь щелкать нас по одному и скопом. Мы уже видели твоих отморожков в действии, так что на сей счет не имеем никаких иллюзий.

Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Выражение не ново и достаточно избито, однако целит прямо в «яблочко». Мы не будем ждать, как говорили советские садо-

воды-мичуринцы, милостыни от природы. Мы постараемся вырастить груши даже на вербе.

– Добро, – наконец выдохнул Курамшин. – Вы меня убедили. Будем считать вопрос закрытым.

– Полузакрытым. Полностью он закроется, когда вы вернете своему пленнику его фирму и имущество.

– Естественно.

– Только не торопите его. Ему нужно с недельку отдохнуть. А то ваш «курорт» плохо на него подействовал. Он еле ходит.

– М-м... Хорошо, пусть будет так.

И он положил трубку. Скорее всего, даже не положил, а швырнул ее на рычаги. Представляю, как он сейчас мечется по кабинету в бессильной злобе...

– Наверное, мне нужно для начала сделать вот что... – Плат раскурил трубку и несколько раз пыхнул ароматным дымом. – Возьму-ка я нашего знакомого эскулапа и зайду к Николаю, пусть врач засвидетельствует побои. Это, как я понял из вашего разговора, в данный момент архиважно. А также нужно снять с твоего сокамерника показания... при надежных свидетелях и под видеокамеру. Чтобы Курамшин не спрыгнул с кукана в любом случае.

– Отличный ход. А то твой бывший коллега очень злобная и непредсказуемая личность. Легче поверить разъяренной кобре, что она тебя не укусит, дабы приберечь яд для более мелкой живности, нежели Курамшину.

– Есть у меня и еще одна задумка... но ее нужно хорошо обмозговать. Ежели я не ошибаюсь, то получается весьма интересная картина... А, об этом потом! Все, мужики, разошлись. Время, время! Нам сейчас нужно бежать впереди паровоза.

– А мне что делать? – спросил Марк.

– Будь на связи. Следи, чтобы центральный пост работал как часы. Сегодня «в поле» выйдут все группы, за исключением тех, кто охраняет офис, так что надежная связь нужна, как воздух.

– Блин! Всегда так... Была бы мне охота торчать тут без дела... – Маркузик гневно взлохматил свои черные кудри.

– Не ворчи, – сказал Плат. – Тебе тоже будет чем заняться.

– И чем же?

– Попытайся влезть в базу данных бухгалтерии «Альянса». Я не думаю, что для тебя это будет трудная задача. Это же не банк.

– На что вы меня толкаете!? Между прочим, хакерам сейчас сроки начали солидные давать.

– Не переживай, – «утешил» я Марка. – Плат будет носить тебе передачи, а я возьму на себя всех твоим девок. Чего не сделаешь ради друга...

– Ты возьмешь, кто бы сомневался... – Марк горестно вздохнул. – Связался я с вами на свою голову!

– Не бойсь, тебе это делать не впервой, – сказал Плат. – И все сошло с рук. Кстати, еще не факт, что ты сумеешь это

сделать.

– Я не сделаю какой-то вшивый «Альянс»!? Посмотрим. – Маркузик воинственно выпятил вперед нижнюю челюсть.

Тоже мне, Муссолини в миниатюре...

А Плат ловко зацепил главную струнку Марка – его фантастическое самомнение во всем, что касается компьютерной техники. Серега тоже бывает временами хитрым и коварным.

Наверное, у своей Марьи научился. Раньше он был сама простота...

Глава 21

По дороге в роддом я вдруг вспомнил о Ксане. И обругал себя последними словами. Сильвер, какая же ты свинья! Девка, чай, с ума сходит, а от тебя ни ответа, ни привета. Хотя бы позвонил.

Сукин сын...

– Сворачивай! – скомандовал я Михеичу.

Я решил взять себе во временную охрану Михеича и Влада. Первый мог выполнять не только функции сторожевого пса, но и кое-что посерьезней, а у второго за плечами была жестокая кровавая война, в которой он не отсиживался в тылу.

Как-то Влад показал мне свою фотку при всех регалиях, и я лишь укрепился в своем мнении об этом всегда хладнокровном молчуне – орденов и медалей у него было чуть меньше, чем у меня.

– Куда? – спросил растерянно Михеич, однако мигом свернул именно в тот переулок, который нужно; что значит опыт и интуиция бывалого оперативника.

Я назвал адрес. Михеич кивнул и добавил газу.

Я посмотрел на Влада. Он сидел, как изваяние – будто врос в переднее сидение, рядом с Михеичем. Можно было подумать, что он дремлет или медитирует.

Но это было не так. В любой момент Влад мог взорвать-

ся как атомная бомба. Как-то мне довелось наблюдать его в действии.

Это было зрелище...

Мне очень не хотелось бы с ним бодаться не в тренировочном процессе, а взаправду. Влад был из тех людей, кого сначала нужно положить, а потом убить, потому что зубами он ноги врагу перегрызет.

На входе в фитнес-клуб меня остановил уже знакомый охранник, детинушка с лицом кастрированного евнуха – толстым, щекастым и немножко бабьим.

– Нельзя! – сказал он безапелляционно.

– Почему? У вас что сегодня, женский день?

– Вы не наш клиент.

– Понятно... Значит, ты узнал меня?

– Узнал. Ну и что? Не положено.

– И то верно. Вдруг я какой-нибудь извращенец или садист. У вас ведь тут одни благородные рыцари собираются. Ладно, не будем разводить базар-вокзал. Вызови мне Ксану.

– Нельзя. Только в перерыв. У нас с эти строго.

– Блин! Вот заладил – нельзя, не положено... Тогда позови своего шефа. С тобой, я вижу, не договориться.

– Шеф в отъезде.

– Ты не оставляешь мне выбора...

С этими словами я сделал молниеносный захват его руки с переводом на болевой прием. Парень было дернулся, но тут же взвыл от боли.

– Влад! – позвал я своего подчиненного, который, стоя возле машины, наблюдал за сценкой у входа в фитнес-клуб с холодным безразличием. – Поди сюда. Посторожи вместе с этим парнишкой норку. А то он немного не в себе и буровит фиг знает что.

– Ы-ы... – простонал бедный малый, покрасневший, как вареный рак.

Он стоял в позе согбенного богомольца, боясь шевельнуться. Еще бы – прием был не милицейский, шадящий, а из разряда боевых. Мне стоило лишь слегка дожать кисть его правой руки, и от костей осталось бы одно крошево.

Влад ловко перехватил руку охранника, завел внутрь здания, усадил на стул и бесстрастно сказал:

– Сиди тихо. Дернешься – урою.

Уставившись на Влада, как кролик на удава, бедный парнишка в ответ молча кивнул и принялся массировать совсем онемевшую правую руку. А я тем временем уже поднимался по лестнице на второй этаж, где находились массажные кабинеты.

– Ста-ас... – Ксана обалдела от моего внезапного появления.

Она как раз закончила массаж какой-то изрядно увядшей дамочки и мыла руки, дожидаясь пока та оденется. Я поманил ее пальцем и тихо прикрыл дверь в массажный кабинет.

Ксана пулей выскочила в коридор. Ее так и подмывало броситься в избытке чувств мне на шею, но она все-таки

сдержала свой радостный порыв.

– Я думала, что никогда больше тебя не увижу, – сказала она со страстным придыханием. – Хотя бы позвонил...

– Дела, малышка, – ответил я с умным видом. – Я в них просто утонул. Вот заехал... навестить. – И поторопился добавить: – Ненадолго.

– Да и мне недосуг разговаривать... – Она посмотрела на свои наручные часики. – Через пять минут у меня будет новый клиент. Может, вечером?...

Хотел бы, дорогая, обнадежить тебя, но не могу. Кто знает, где я буду вечером? При такой работе, как у меня, вариантов достаточно – от мягкой постели до жесткого деревянного макинтоша.

– Только не сегодня. И не завтра, – предупредил я ее второй вопрос. – Думаю, за недельку – максимум! – мы управимся. И тогда – гад буду! – брошу все, и мы махнем на юга. Как ты смотришь на это?

– Ой! Я двумя руками «за»!

– И я об этом. А пока у меня есть к тебе одно дельце...

– Ну вот... – Счастливая улыбка Ксаны завяла прямо на глазах. – Я так и знала...

– Вот такой я негодяй... – Я обнял ее и на секунду сильно прижал к своей груди. – Все время ищу в наших с тобой отношениях какую-то личную выгоду. Прости подлеца. Я исправлюсь.

– Точно?

– зуб даю.

– Вот другому бы не поверила, а тебе почему-то верю.

– Потому что я положительный. Где меня положишь, там я и буду лежать.

Ксана рассмеялась зовущим грудным смехом и сказала:

– Тогда ты просто лентяй и лежебока.

– Есть такой грех. Почти все мужчины выросли из колыбели Обломова. Такая у них планида.

– Нужно за тебя серьезно взяться.

– Возьмись. Буду не просто рад, а счастлив.

– Умеешь ты девушек уговаривать. Почти как Дон Жуан.

А с виду не скажешь.

– Я хорошо маскируюсь. Притворяюсь невзрачным, тихим, смирным и застенчивым, а потом налетаю, как горный орел на добычу, – и привет, пыльца невинности уже на моих губах.

Ксана снова заулыбалась, а потом спросила уже серьезным тоном:

– Так что там за дельце? Давай в темпе, а то мне перепадет на орехи за решение личных проблем в рабочее время.

– У тебя есть знакомые во втором роддоме? Это тот, который по улице Серова.

– Вот те раз... – Ксана нахмурилась. – Неужели какая-то из твоих подруг вознамерилась рожать?

– Рожала. Где-то двадцать семь лет назад.

– Ну ты даешь... Это же сколько тогда тебе было лет?

– По этим делам я вундеркинд. Ладно, все это шутки, а мне нужна протекция. Хорошо бы найти сотрудников роддома, которые работали там с начала восьмидесятых. Возможно, у тебя есть там знакомые, которые помогли бы мне в этом вопросе.

– В общем, есть... Ну, не знаю...

– Что тебя смущает?

– Там работает нянечкой баба Нюра. Я у нее когда-то комнату снимала. Она строгая, но добрая. Ей уже неизвестно сколько стукнуло. Говорят, что она работала в этом роддоме еще до войны, как только его построили. Но, может, врут. А сама баба Нюра на эту тему никогда не распространяется. Разговоры о возрасте ее просто бесят. Она говорит, что человеку сколько лет, на столько он выглядит.

– Она что, под молодуху шарит?

– Вовсе нет. Просто баба Нюра шустрая как веник. Она в прорубь зимой ныряет. «Моржиха» со стажем. Если судить по ее лицу, то бабе Нюре можно дать лет шестьдесят-шестьдесят пять. Хотя она, конечно же, старше...

Бабу Нюру я нашел быстро. Вернее, она сама на меня напнулась. Я узнал ее сразу. Баба Нюра тащила перед собой целый ворох постельного белья, и когда я нечаянно оказался на ее пути, она тут же меня обругала:

– Ходют тут, ходют... Покоя от вас нету. Чавой зенки-то вылупил? Не мечи икру, родит твоя жонка, куды денетси. Бабы народ крепкий, не то, что мужики. Хорошо хоть цветы не

принес... Нельзя им этого. Передачи принимают вниз. Зачем сюды забрел? Иди, иди, милай, иди по холодочку. Врач увидит, неприятность тебе будеть.

– Баба Нюра, я пришел к вам.

– Чавой? Али я ослышалась? Мы вроде не знакомы...

– Значит, познакомимся. Меня прислала к вам Ксана.

Помните такую?

– Помню. Я еще при здоровой памяти. Хорошая девочка.

Но уж больно доверчивая... – Баба Нюра окинула меня с головы до ног скептическим взглядом. – Зачем пришел?

– Во-первых, передать гостинец... – Я всучил бабе Нюре пакет с большой коробкой конфет – по рассказу Ксаны, старушка была сластеной; конечно же, конфеты я купил сам. – А во-вторых, мне нужно кое о чем вас расспросить.

– За гостинец благодарствуем... – Баба Нюра не выдержала и заглянула в пакет, после чего сразу подобрела. – Ходи за мной...

Мы спустились на первый этаж, а затем в полуподвальное помещение, где у нее была, как оказалось, вполне приличная каптерка. Усадив меня на хлипкий стул – я решил не очень на него полагаться, и больше держался на согнутых и напружиненных ногах, нежели сидел – она присела напротив, надела круглые очки в роговой оправе и спросила:

– Ну, и чавой тебе надуть? Говори, соколик.

– Я знаю, что в роддоме вы работаете давно...

Заметив, что баба Нюра при этих словах нахмурилась, я

быстро продолжил:

– По крайней мере, с конца семидесятых...

Лицо бабы Нюры, сухое, смуглое, но не настолько морщинистое, как можно было ждать, прояснилось. Я мысленно ухмыльнулся – потрафил все-таки! – и повел свою речь дальше:

– Может, вы помните, в начале восьмидесятых здесь рожала американка. Вы не должны бы, по идее, этот случай забыть. В те времена такая ситуация была событием из ряда вон выходящим.

Баба Нюра немного подумала, пожевала губами, затем скривилась, будто я сказал ей что-то неприличное, и ответила:

– Нет, ентого не помню. Не рожала она.

– То есть... как не рожала!?

– Мериканцы рожают у себе. Чавой им здеси делать? Нетути, не было такого случая. Точно говорю.

– Вы что-то путаете...

– Это ты путаник, мил человек. Брюхатых мериканок к нам не привозили, а ходить они здеси ходили. Помню одну. В аккурат, тады, када ты говоришь.

Я остолбенело уставился на старушку. Судя по ее ясным глазам и разговору, она была при нормальной памяти и вполне адекватной.

Мне была хорошо известна способность стариков забывать день вчерашний, но что касается далекого прошлого,

тут они могли вспомнить все, до деталей. Значит, баба Нюра не ошибается. Тогда как?...

И тут меня осенило.

– Скажите, а в те времена происходило усыновление брошенных в роддоме детей иностранцами?

– Знамо, так. Было, – нехотя ответила баба Нюра; похоже, эта тема была ей неприятной. – Но очень редко!

– Понятно. Тогда еще только начинали торговать детьми. Не исключено, что американка получила в вашем роддоме и младенца, и соответствующие документы. Чтобы не связываться с официальными органами, она якобы родила. Я прав?

– Чтой ты к мне пристаешь с разными глупостями!? Я человек маленький. Мое дело пеленки-распашонки.

– Кто спорит... Всего вы знать и впрямь не можете. Такие дела обычно происходят втайне. Тогда скажите мне еще одно: как было насчет детской смертности в восьмидесятые? Я имею ввиду тот период, когда роддом посещала эта американка.

Баба Нюра закаменела лицом. Она долго молчала, затем глухо ответила:

– Мруть... И сейчас, и тогда было. Жалко мамаш...

– Значит, и тогда тоже... – Я в задумчивости прикусил нижнюю губу.

Мысль, которая фантомом вертелась в моей голове уже полчаса, вдруг начала обретать зримые очертания. Чувствуя,

как от волнения меня прошиб пот, я спросил:

– Скажите, а в роддоме архив существует?

– А как же без него?

– Где он находится?

– Здеси. Рядом. Но он под замком.

– Баба Нюра, мне надо на него взглянуть. Ну очень надо!

– Низзя. Главврач должен разрешить. Без него – никуда.

– А мы потихоньку. Не думаю, что ваш полуподвал – проходной двор. Подозреваю, что, кроме вас, сюда никто нос не сует.

– Милок, ты мне не уговаривай. Я ж не девка. Низзя, значит, низзя.

– Если нельзя, но очень хочется, то можно... – С этими словами я достал из кармана портмоне, отсчитал на глазах бабы Нюры несколько крупных купюр и положил их перед нею на стол; думаю, сумма от моих щедрот была равно ее заработку за два месяца. – Это вам. Прибавка к пенсии. Я взгляну лишь одним глазам. Поверьте, не в корыстных целях. Нужно помочь одному очень хорошему человеку.

Увы, взятка вечна, как все остальные человеческие пороки. Даже праведникам трудно удержаться от соблазна, а что уж там говорить о простом рабочем человеке, который не часто держал в руках денег больше, чем предписывается пресловутым МРОТом – минимальным размером оплаты труда.

Баба Нюра, как замороженная, молча взяла деньги, спрятала их в карман фартука, покопалась в ящике письменного

стола, нашла там связку ключей и сказала:

– Пойдем ить...

И спустя несколько минут я уже рылся в пыльных архивных папках. Баба Нюра закрыла меня на замок. Я должен был постучать, когда закончу свои изыскания. В принципе, я мог этого и не делать – дверь архива была изготовлена едва не из картона. Я мог вышибить ее одним пинком.

Все верно – какую ценность может представлять для воров эта макулатура? Но это как посмотреть. Для меня сейчас архивные папки были дороже любых земных благ. Я весь дрожал от лихорадочного возбуждения.

Неужели я близок к разгадке нашего дела!?

А еще мне очень хотелось утереть нос этим двум умникам – Плату и Маркузику. Чай, мы тоже не из пробирки...

Глава 22

Мы ехали в Свободный Хутор. Моя версия получила в архиве роддома весомое подтверждение. Конечно, она была просто невероятной, но факты упрямо твердили, что я, скорее всего, на правильном пути.

Я решил попросить помощи у одного очень известного в Хуторе человека. Кликали сию одиозную личность по разному: кто – дядька Махно (как ни парадоксально, но это была фамилия), кто – Остап Гнатович, то есть, Игнатъевич, а некоторые не совсем прозрачные типы, имеющие постоянные проблемы с законом, называли его Довбней.

Не могу сказать, доводился ли он каким-нибудь родственником – ближним или дальним – известному атаману-анархисту времен Гражданской войны батьке Махно, однако натура у него была, что ни есть, крутая и анархическая.

Первый раз Остап Гнатович сел за политику – еще в пятидесятом, при Сталине, совсем молодым. Как истинный хохол, он обладал незаурядным чувством юмора, которое и привело его в лагерь.

Однажды он не удержался (молодо-зелено) и рассказал какую-то хохму про партийных товарищей, а через неделю к его хате подъехал «воронок» и несчастного «юмориста» загнали туда, где даже Макар не пасет своих телят, потому что там вечная мерзлота, притом на четыре года.

В зоне он стакнулся с деловыми. Как все это происходило, история умалчивает. Но я подозреваю, что первопричиной признания Остапа Гнатовича в воровской среде были его пудовые кулаки.

Уже в юности он мог убить быка одним ударом кулака в лоб. А все потому, что сызмальства работал в кузнице, под руководством отца, тоже не обделенного силой.

Остап Гнатович получил в лагерях кличку Довбня, что вполне соответствовала и его внешнему виду, – он был невысок, но кряжист, как дуб, – и его внутренней сути. (Довбней на украинском языке называют увесистую деревянную колотушку).

После выхода на свободу новоиспеченный деловой окунулся в воровскую жизнь по самые уши. Постепенно Остап Гнатович стал весьма удачливым гопстопником¹², потому что другой воровской «профессии» (например, вора-карманника) его так и не смогли обучить – уж больно лапищи у Довбни были большими. Да и хитрости тогда в нем было маловато. Остап Гнатович всегда пер напролом, как взбесившийся бык.

В очередной раз его захомутали в середине шестидесятых. Он получил «червонец» и отсидел от звонка до звонка. Из зоны Довбня вышел уже непререкаемым воровским авторитетом, хотя на вора «в законе» короноваться отказался.

Я ехал к Довбне потому, что за ним был должок – одна-

¹² Гопстопник – грабитель (жарг.)

жды мне довелось здорово выручить его племянника. Иначе пацан загудел бы в тюрьму лет на семь. Его пытались подставить, и разбираться в этом мутном деле пришлось нашему О.С.А.

Нас остановили, когда мы сворачивали к дому Остапа Гнатовича. Он жил в конце узкого переулка.

Его хата (еще раз подчеркну – именно крестьянская хата, а не городской дом) утопала в зелени большого сада. Был у Довбни и небольшой огород, где он выращивал огурцы, помидоры и разную зелень – без нитратов. Остап Гнатович очень ревностно относился к своему здоровью.

– Видите, знак? – «Народный контролер» показал Михеичу на «кирпич», прилепленный на покосившемся заборе у въезда в переулок.

– А как же? – Михеич доброжелательно улыбнулся. – Но, я думаю, что это просто чья-то шутка.

– Шутка, говорите? – Приблатненный парнишка с наглыми голубыми глазами показал свои удивительно белые и ровные зубы; ну прямо тебе голливудский герой, этот... как его... – Ди Каприо. – Ну, тогда езжайте. Убедитесь... какие у нас тут шутники.

– Хлопец! – позвал я хохлацкому «Ди Каприо». – Ты поди к Остапу Гнатовичу и скажи, что к нему на randevу пожаловал Сильвер.

– Сильвер? – На живой физиономии парнишки появилось озадаченное выражение. – Но это же...

– Да вижу я, вижу, что ты шибко грамотный. Даже «Остров сокровищ» прочитал. Нет у меня деревянной ноги. Беги, беги, отрок. Мы подождем.

Парнишка бежать не стал, а неторопливо удалился, всем своим независимым видом показывая, кто тут хозяин.

– Может, все-таки поедем? – спросил Михеич. – Что у них там, пулемет стоит?

Я ухмыльнулся и ответил:

– Еще хуже. Милицейский «еж» перекинут через дорогу и замаскирован в пыли. Если есть желание пробить все четыре колеса – езжай. Будешь потом часа два резину клеить. А мы домой пойдем пешком.

– Ишь ты, как берегут твоего Остапа Гнатовича... Что это за фигура такая козырная?

– Тебе разве не приходилось слышать это имя в твою бытность защитником столпов отечества?

– Да вроде нет...

– А кликуха Довбня тебе о чем-нибудь говорит?

– Иди ты! Так это мы...

– Ну да. Едем к атаману хуторских в гости. Правда, не знаю, примет ли он нас...

– Примет, – угрюмо сказал Влад. – Мы настоим.

– Кто бы сомневался... – Я коротко хохотнул.

Понятное дело, что примет. Куда он денется. Нас не остановит хуторская шпана. Пойдем напролом. А все потому, что без помощи Довбни мой замысел может оказаться пши-

КОМ.

Парнишка немного задержался. Я уже грешным делом начал подумывать, а не забыл ли старый бандер¹³ мое имя?

Наш посланец появился не один; еще двое таких же, как он, башибузуков принялись освобождать переулок от заградительного «ежа», который смахивал на длинную змею с шипами на спине.

– Остап Гнатович вас приглашают, – церемонно сказал парнишка и довольно элегантно жестом указал на въезд в переулок.

Похоже, его учили на карманника. У парня были отточенные, вкрадчивые движения и очень гибкие, беспокойные руки.

У ворот нас уже ждал «эскорт» – два здоровяка в пиджаках, под которыми угадывались стволы.

– Кто из вас Сильвер? – спросил один из них.

– Май нейм из Стас Сильверстов, – сказал я весело и спросил: – Шмон будет?

– А как же. Идешь только ты. Сам. Остальные ждут здесь.

– О`кей. Осторожность мать мудрости. Только не щекочите! Я боюсь щекотки.

– Не переживай. Мы нежненько...

Бугаи ослаблились и один из них начал щупать меня, как девку. Я терпеливо дожидался конца этой обязательной во владениях Довбни процедуры.

¹³ Бандер – бандит (жарг.)

Второй охранник немного отступил (так, чтобы держать всех нас в поле зрения) и держал правую руку полусогнутой – чтобы в случае надобности быстро достать оружие.

– Нормально, – резюмировал тот, что меня обыскивал. – Проходи.

– Вы тут моих парней не обижайте, – сказал я с нажимом. – А то они очень нервные.

– О чем базар. У нас гость – это святое.

– Ну-ну, – сказал я с сомнением, бросил взгляд на бесстрастное лицо Влада (ох, лучше бы его никто не вздумал кантовать!), и пошел по вымощенной тротуарной плиткой дорожке к хате, где на высоком крыльце меня уже ждал Остап Гнатович.

– Шоб мне лопнуть! – воскликнул он, благожелательно улыбаясь в длинные казацкие усы. – Чи мои очи брешуть, чи это правда? Ей богу, Стасик! Ну, здорово, казак!

Мы обнялись.

Нужно сказать, что я не готов был к такому бурному изъяснению чувств, а потому немного замешкался и не успел напрячь мышцы. Объятыя Остапа Гнатовича были сродни тискам матерого удава. У меня даже кости затрещали.

– Э-эй, Ос-с...стап Гна-а...атович! Отпусти, задавишь!

– Вот молодежь нынче хилая пошла! – Довбня разжал свои клешни и довольно ухмыльнулся. – Шо за времена? Ну, чога за боки держишься? Не горюй, до свадьбы усё заживет... як на тому цуцьку. Пойдем у садочок, по чарке вы-

пьем. А то сижу здесь як сыч в дупле. Шо поробыш... пенсионер...

Ага, пенсионер... Дедушка – божий одуванчик. Старичок-боровичок. Интересно, сколько под ним ходит хуторской братвы?

Точно роту можно собрать. Конечно, это пожиже, чем было у его однофамильца батьки Махно во время Гражданской войны, однако тоже впечатляет.

Удивительно, но стол в саду уже был накрыт. Или Остап Гнатович кого-то ждал, или это у него было такое правило – завтрак плавно переходил в обед и заканчивался поздним ужином.

Порядок как в домах римских патрициев...

– Ну сидай, сидай, в ногах правды нэма. Сальцэ сам солил, попробуй. Ковбаску с села привезли, из-под Полтавы... очень полезительная. Добра ковбаса. Во рту тает. Настоящая, нэ в крамныци куплена. А горилочка... ух! Это меня греки азовские побаловали. Старые кореша. Чача называется. Из винограда. Вкус – як губы у панночки. Выпьешь – и не идешь, а летишь. Отака гарна вещь.

Остап Гнатович выглядел как настоящий запорожский казак – лысая и круглая, словно бильярдный шар, голова с небольшим чубчиком едва не на макушке, пышные седые усы, вышитая льняная сорочка и широкие синие шаровары от спортивного костюма.

Он даже люльку курил; наверное, чтобы подчеркнуть это

СХОДСТВО.

«Поихав бы на свою Украйну-неньку, – жаловался он как-то мне, – но шо мне там робыть? Там своих хлопцев до биса. Усё поделено и схвачено. А хочется весной послухать, як хрущи гудуть... а небо над стэпом якэ... як крыныця без дна. Ой, мама моя родная! Но я свой заповит напысав: як умру, то шоб отвезлы меня в тэ село, где жили мои деды-прадеды. От тягнэ мэнэ туды, хоч убый...»

– Да ты пей, пей, не сумлевайся, не отравлено... Ха-ха-ха... Помидорчик бери, бочкового посола. Со своей грядки. А цэ гусьок, еще утром в пруду плавал. Вин трохи охолов... та цэ ничего. Такэ гарнэ мясцэ можно исты и холодным. Закусывай, закусывай...

Нужно сказать, что Остап Гнатович не соврал ни на йоту. Азовская чача была просто потрясающей, не говоря уже о сале и колбасе.

Как жаль, подумал я с огорчением, что таких деликатесов ни в каких магазинах не найдешь. Любой сорт дорогой колбасы по вкусу напоминает мыло. А если еще узнать, как и из чего ее делают...

Что касается водки, то здесь вообще полный атас. Берешь бутылку и не знаешь, доживешь, выпив ее, до утра или нет. Такую лабуду бодяжат, что ею только тараканов травить можно, а не употреблять внутрь. Мрак...

– Ну, шо там у тебя стряслось, а, Стасик? – спросил мой визави, когда мы приняли на грудь по паре рюмок и закури-

ли.

– Остап Гнатович, я весь делах. И сейчас работаю. Нужна ваша творческая помощь.

– Оцэ так... Шо ж я тебе могу, старый пень, помочь? Уже и ноги плохо ходят, и голова як макитра – пустая...

– Не прибедняйтесь, Остап Гнатович, здесь все свои.

– Ха-ха... Умеешь польстить старику, умеешь. Ну давай, звони.

– Мне нужно отыскать на Хуторе одну девицу.

– То ты хочешь, шоб я взяв ноги в руки...

– Остап Гнатович, ваши возможности мне известны не понаслышке. Вы уж извините за прямоту. Вся надежда на ваших пацанов. Глаза у них соколиные.

– Шо есть, то есть... А яка вона, можеш карточку показать? Можэ я цю дивку знаю.

– Возможно. Хотя... вряд ли.

– Чого ни?

– Она не местная.

– А... Ну цэ инша справа.

– Вот ее фотография... – Я положил перед Довбней увеличенный снимок Дженнифер.

Его нам дал Рыжий. Дженнифер стояла на фоне статуи Свободы и несколько натянуто улыбалась.

– Так вона и по заграницам шастает? – спросил Остап Гнатович.

– А кто сейчас не шастает? Демократия...

– Сурьезная девка, – прокомментировал снимок Остап Гнатович. – Но я с нею не встречался.

Да уж, куда серьезней... Это мина замедленного действия. Думаю, что твоих, Остап Гнатович, крутых охранников, которые стоят на воротах, она гоняла бы как бобиков.

– Помогу я тебе... если смогу. Петро! – позвал он кого-то.

Петро появился, словно из-под земли. Ах, старый хрен! Даже мне не верит, хотя к его делишкам я не имею никакого отношения. Наверное, в кустах еще человека два-три сидят со стволами.

– Петро, позвони Миколу, хай пришлет ко мне домой своих хлопцев. Всех! Понял?

– Да, батьку, понял.

– И шоб быстро!

– Зробым...

С этими словами Петро исчез, будто его корова языком слизала. Он не ходил, а плыл над землей, практически не производя никакого шума. Да, это класс...

– Ну, як мои хлопцы? – спросил Остап Гнатович, и хитро подмигнул.

– Впечатляют. Таких бы в Чечню, в спецназ. А то там, говорят, некомплект. Но, боюсь, зарплата им не понравится...

– Шо да, то да... Они стоят дорого.

Остап Гнатович посмотрел на меня из-под своих мохнатых бровей пытливо и остро. Надо же, все-таки учуял сарказм в моих словах.

Все верно, разной шелупони воровской не место там, где идет речь о защите родины. За свою отчизну жизни отдают только лучшие. Уж так повелось издревле. Наверное, потому, что погибшие в бою солдаты безгрешны и попадают прямо в рай, минуя промежуточные инстанции.

А зачем в рай отбросы рода человеческого?

Ждать нам пришлось недолго. Мы едва успели оприходовать еще по две рюмки азовской чачи, как снова появился Петр. Он шел во главе целого отряда пацанов.

Вот она, наружка Довбни...

От пытливых молодых глаз не укроется ни одна деталь хуторского бытия. Похоже, Остап Гнатович платил пацанам небольшие денежки, но и за это они были ему очень благодарны, потому что обитатели Хутора зажиточностью не страдали.

– Ну-ка, хлопчики, гляньте, – сказал Довбня, предъявляя пацанам фотографию Джен. – Вы эту тетку нигде нэ бачылы? Кто ее узнает, тому премия.

На некоторое время в саду воцарилась тишина. Пацаны с напряженным вниманием рассматривали фотографию, передавая ее из рук в руки.

– Я видел, – вдруг сказал один из «разведчиков» Довбни.

– Шо ты говоришь!? Подойди сюда. Тебя как зовут?

– Гриша.

– Гриня, а дэ вона живэ? Знаешь?

– У тетки Колоденчихи.

– Точно?

– А мы живем по соседству.

– Сегодня ты видел ее?

– Не-а. Она днем никуда не ходит. Только вечером.

– Адрес! Назови адрес! – Я от нетерпения даже привстал со стула.

– Та який там адрес... – Остап Гнатович махнул рукой. – Там, где живет Колоденчиха, сам черт ногу сломит. Гриня, ты проводишь этого дядьку к вашему дому. А цэ тоби на конфеты... – Он вынул из кармана сторублевку и дал ее пацану. – Тока шоб потратил не на курево! Понял?

– Понял...

– Смотри мне... Петро!

– Слушаю.

– Веди пацанов на кухню, хай Параска их накормит. Бо вони голодни.

«Разведчики» упорхнули шумной веселой стайкой. Они совсем не стеснялись Довбни. Хитрый, хохол... Знает, на каких струнах нужно играть перед детворой.

И что с таким делать?

Только сажать в тюрьгу. Сразу, без суда и следствия.

Потому что найдутся сердобольные судьи и присяжные, которые не разглядят в этой его «опеке» состава преступления. А оно налицо, как бы я не относился к Остапу Гнатовичу.

Но что поделаешь, когда припечет, в прорубь прыгнешь. В

нашей работе мне приходилось просить помощи и не у таких персонажей...

– Ну, прощевай. Шо мог, то зробыв... – Остап Гнатович крепко пожал мне руку.

– Большое спасибо. С меня стол. Если надумаете выбраться в город, звякните. Поужинаем вместе в приличном ресторане.

– Хе-хе... К ресторанам я не привык. Сочтемся... А шо касается твоего «спасибо», – тут Довбня пристально посмотрел мне в глаза, – то это ты напрасно. Цэ я по гроб жизни твой должник. Если ще нужно шо, заходь. Цэ для мэнэ радость...

Я легко и свободно вздохнул только тогда, когда мы выехали на центральную улицу микрорайона. Что ни говори, а есть люди, обладающие гипнотическим воздействием на собеседника. Сидя за столом, я кожей чувствовал этот напор.

Похоже, пронзительные совиные глаза Довбни теперь будут некоторое время сниться мне по ночам...

Глава 23

Дом, где жила неизвестная мне тетка Колоденчиха и впрямь найти было сложно.

Ведь у нас раньше как строили жилье: сначала возводили, например, дом № 12; затем, когда микрорайон был уже полностью укомплектован согласно утвержденной планировке, какому-нибудь большому начальнику приходила в голову запоздалая мысль, что земельный отвод возле двенадцатого дома чересчур обширен для одного строения; и начинали штамповать – дом № 12а, № 12б... и так далее.

В конечном итоге получалась каша. Например, дом №14в мог находиться совсем на другой улице. Попробуй, отыщи его без местного поводыря. Но даже аборигены иногда становились в тупик в этом хитросплетении.

Тем более, что все дома были похожи друг на друга, как близнецы, и на многих отсутствовали таблички с их порядковыми номерами.

– Тама, – указал пацан на окна одной из квартир второго этажа.

– Точно? Ты не ошибаешься?

– Нет, – уверенно ответил пацан, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Я понял его состояние. Ему хотелось как можно быстрее добраться до магазина, чтобы оприходовать «премию» Оста-

па Гнатовича.

– Спасибо, хлопец. Беги...

Мои слова пацан исполнил в точности. Он взял с места в карьер, да так, что только пятки засверкали.

Эх, махнуть бы с ним годами...

– Что будем делать? – спросил Михеич.

– А полегче вопроса у тебя нет?

– Может, войдем в квартиру нахрапом и?...

– И тебя вынесут вперед ногами. Ты даже не можешь представить, что это за штука.

– Брось... Баба есть баба.

– Михеич, это не баба, а ниндзя. Слышал о таких?

– Слышал. И в кино видел. Сказки все это. Даже самый козырный ниндзя не остановит пулю.

– Пока ты соберешься пухнуть, она два раза успеет тебя замочить. Так что не хвались на рать идучи.

Михеич умолк. Но по его лицу я видел, что бывшего мента, который привык в своей работе особо не церемониться с законом и правами граждан, мои доводы не убедили. Вот упрямец...

А и впрямь, что теперь? Привезти сюда Рыжего, чтобы он спел под окнами тетки Колоденчихи серенаду для своей возлюбленной?

Представляю этот концертный номер... Хотя в нем и может быть что-то романтическое. Чтобы любовь у них была покрепче и на всю жизнь.

Так-то оно, так, но теперь дело видится гораздо глубже. И проблема уже не только в Крапивине. Если, конечно, мои выводы верны. Каша заварилась гораздо раньше. А расхлебывать приходится сейчас. Мне и моим друзьям.

– Между прочим, мы тут не одни, – вдруг подал голос Влад.

– Ты о чем? – спросил я удивленно.

– Возле дома «пехота». Кого-то пасут.

– Иди ты! Где?

– А вон стоит «жигуль». В нем находятся двое, а один прохаживается неподалеку от нужного нам подъезда. Видишь?

– Вижу. Блин! Не было печали...

– Но и это еще не все. Возле следующего подъезда припаркована еще одна машина, кажись, «форд». Отсюда не разобрать... Похоже, что в этой тачке сидят товарищи тех, кто в «жигуленке».

– Скорее всего... Глаз не сводят с подъезда, в котором находится квартира тетки Колоденчихи... Кто это может быть? Менты?

– Нет, – авторитетно заявил Михеич.

– Почему?

– Грубая работа. Их может заметить даже человек весьма далекий от таких проблем. Несмотря на все перетряски последнего десятилетия, ребята в милицейской наружке имеют хорошую квалификацию. А эти действуют топорно. Дилетанты.

– Тем не менее, их много. И, наверное, все со стволами.

Я с невольным вздохом посмотрел на Влада. Пистолет был только у него. Но что такое оружие ближнего боя, если у тех, кто сидит в «форде» и «жигулях» могут быть «калашниковы»? Ничего. Ноль. Почти что рогатка.

– Подозреваю, что они приехали по наш «товар», – сказал я кисло.

– Возможно, – поддержал меня Михеич. – И теперь ждут, когда Дженнифер появится на улице.

– Если пацан не ошибся, то ждать им придется долго. Но насколько я знаю братков, – а это точно они; морды у этих хмырей уж больно наглые – долготерпение не является их добродетелью.

– Значит, скоро пойдут на штурм, – сказал Михеич.

– Угу, – кивнул я с сокрушенным видом. – Возможно, они ждут сигнал к началу действий.

– Или подкрепление, – дополнил меня Влад.

– Не исключено. Интересно, тылы они прикрыли?

– Проверить? – Влад приоткрыл дверь машины.

– Не мешало бы... Вот только знать бы, как у нас со временем. Ладно, все равно нужно что-то делать. Но пока в башке что-нибудь свариться, надо провести разведку. Только не боем! Понял?

– Так точно.

– Только вернись немного назад и подойди к дому вон через тот палисадник. Там такие дебри, что заметить тебя бу-

дет трудно. Даже если смотреть сверху, с этажей.

– Учи ученого, – беззлобно буркнул Влад и испарился.

Он был очень даже неплохо подготовлен. Я лишь недавно узнал, что во вторую чеченскую кампанию Влад служил в составе группы специального назначения, которая воевала в тылах бандформирований.

В мою военную бытность мне приходилось об этих парнях слышать, но видеть – никогда. Они были настолько засекречены, что о составе этого подразделения знал лишь очень ограниченный круг военачальников – от силы три-четыре человека.

В состав спецгруппы входили почти сплошь офицеры, в основном бывшие афганцы, и те, кто воевал на африканском континенте. Это были асы из асов.

Почти полгода они шерстили «чехов», как бобиков. В плен никого не брали, чтобы не раскрыть свое инкогнито.

Обеспокоенные большими потерями в тылу, то есть, в горах, главари бандитов устроили на них настоящую охоту. Естественно, подняли и свои связи среди высокопоставленных российских военных. Продажных тварей во все времена хватало...

Но у них везде вышел облом. В спецгруппу вербовали только парней с гражданки, потому они нигде не числились. В штабных документах не мелькала ни одна фамилия бойцов этого элитного подразделения.

А истребительные отряды чеченских бандитов несли

огромные потери – потому что бойцы спецгруппы практически всегда (что значит большой боевой опыт!) обнаруживали их первыми и били, как глупых куропаток, – внезапно, шквальным огнем, и прицельно...

Влад возвратился спустя полчаса.

Все это время я места себе не находил. Напряжение нарастало ежеминутно. Я видел, что и наши, так сказать, соперники, тоже нервничают. А может, мы ошибаемся, может, у них другая цель?

Но интуиция упрямо твердила: нет, все правильно, ошибка исключается, уж больно эти парни в «форде» и «жигулях» похожи на бойцов Курамшина – тех, кто замочил Кирика. И по повадкам, и по походке. Только сейчас они были без масок.

Теперь все наши конкуренты выползли на свет ясный. В машинах остались только водители. Тыловое подкрепление.

Они рассредоточились и охватили подъезд по дуге. Не оставалось никаких сомнений, что вскоре должен последовать приказ на штурм твердыни – квартиры неизвестной, но уже симпатичной мне, тетки Колоденчихи.

– Ну как? – встретил я Влада вопросом, который буквально вырвался из груди.

– Худо. Там засада.

– Сколько?...

– Я насчитал двоих. Но возможно, их больше. Мне не хотелось раскрываться раньше времени, и я не стал углублять-

ся в сад.

– Сад?

– За домом не только огородики, как обычно, но кто-то посадил еще и несколько фруктовых деревьев. Есть там и кусты – смородина, крыжовник, малина...

Все-таки крестьянская сущность многих горожан неистребима. Отлученные от земли – по своей ли воли, а может, по каким-то другим причинам – они заводят под окнами квартир на крохотных клочках земли огородики.

И не ради нескольких огурцов или пучка редиски. Свежие овощи и фрукты – чаще всего привозные, из-за бугра – можно купить в ближайшем магазине даже зимой.

Им приятно ковыряться в земле, ощущая себя не просто зверьком, запертым до конца дней в благоустроенной клетке, а творцом, человеком мыслящим, у которого тяга к созиданию заложена в генах.

Огородик – это мини-вселенная работающего горожанина.

– Тэк-с... – Я сильно потер виски, чтобы сосредоточиться. – Надо действовать. Дело худо. Или мы успеем, или... В общем, понятно. Михеич!

– Да.

– Подгонишь машину вон к тому дому. Поставь ее так, чтобы от подъезда она не просматривалась. Понял мою мысль?

– Не совсем. Если идти туда, то нужно всем вместе...

– Они нас вмиг сомнут. Их в три раза больше. Вон у од-

ного в руках спортивная сумка. Как ты думаешь, что в ней?

– А что тут думать? Шмайсер.

– И скорее всего не один. Так что выполняй приказание. Машину держи под парами. Чтобы мы прыгнули в нее – и с места в галоп.

– Слушаюсь.

– Теперь ты, Влад. Возвращайся в этот садик за домом и наведи в нем порядок. Вычисти мусор. Только начнешь работать по моей команде. Проверьте свои говорилки. Норма? Отлично. И еще одно, Влад, – не сильно увлекайся. Мы дома, не в Чечне. Глушить клиентов можно, но не до слякоти. Нам «мокруха» не нужна.

– А если они начнут стрелять?

– Чему тебя, блин, учили!? Сделай так, чтобы все было тихо, как в могиле. Если ты их всполошишь, тогда можно будет на всей операции поставить жирный крест.

– Сделаем. Все, я ушел.

– Я тоже...

Бабулька понравилась мне с первого взгляда.

Я заметил ее минуты три назад. Нагруженная пакетами, она напоминала трудолюбивого муравья. Похоже, не впечатляющая физическими данными старушка – она была сухонькой и не вышла ростом – прикупила дыни или арбузы и тащила их домой.

Возможно, я бы и не глянул в ее сторону при таком огромном внутреннем напряге. Но она шла по протоптанной на

газоне тропинке, которая вела как раз к тому подъезду, что мне нужно.

Я мигом подскочил к бабушке и сказал:

– Давайте я вам помогу.

– Ох... Спасибо тебе, хлопчик. – Старушка, не задумываясь ни на секунду, отдала мне пакеты и, наконец, разогнулась. – Старость – не радость. Совсем руки не тянут.

– А что же вы так нагрузились?

– Попала на распродажу. Купила за полцены. Арбуз, две дыньки, синенькие... Пенсия у меня маленькая, вот и приходится выкручиваться.

– Это понятно... Вам куда?

– Вон к тому подъезду. А там уже лифтом...

У меня сразу отлегло от сердца. Я не ошибся – бабушка была соседкой тетки Колоденчихи.

А может, это она и есть?

Эта мысль так поразила меня, что я на миг забыл о наших конкурентах, которые провожали меня и старушку различными взглядами. (Чтобы немного замаскироваться, я согнулся в три погибели, пытаясь стать ниже ростом).

– А вы на каком этаже живете? – спросил я враз охрипшим голосом.

Если это Колоденчиха, то в ее квартиру можно будет войти без шума и пыли, как говорил один киношный персонаж.

– На шестом, хлопчик. Пока долезу туда, когда лифт не работает...

– Не переживайте, я помогу.

– Добрая ты душа. Пусть хранит тебя Господь...

Я был немного разочарован. Но что поделаешь, не все ко-ту масленица, бывают и постные дни.

Мы зашли в подъезд без приключений. К счастью, и лифт работал. Я сел в него вместе с бабулей и доставил груз прямо к двери ее квартиры. А затем начал спускаться по лестнице. Я опасался, что второй этаж уже прикрыт сверху.

И оказался прав. На площадке третьего этажа стоял, при-слонившись к стене, скучающий малый. Он хмуро глянул на меня и отвернулся.

Салабон...

Вот этого как раз ему и не следовало делать. Похоже, у парня опыта в разрешении таких ситуаций не было никакого.

Главная премудрость восточных боевых искусств (да и не только восточных) гласит: кто бы тебе не встретился на пути – старик, девушка, ребенок, а тем более мужчина в расцвете сил – считай его врагом, и всегда будь готов отразить нападение.

Я ударил его так, как бьет змея – тычком, в основание шеи. Он вырубился, даже не охнув, и начал сползать по стене.

Я подхватил обмякшее тело, оттащил к толстой трубе мусоропровода и усадил так, чтобы его могли принять за пьяного, если кому-то из жильцов третьего этажа вздумается в течение ближайших пяти минут вынести ведро с мусором.

Что касается самого бойца, то я мог дать гарантию, что он будет «спать» как минимум пятнадцать минут. А если у него есть проблемы со здоровьем, то возможно и не проснется никогда.

Но я надеялся на лучшее, хотя, если честно, особо и не переживал на сей счет.

Обыскав парня, я с удовлетворением ухмыльнулся. Теперь и я вооружен. Мне достались трофеи в виде пистолета Стечкина и запасной обоймы. Машинка просто козырная. Клево...

Никаких документов, удостоверяющих личность парня, я не нашел. У меня немного отлегло от души. Значит, нам противостоят не сотрудники правоохранительных органов. Иначе пришлось бы просить прощенья. Или потихоньку смываться. Что никак не входило в мои планы.

Я прикинул ухом к двери квартиры тетеньки Колоденчихи. Тихо. Ни единого звука. Дома ли тетенька?

Но про нее ладно. А вот как там насчет Дженнифер... или Жанетты?

Надо форсировать события! С этой мыслью я несколько раз нажал на кнопку дверного звонка. В ответ – ни мур-мур. Я снова вдавил пластмассовый пятак до упора и держал его в таком положении с минуту. Звонок так трезвонил, что мог и мертвого разбудить.

На этот раз за дверью появилось какое-то шевеление. Нет, я так ничего и не услышал. Но у меня настолько обострились

все органы чувств, что я просвечивал дверь как рентгеном. Да, там кто-то стоял.

Кто?

А что там гадать. Скорее всего, Дженнифер. Тетка Колоденчиха не стала бы таиться. Чего ради?

– Дженнифер, откройте! Вы в опасности. Я помогу вам спастись. Не молчите, я знаю, вы меня слышите.

Никакой реакции. Понятное дело – девка ошеломлена. Наверное, она не думала, что так быстро найдут ее новую норку.

– Дженнифер, я друг Кости Крапивина... – Соврамши! Рыжий никогда не был мне другом; так, приятель; ну да ладно, ведь все для пользы дела. – Это он попросил меня разыскать вас. Я знаю, о чем вы ему недавно написали. – Мне пришлось бросить на стол последний свой козырь. – Хотите, расскажу?

– Не нужно... – Дверь распахнулась так быстро, что я даже опешил; это когда же Дженнифер успела ее отомкнуть?

Да, это была она. Все в том же брючном костюме, который был на ней во время посещения «Шаловливых ручек».

– Это вы!? – Они впились цепким взглядом в мое лицо. – Тогда, возле бара...

– Узнали... Да, я. Собственной персоной. И все-таки я с вами познакомлюсь. – Я улыбнулся. – Увы, тогда вы очень спешили... Меня зовут Стас.

– Входите, быстро! – Она буквально втянула меня внутрь

квартиры резким рывком. – О какой опасности вы говорите?

Все верное, сентименты побоку. Поговорить и полюбезничать можно и в более спокойной обстановке. Сначала дело.

– Дом окружен. Я чудом сюда прорвался.

– Кто?...

– Версии есть... Но это не суть важно. Нужно уходить. Срочно.

– Куда и как?

Она смотрела на меня с недоверием и была как туго натянутая струна. Это понятно. И кстати, нужно помнить, что мне нельзя делать лишние движения. Иначе получу сюрикен прямо в лоб. Я видел, как работают настоящие мастера этого дела.

Это даже не молния, а нечто совсем неуловимое. Миг – и мишень поражена.

Я так и не смог даже приблизиться к столь фантастической реакции и скорости работы с холодным метательным оружием, хотя времени на тренировки потратил немало.

– Мне ли вас учить... – Я улыбнулся. – Парадное заблокировано, за домом засада. Но прорваться можно только в том направлении.

– Сколько там людей?

– Мы насчитали двух.

– Мы?...

– Я ведь не Терминатор. Работаю с помощниками. Ваше

слово, и я отдам приказ, чтобы нам очистили дорогу. Да не волнуйтесь вы! Я действительно заинтересован, чтобы вас отсюда вытащить. Впрочем, у вас просто нет иного выхода, как довериться мне.

– Тогда не будем терять время, – сказала она решительно. – Начинайте.

Я включил переговорное устройство:

– Влад, ты слышишь меня, прием!

– Слышу... – Влад говорил шепотом.

– Ты пересчитал клиентов?

– Да. Их больше, чем двое. Но остальные засели в густых кустах, и я не могу к ним подобраться вплотную без шума.

– Что ж, ввяжемся в драку, а там видно будет. Нас поджигает время. Начинай!

– Есть...

Я не боялся, что наши переговоры услышат посторонние. У Влада были специальные наушники с миниатюрным микрофоном.

– Теперь к балкону! – сказал я Дженнифер, которая внимательно вслушивалась в наши переговоры. – Когда скамандую – прыгайте. И сразу бегите направо. За следующим домом стоит машина... – Я назвал марку, цвет и номер. – Садитесь в нее и ждите нас. Если мы не подтянемся в течение пяти минут, уезжайте.

– А как же вы?

– Разберемся. Не впервой. Главное, чтобы у вас все было

тип-топ.

– Что такое тип-топ?

Надо же, оказывается, она кое-что все-таки забыла. Впрочем, в современных жаргонных словечках сам черт ногу сломит. Особенно тех, которые касаются Интернета и компьютера. Там такое наворочено... Даже Марк иногда путается в этом новоязе.

– Это значит вэри гуд... – Я очень медленно достал пистолет, заткнутый за пояс сзади, – чтобы она видела каждую фазу моего движения – и сказал: – Я буду вас прикрывать. Не хотелось бы шуметь... но если не будет иного выхода...

Может, ее и насторожило оружие, но виду она не подала. Только немного сменила позицию. Понятное дело – чтобы я не смог застать ее врасплох.

М-да, девку и впрямь хорошо подготовили. Нужно будет потом спросить, где эта школа находится и под чьей «крышей»...

– Шеф! – раздался голос Влада.

– Что там у тебя?

– Два объекта в отстое. Продолжать?

– Подберись к остальным как можно ближе. Через минуту мы выходим. Тогда у тебя появится шанс.

– Понял.

– Вы готовы? – спросил я Дженнифер.

– Да.

– Вещи есть?

– Нет. Я належке.

– Отлично. Постарайтесь не подвернуть ногу. Там может быть заборчик вокруг огородика – такие ограждения обычно лепят из всякой дряни. Поэтому постарайтесь прыгнуть на сам огород, как можно дальше.

– Я постараюсь...

Кто бы сомневался... Ваши способности, мэм, нам уже известны.

Она прыгнула совсем не так, как я предполагал. Дженнифер сделала короткий разбег, затем будто нырнула вперед, и уже в воздухе крутанула классное сальто. Типичный прыжок ниндзя.

Ну баба... Счастливчик этот Рыжий. Денег у него имеет столько, что куры не клюют, а тут еще и с невестой подфартило.

Правду говорят про таких любимчиков фортуны, что они рождаются с серебряной ложкой во рту...

Я немного задержался с прыжком – на полминуты, не более. Естественно, не без задней мысли.

Конечно, стрелять первым я просто не имел права. Но если они хоть раз пульнут по Дженнифер, тогда я с преобладающим удовольствием развяжу маленькую войнуху, благо патронов у меня вдоволь.

Я видел, как наперерез девушке кто-то выскочил. И тут же его словно корова языком слизала.

Влад... Выходит, в кустах сидел всего один человек. Если,

конечно, Влад не разобрался со вторым немного раньше.

Эта мысль еще билась в моей черепушке, а я уже сигал через перила. Прыжок с высоты второго этажа для бывшего десантника мелочь. Тем более на вскопанную землю.

Очутившись внизу, я первым делом бросил взгляд в ту сторону, куда побежала Дженнифер. И виртуозно выругался. Гребаный Экибастуз! На девку навалились два быка и уже заламывали ей руки.

Значит, была еще одна засада...

Умно, ничего не скажешь. Похоже, бойцы Курамшина (а это точно были они, я совершенно не сомневался в своих оценках) учли ошибки при нападении на виллу Кирика. Но как их проглядел Влад?

Держа в руках пистолет, я рванул на помощь Дженнифер. Но добежать не успел. Она каким-то чудом вывернулась, отскочила в сторону, а дальше...

Дальше нужно было видеть. Вместо того, чтобы держать дистанцию между собой и этими здоровенными мужиками, она вдруг по-змеиному плавно скользнула к ним на встречу, их тела соприкоснулись... и все.

Два здоровенных быка как-то плавно, словно в замедленной съемке, опустились на землю и улеглись на ней с намерением спать как можно дольше; возможно, до начала Страшного суда. От этой девки всего можно было ждать.

Я подбежал к ней и спросил:

– Все нормально?

– О`кей, – ответила она по-английски.

– Они хоть живы?

– Наверное.

Хороший ответ, ничего не скажешь...

Влад догнал нас уже возле машины. На левой скуле у него виднелся кровоточащий порез.

– Напоролся? – спросил я, предупредительно открыв дверку перед Дженнифер.

– Он все-таки увидел меня.

– Спец?...

– Ну...

– Ты что, заглушил его?

– Нет. Всего лишь усыпил. Но надолго. Пришлось покувыркаться. Здоровый бык...

– Хорошо, что так обошлось.

– Хорошо...

Поговорили. Я нырнул в салон и скомандовал Михеичу, который был бледнее обычного – переживал:

– Крути педали! Дуй через дворы, чтобы нас не заметили.

Михеич потихоньку, на малом газу, вырулил из кустов на дорожку, и мы покатали, куда глаза глядят – лишь бы подальше от места событий.

Нас никто не преследовал.

Глава 24

Мы сидели в нашем офисе, пили кофе и разговаривали. Вернее, больше говорила Дженнифер, а мы лишь иногда задавали ей наводящие вопросы.

– ... Я увидела ее фотографию в английском журнале. Увидела – и не поверила своим глазам. Мне показалось, что я смотрюсь в зеркало! Сходство было потрясающим. Я не стала говорить о своей находке отцу и матери, потому как мне давно стало казаться, что в моем рождении есть какая-то тайна, и немедленно вылетела в Лондон. Но опоздала – буквально за неделю до моего приезда она окончила Кембриджский университет и уехала отдыхать на какие-то экзотические тихоокеанские острова. Я навела справки. Оказалось, что она жила в Англии с детства. У меня создалось впечатление, что ее просто прятали на Британских островах. (Кстати, в России она живет всего ничего – второй месяц и в городе ее мало кто знает). Возвратившись домой, я показала журнал с ее фотографией отцу и матери. Они были в шоке. Но нужно сказать, что отец быстро вышел из шокового состояния и моментально связал концы с концами; он очень проницателен и обладает аналитическим складом ума. Вот тогда они мне все и рассказали... Я не могу их винить, не имею права, они любили меня и любят, хотя и не родные. Нужно сказать, что я была в шоке. Все эта история показалась мне настолько

невероятной, даже неправдоподобной, что не будь той фотографии в журнале, я бы не поверила на слово никому, даже своим приемным родителям...

Она крепко сжала чашку с кофе своими длинными, с виду изящными, но очень сильными – смертельно сильными, как я уже знал – пальцами.

– Россия моего детства мне помнится смутно. Я была слишком маленькой, чтобы как-то систематизировать свои ощущения. В городе мы прожили недолго – по-моему, где-то с год. Затем отец перевелся в Москву. Наверное, он опасался, чтобы не была раскрыта тайна моего рождения. Москва мне запомнилась как каменные джунгли, в которых много музеев и театров. Меня водили почти на все спектакли Большого, а что касается музеев, то я побывала, наверное, во всех, и по нескольку раз. Так меня приучали к русской культуре, от которой мама была в восхищении. Что касается отца, то он ходил на разные представления больше из конъюнктурных соображений. Ведь он дипломат, и посещение подобных мероприятий входило в круг его неформальных обязанностей.

Дженнифер на какое-то время умолкла – наверное, собираясь с мыслями. Плат не отрывал глаз от ее лица, смотрел строгим ментовским взглядом, как и подобает шефу солидного сысского агентства, а Маркузик от волнения нервно покусывал ногти.

Время от времени он вспоминал об этой своей плебей-

ской привычке и испуганно прятал руки под стол. Но ненадолго – уж больно рассказ Дженнифер был захватывающ. А еще больше Марка волновали денежки Рыжего, которые мы теперь точно получим, и он, видимо, уже сводил в уме дебет-кредит.

Что касается меня, то я откровенно балдел. Дело почти закончено, значит можно хорошо расслабиться. Возможно, даже махнуть с Ксаной, как я ей и обещал, на море. Пусть работает трактор, он железный. А то мои нервишки уже начали напоминать о себе. Нужно их подлечить. Работа, блин, чересчур беспокойная...

– Потом отца перевели в Японию. Этот период моей жизни запомнился мне во всех деталях, но, я думаю, вас он не должен интересовать.

– Почему не должен? – Я ухмыльнулся. – Мне вот все время хотелось вас спросить: где вы так ловко научились махать руками и ногами?

– А... Это... – Дженнифер коротко рассмеялась. – В принципе, все очень просто. Отец хотел видеть меня сильной и смелой девочкой, чтобы я могла защитить себя в случае нападения грабителей. А поскольку связи у него были большие, он нанял мне в качестве сэнсэя¹⁴ одного старого японца. Правда, ездить к нему было далековато – он жил в горах. Но у меня был личный водитель, так что мои занятия боевыми искусствами больших хлопот родителям не доставили.

¹⁴ Сэнсэй – учитель, мастер (яп.)

Чего нельзя сказать обо мне... – Девушка снова улыбнулась – на этот раз с грустью. – До самого окончания школы у меня практически не было свободного времени. Я даже телевизор смотрела раз в неделю – когда был выходной.

– Вы так долго прожили за границей, а говорите практически без акцента... – Плат не спросил ее, а скорее констатировал свои ощущения.

– Здесь нет никакой тайны. Отец готовил меня к дипломатической службе – ведь у него в роду все были дипломатами. Можно сказать, династия в госдепартаменте. Поэтому для успешной карьеры я должна была хорошо владеть несколькими иностранными языками. Я читали книги и газеты на японском и русском языках, слушала радиопередачи. Часто общалась с детьми сотрудников российского посольства.

– Понятно... – Плат потянулся за своей знаменитой трубкой, но тут же отдернул руку; наша гостья не курила, и запах табачного дыма был бы ей неприятен. – Извините, вопрос личного характера... Но я должен его задать. Как у вас все вышло... с Костей?

– Скажу вам откровенно: когда я узнала о тайне своего рождения, мне до смерти захотелось побывать в моем родном городе... чтобы найти своих настоящих родителей. А еще... Еще я хотела отомстить тем, кто так со мной поступил. Да, хотела! У меня в Америке есть друзья, русские эмигранты последней волны. И вот однажды они пригласили меня на какое-то торжество. Там я и увидела Костю...

Меня так и подмывало спросить: неужели он такой красавец, что ты, подруга, втюрилась в него с первого взгляда? Что-то не очень верится.

Как по мне, так у Рыжего физиономия чуть краше моей. Да и то если смотреть поверхностно.

А ежели копнуть поглубже, заглянуть в душу, то куда ему до меня. Да вот беда – современным девушкам плевать на доброту и широту мужской природы. Им подавай олигарха, или, на худой конец, миллионера.

Но чтобы заработать миллион, мне нужно будет пахать, как минимум, лет сто.

Увы, так долго частные детективы не живут...

– ... Возможно, между нами ничего и не было бы, но он, немного подпив, начал расхваливать свой бизнес, и в разговоре упомянул родной город. Меня будто током ударило. Неужели!? И я вдруг поняла – это судьба. Потом мы встретились... Но это уже для вас совсем не интересно. Скажу только, что поначалу Костя мне просто понравился – как человек...

Еще бы не понравиться... С его-то деньгами.

Я мысленно рассмеялся. Чай, на дипломатической службе, к которой тебя, дорогуша, готовили приемные родители, такие бабки не закопытишь.

– А по какой причине вы ушли от него? – спросил Плат.

– Я не уходила. Это не так. Спустя три недели по приезду я заметила за собой слезку. Наверное, в Америке на такие

вещи я не обратила бы никакого внимания. Но здесь у меня нервы были напряжены до предела. Я стала шарахаться от собственной тени.

– Почему?

– Едва приехав в город, я начала наводить соответствующие справки. Обратилась в городской архив. Но там все так запущено, что мне пришлось бы ждать ответ год, а то и два. Что совсем меня не устраивало.

«Ты лучше бы кинула пару сотен баксов бабе Нюре, – подумал я со скепсисом. – Нашла где искать – в городском архиве... Там крысы скоро сожрут не только бумаги, но и сотрудников архива». Мне уже приходилось иметь дело с этим заведением, и я дал себе слово – больше туда ни ногой.

– И тогда вы отыскивали Клычкова... – Плат подобрался, как перед прыжком.

– Да. Это было несложно. Я вышла на Клычкова через его жену.

– Это нам известно. Мы пока не знаем главного – как вы раскопали, что он причастен к событиям в роддоме?

– Чего проще... Отец назвал имя и фамилию посредника, которому он заплатил деньги. Им как раз и был Клычков.

– А кто затеял эту операцию, вы уже знаете?

– Откуда? Тот человек так и остался в тени. Клычков обещал мне сказать, но не успел...

– Ну, предположим, из тени мы этого негодяя вытащим... – буркнул я, наливаясь желчью.

Плат бросил на меня гневный взгляд, и я прикусил язык. Все верно – пока Дженнифер не должна знать некоторые вещи.

– Что вам рассказывал Клычков? – спросил Плат.

– Когда я представилась ему первый раз и сказала, что мне известна его роль в моей судьбе, он сильно испугался. Но назвать человека, организовавшего всю эту аферу, все равно отказался. Я его и умоляла, и угрожала ему, и большие деньги предлагала... Тщетно. Похоже, Клычков сильно боялся его.

Еще бы не бояться... Что и подтвердили события на вилле.

– Наверное, Клычков рассказал тому человеку о моем появлении в городе и о том, что я ищу своих настоящих родителей, – продолжала Дженнифер. – Потому как спустя два дня после первой нашей встречи с Клычковым ко мне был прицеплен «хвост»...

– Который вы успешно обрубите, сбежав из фитнес-клуба, – подхватил ее мысль Серега.

– Они не оставили мне выбора. Я просто не могла подставить Костю, не имела морального права; мои дела – это мои дела. Интуитивно я почувствовала, что неизвестный мне торговец детьми – очень опасная личность. А значит, он готов пойти на любое преступление, лишь бы никто не докопался до его роли в тех давних событиях.

– И вы спрятались на даче Клычкова...

– Да. Со слов Зины я знала адрес дачи. Туда я доехала на такси. Но меня все равно и там вычислили.

– Ну, предположим, убийцы шли не за вами, – сказал Плат. – Есть у нас и такая версия. Под расклад, скорее всего, вы попали случайно. Я почти уверен, что бандиты не знали, где вы прячетесь. Видимо, Клычков не сообщил им, что вы находитесь у него. Почему? А потому, что он хотел «наварить» на вашей беде еще мешок «капусты». (Так у нас называют американские доллары). Потом он мог вас преспокойно сдать. Увы, жадность фраера сгубила... Бандитам обязательно нужно было убрать Клычкова. Для главного мафиози – назовем его так – он стал очень опасным. Как важный свидетель.

– Возможно...

– Извините, а кто тот мужчина, с которым вы встречались в баре? – Этот вопрос вертелся у меня на языке добрых полчаса.

Дженнифер коротко рассмеялась.

– Могут быть у женщины маленькие тайны? – ответила она вопросом на вопрос.

– Могут, – сказал я и сокрушенно вздохнул.

– Ладно, скажу, – рассмеялась Дженнифер. – Это был коллега отца. Я просила его о помощи. Мне нужны были деньги для Клычкова. Вы довольны моим ответом?

– Вполне. Я так и понял... еще тогда. – Я довольно улыбнулся.

– У вас зоркий глаз, – вернула мне улыбку Дженнифер.

– Ну что, отдохнули? – Серега посмотрел на свои наручные часы. – Нам пора. Момент... – Он позвонил по мобильному телефону. – Алло, как там у вас? Ходит по магазинам? Отлично. Мы будем через пять минут. Да... Да... Если не успеем, придержите. Любой ценой. Машину подставьте! Мне ли вас учить. Все, отбой. Поехали...

Шикарный бутик для обычных посетителей был закрыт. На его дверях стояли два охранника-бугая, которые на корню пресекали попытки проникнуть внутрь. Правда, нужно отметить, что желающих раскошелиться в этом престижном магазинчике было немного.

– Нельзя! – грубо остановил меня охранник.

– Это почему? – поинтересовался я невинно.

– Не видишь, закрыто. Вон написано.

– Да, мне тут вообще делать нечего, если честно. А ее вы пропустите?

Я отступил в сторону, и из-за моей спины вышла Дженнифер.

Это был трюк... Охранники, что называется, поплыли. У одного из них отвисла челюсть, и его просто переключило, а второй сначала издал горловой звук, напоминающий хрип висельника, а затем все-таки сумел членораздельно сказать:

– Вы... это... когда?...

Но Дженнифер лишь улыбнулась и сделала властный жест рукой. Парни дружно, как по команде, расступились, осво-

бождая проход, и девушка зашла в бутик. За нею последовали и мы с Платом.

Охранники даже не подумали нас останавливать; они вообще перестали на что-либо реагировать, потому как в этот момент к каждому из них подошли по двое парней Рыжего и предъявили им свои стволы. Все было проделано молча, но очень серьезно, поэтому охранники даже не пытались трепыхаться.

В бутике мы увидели двух продавщиц и еще одну девушку; как раз она и была нам нужна. Девушка не обратила на нас никакого внимания. Она рассматривала какую-то сногшибательно дорогую импортную тряпку; естественно, от известного кутюрье.

– Жанна! – окликнул я девушку. – Можно вас на минутку?

Девушка неторопливо повернулась на зов – и застыла. Ее взгляд впился в лицо Дженнифер. Американка подошла к ней вплотную и сказала:

– Ну, здравствуй... сестричка.

Мы с Платом, шагая едва не на цыпочках, деликатно удалились, прихватив с собой и ничего не понимающих продавщиц. По нашей настоятельной просьбе они остались дежурить у входной двери вместе с охранником бутика.

– Все в порядке, – сказал я парням Рыжего. – Верните им оружие. А вы, соколы, – обратился я к незадачливым телохранителям дочери Курамшина, – ждите возле машины. Только без глупостей! Ваша подопечная скоро выйдет.

Мы с Платом закурили. Нужно сказать, что волнение и нас не миновало. Не всегда нам выпадает удача совершить доброе дело. Как настоящие волшебники, мы поспособствовали встрече двух сестер-близняшек.

Да, Дженнифер и Жаннет были родными сестрами. Девочек внаглую умыкнули из роддома, сказав их матери, что детей она родила мертвыми. А затем продали: одну американскому дипломату, а вторую получил Курамшин. Именно у его жены случился выкидыш.

Теперь нам оставалось лишь довести дело до логического завершения.

– Нам нужна поддержка, – сказал Плат.

– Справимся. У нас бойцов хватит.

– Тебе нужны трупы? Чтобы «обрадовать» Жердина?

– А мы все обтяпаем чисто. Нам ведь не впервой.

– Аника-воин... Не получится. По моим сведениям, он собрал под свои знамена большие силы. Нам нужна поддержка сверху. С ним даже менты не сладят. Он многих купил, что называется, на корню. Я ведь не зря со своими бывшими коллегами почти три часа трепался. Картина вырисовалась очень интересная...

– Понял. Согласен.

В это время отворилась дверь бутика и вышли сестры. Буйной, всепоглощающей радости на их лицах я почему-то не заметил. Наверное, потому, что для Жанны встреча с сестрой все еще была за гранью реальности.

Ну, ничего. Все образуется. Главный сюрприз – впереди. Они еще не знают, куда мы сейчас едем...

К воротам господчи мы подъехали в сумерках. Периметр дачи и ворота охраняли омовцы.

– Ну и как мы будем прорываться? – спросил я Плата. – ОМОН – это не бандиты. Сомнут на хрен, не успеешь и пискнуть.

– Не дрейфь. Мы напишем петицию... – И Плат, выдрав листок из своей записной книжки, написал на нем несколько фраз.

– Почему остановились? – грозно спросил одетый в камуфляж омовец. – Проезжайте. Здесь нельзя стоять.

– У нас проблема, – ответил Плат. – Нам срочно нужно увидеть губернатора. Я знаю, что он уже приехал домой.

– А больше вам ничего не хочется? – съязвил омовец. – Уезжайте отсюда, пока я добрый. Иначе...

– Не кипятись. Пусть кто-нибудь передаст губернатору... или его жене эту записку. Это для них очень важно. Поверь, своим поступком ты сделаешь губернатору большую услугу. А я постараюсь, чтобы он узнал твое имя.

– Вы... не обманываете?

– С какой стати? Я же не мальчик. Мы серьезные люди.

– Ну ладно... – Омовец все еще колебался. – Попробую... Но машину все равно уберите! Не положено.

– Какие проблемы... Сделаем.

Дожидались мы долго. От нетерпения я весь издергался.

Но вот, наконец, из двери КПП выскочил наш посыльный и бегом направился к нам.

– Все нормально, – сказал он возбужденно. – Проезжайте. Только мне нужен чей-нибудь паспорт. – И добавил немного виноватым голосом: – Извините, служба...

– О чем речь... – Плат ухмыльнулся. – Держи... Кстати, как твоя фамилия? Я слово свое сдержу.

– Петрищев я, Олегом зовут.

– Запомним. Спасибо, товарищ Петрищев, за службу...

Нас провели на второй этаж губернаторского особняка. Но уже не омовцы, а какой-то упитанный мужичок; наверное, повар, потому что от него вкусно запахло щами.

– Сюда, – сказал он, предупредительно распахивая высокую дубовую дверь.

Нас уже ждали. Немного впереди стоял высокий широколобый мужик лет пятидесяти. Его узнал я сразу. А как не узнать, если лицо нашего губернатора не сходит с экранов телевизоров и со страниц местных газет уже больше двух лет?

Чуть позади нашей большой местной шишки стояла женщина. Она немного располнела, я бы даже сказал, потускнела, но ее лицо показалось мне знакомым.

Мы не успели даже сказать «здравствуйте». Женщина неожиданно вскрикнула, как раненая чайка, рванулась вперед, подбежала к Дженнифер и Жанне, протянула к ним руки... и упала без чувств.

Вернее, потеряла от огромного волнения сознание. Она не

упала только потому, что ее успела подхватить Дженнифер.

Да, действительно, реакция у девки будь здоров...

В общем, все окончательно успокоились только за столом. Губернатор ни под каким видом не согласился нас отпускать. Я понимал мужика – у него сегодня был праздник. Да еще какой!

Ведь жена губернатора так больше и не смогла родить ему детей. Видимо, она получила сильный психологический стресс, когда ей сообщили о смерти ее малюток...

Уезжали мы от губернатора далеко за полночь. Жанна и Дженнифер остались ночевать теперь уже в родных пенатах. Они были очень похожи на мать, которая, все еще не веря своему счастью, не отходила от них ни на шаг. А сколько мы благодарных слов услышали...

Провожая нас, губернатор сказал:

– Я ваш должник, ребята. Если что будет нужно, обращайтесь прямо ко мне. Свои телефоны я вам дал. Ну, а что касается этого козла... С ним я поговорю, не сомневайтесь. Я уже дал указание. Он арестован.

В машине Плат сказал:

– Уф-ф... Устал, как ломовая лошадь. Чтоб я так жил... Просто не верится, что мы на финише. А завтра, кстати, нас ждет Рыжий. Устроим ему представление?

– А как же...

И мы оба от души расхохотались.

К Рыжему мы ехали на трех машинах: одна была нашей,

во второй сидели сестры-найденыши Дженнифер и Жанна, а в третью под завязку набились омоновцы. Губернатор не захотел рисковать, и предоставил нам сопровождение по высшему разряду (я забыл сказать, что впереди шла еще и машина ГИБДД с включенным проблесковым маячком).

По дороге мы обсуждали свежие новости.

– Курамшин уже раскололся, – доложил Плат. – Это была его идея облагодетельствовать и американского дипломата (за большие бабки), и свою жену. Посредником в сделке, как ты уже знаешь, был Клычков. Он тогда ходил у Курамшина в друганах. Связка, типичная для советских времен, – мент и мясник. Кирик еще тот тип... В их компании был и врач из роддома. Но к нему теперь претензий не предъявишь; он умер два или три года назад. Скорее всего, им помогала и какая-то сестра, но этот вопрос еще не прояснен.

– Вот сука, – прокомментировал я сообщение Плата. – Ну разве это человек!? За хорошие бабки даже мать родную продаст.

– Между прочим, именно таким образом он и заработал свой первый капитал. Курамшин сначала организовал продажу младенцев из пятого роддома, а затем запустил свои лапы и в дом малютки. Его, кстати, прихватили на этом деле, но времена сам знаешь, какие были, – откупился. А затем ушел на вольные хлеба. Мне ребята из управления рассказывали.

– Интересно, когда-нибудь наши менты перестанут быть

продажными?

Мой риторический вопрос остался без ответа – наш кортеж остановился возле офиса Крапивина...

– Привет, Костя! – сказал я, широко улыбаясь.

– Привет... – буркнул Рыжий. – Чего приехали?

Похоже, сегодня у него было плохое настроение. А может, просто не выспался.

– За бабками. Ты должен нам еще двадцать штук, и все «зеленью».

– Не понял... Ты чего гонишь? Работу вы сделали? Нет. Так какого хрена!...

– Рыжий, не лезь трубу. Заказ выполнен. Невеста доставлена в фирменной упаковке.

Я распахнул дверь его кабинета пошире и сказал:

– Входите, дамы!

В кабинет вплыли Дженнифер и Жанна. Мама моя родная! Они успели приодеться, притом в одинаковые шмотки (когда только успели?), и мне показалось, что у меня в глазах двоится. Их нельзя было отличить друг от дружки!

– Ты просил нас найти одну, а мы привезли тебе сразу двух, – сказал я, покачав от удивления головой. – Выбирай любую. Чего молчишь? Все как в сказке про водяного царя, его дочку и Иванушку-подкидыша. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

На этом месте я и опущу занавес повествования. Каждому свое, как говорили древние мудрецы. Кому радость и сча-

стве, а кому денежки. Двадцать тысяч на дороге не валяются.
Если уж нет у меня счастья, так возьму деньгами.